

ФАНТ-ХАБАР

2026

30

ФАНТ-ХАБАР

2026

6 (30)

3 Календарь. 2026. Июль

19 Такие дела. Июнь 2026

26 Голоса из Сетей

Лонгриды:

92 Владимирский В. Lleo: отчёт за двадцать лет

95 Сидоров П. «Объект» — межзвёздный странник
и субъективное время

98 Источники

Первая страница:

Космос на иллюстрации художника Юрия Швеца

Редактор: БВИ

bvi@rusf.ru

<https://t.me/bratrзум>

<https://bvi.livejournal.com>

<http://bvi.rusf.ru/fx/fx030.pdf>

Арканар: Метагом, 2026

Календарь фантастики: Июль

1 июля: **Консультант фантастов**

110 лет назад родился **Иосиф Самуилович ШКЛОВСКИЙ** (1916-1985), русский астрофизик, автор работ «Звёзды, их рождение, жизнь и смерть», «Вселенная, жизнь, разум», сборника невыдуманных рассказов «Эшелон» с воспоминаниями о съёмках к/ф «Солярис».

Из воспоминаний Шкловского о встрече ещё с одним режиссёром: «Антониони оказался очень симпатичным, немного грустным немолодым человеком, одетым с подчеркнутой простотой. По-английски он говорил примерно так же плохо, как и я, что, конечно, способствовало взаимному пониманию. «Чем могу служить?» – спросил я. «Видите ли, я задумал поставить фильм-сказку. По ходу действия дети, играющие в городском дворе – настоящем каменном мешке, – запускают воздушного змея, который улетает в космос. Может ли это быть?» – «Вы придумали, маэстро, прелестную сказку, а в сказке всё возможно!» Насчёт сказок Антониони разбирался, во всяком случае, не хуже меня. Нет, его интересовало – может ли это быть с точки зрения науки! «Я вынужден Вас разочаровать – с точки зрения науки это не может быть!» – «Я понимаю, – сказал Антониони, – что этого не может быть с точки зрения науки сегодняшнего дня. Но может быть, через 200-300 лет наука уже не будет исключать такую возможность?» – «Боюсь, что и через 1000 лет позиция науки в этом пункте не изменится. Разве что детишки оснастят свою игрушку каким-нибудь аннигиляционно-гравитационным двигателем». Нет, такой двигатель маэстро Антониони не устраивал – он разрушал его милую задумку. Я стал ему объяснять, что только первобытные люди и современные, обременённые полужнаниями цивилизованные дикари

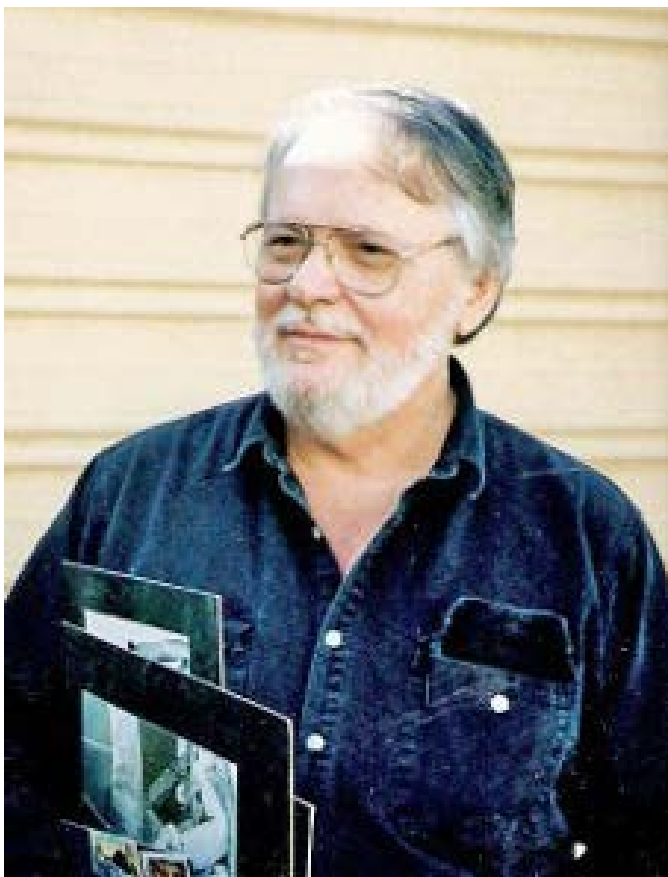

верят (именно верят) в безграничные возможности науки. На самом деле настоящая наука – это сумма запретов. Например, вся физика состоит из трёх запретов: а) нельзя построить перпетуум-мобиле первого и второго рода, б) нельзя передать сигнал со скоростью большей, чем скорость света в пустоте, в) нельзя одновременно измерить координату и скорость электрона. Антониони помрачнел. Запреты были ему явно не по душе».

3 июля: **Опасно для творческого ума**

100 лет назад родился **Чарлз Уильям РОТСЛЕР (Джон Райдер ХОЛЛ) [Charles William ROTSLER (John Ryder HALL)]** (1926-1997), американский писатель, художник и режиссёр, автор романов «Покровитель искусств», «В страну электрического ангела», «Дальний рубеж», «Синбад и глаз тигра», «Зандра», «Снижение Шивы» (с Г.Бенфордом), «Мир будущего».

Практически неизвестный у нас как писатель (я знаю лишь один перевод рассказа Ротслера на русский язык, опубликованный в малотиражном сборнике), Билл Ротслер получил широкую известность на родине прежде всего как художник-любитель (в этой ипостаси он получил четыре премии

«Хьюго»), а также автор огромного количества карикатур, которые он начинал рисовать ещё в Лос-Анжелесском клубе любителей фантастики, а после публиковал в научно-фантастических журналах. О цикле романов «Зандра», в которых описано проникновение на далёкую планету через Звёздные врата, расположенные в Бермудском треугольнике, в «Энциклопедии фантастики» сказано: «Большое количество персонажей, сильно отличающихся друг от друга, создаёт впечатление, что Ротслер пытался работать в жанре бестселлеров, опасном для творческого ума».

4 июля: О племени снежных людей

120 лет назад родился **Михаил Константинович РОЗЕНФЕЛЬД** (1906-1942), русский писатель и журналист, автор романа «Морская тайна», повести «Ущелье алмасов».

Летом 1930 года Розенфельд в составе экспедиции Академии наук СССР пересёк Монголию. Храмовые праздники буддийских лам, первый договор на социалистическое соревнование в монгольском колхозе, эпитафия Чингисхана на замшелых камнях – всё это вошло в книгу «На автомобиле по Монголии». Многие из увиденного легло в основу

фантастической повести Михаила Розенфельда «Ущелье алмазов».

«Однажды в селении «Медная степь», в конце Монгольского Алтая, – писал Розенфельд, – во время снежного бурана монголы попрятались в юрты. Внезапно все собаки кочевья с безумным лаем кинулись на холм. Кочевники вскочили за ними и вдруг замерли от страха перед тем, что им пришлось увидеть. В бушующем урагане, в вихрях снега с диким рёвом метался голый волосатый человек. «Чикем-би! Кто ты?» – закричали монголы. Таинственный человек, увидев людей, убежал. На следующий день монголы нашли на снегу его следы. Это были, несомненно, человечесьи, но какие-то странные следы. Когтистые пальцы изогнуты внутрь, кривой оттопыренный большой палец неестественной величины. Следы уходили через степь к горам и исчезали у абсолютно недоступных ущелий, куда не может проникнуть человек...»

4 июля: **Актёр Лопушанского и Сокурова**

75 лет назад родился **Виктор Васильевич МИХАЙЛОВ** (р. 1951), русский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Письма мёртвого человека», «Необыкновенные приключения Карика и Вали» (Виктор, папа Карика и Вали), «Посетитель музея» (Посетитель музея), «Русская симфония» (Иван Сергеевич Мазаев), «Русский ковчег», «Прямохождение», «Гадкие лебеди» (Мокрец Зиновий).

Александр Попов на сайте «Кинопоиск» писал: «Экранизируя на этот раз свою собственную повесть, Лопушанский намеренно окарикатуривает образ классического русского интеллигента (в блестящем исполнении Виктора Михайлова, играющего на грани человеческих возможностей), мучимого самобичеванием и жадной умереть за других. Однако, и он, и иные герои всего лишь играют

подготовленные им роли в гигантском спектакле под названием «конец света», оттого в ленте такой налёт невыносимой, дилетантской театральщины – она просчитана режиссером. Помнится, при первом просмотре «Русская симфония» была принята мною за чистую монету, зрительская близорукость не позволила увидеть в ней мощный заряд иронии по отношению к русофильству, имперским идеям и концепции русского реванша. Однако, трагикомизм этой картины заставляет задуматься о том, в чём именно состоит природа анализируемого Лопушанским зла: ирония и сарказм автора наводит на мысль, что оно – как раз в невыносимо раздутой идее о богоизбранности русского народа. Антихрист и его воинство – в нас самих, мы сами семьдесят лет строили безбожную цивилизацию, кто в этом виноват, кроме нас? И потому разрушающие прошлое толпы из ленты Лопушанского, призывающие судить коммунистов и партийцев, сами, по мысли режиссёра, повинны в том же, что и объекты их ненависти».

5 июля: Любил и умел удивлять

125 лет назад родился **Сергей Владимирович ОБРАЗЦОВ** (1901-1992), русский актёр и режиссёр-кукольник, постановщик более 70 спектаклей для детей и взрослых («По щучьему велению», «Ночь перед Рождеством», «Король-олень», «Илья Муромец крестьянский сын», «Божественная комедия», «Ноев ковчег» и др.).

Арсений Замостьянов: «Он любил и умел удивлять. Достаточно вспомнить часы на театральном фасаде, проходя мимо которых невозможно не поднять голову, какие бы дела нас ни кружили по Садовому кольцу. Каждый час открываются дверцы – и из домика появляется фигурка того или иного кукольного героя, слышен крик петуха, мелодия песенки «Во саду ли, в огороде...». А дважды в сутки на часах можно увидеть сразу всех персонажей сказок. Происходит это в полдень, а также в полночь. Всё это придумал Образцов, а вслед за ним – пятьдесят мастеров превратили замысел в диковинный механизм. В Москве, на Садовом кольце, возле знаменитого театра с часами, есть памятник Образцову. Кажется, что он стоит там давным-давно, ведь великий кукольник давно стал гением места для этого перекрестка на Самотёке».

5 июля: Активный польский фантаст

95 лет назад родился **Богдан ПЕТЕЦКИЙ (Ян Артур БЕРНАРД) [Bohdan PETECKI (Jan Artur BERNARD)]** (1931-2011), польский писатель и журналист, автор романов «В половине пути», «Нулевые зоны», «Люди со звезды Фери», «Только тишина», «Операция «Вечность»», ««Рубин» прерывает молчание», «Мессье 13», «Когда с чёрного солнца», «Королева космоса», «Ветер от солнца», «Бал на пяти лунах», «Первый землянин».

Удивительное дело! Один из самых активных писателей 1970-1980-х годов в Польше практически не переводился в Советском Союзе. Звёзд с неба он не хватал, но писал вполне добротнo. Его книги в основном адресованы молодому читателю. Основная тема историй Петецкого – это контакты с чужими цивилизациями, обычно неудачными, которые завершаются тем, что инопланетяне не воспринимают земную культуру, закрывают свой мир от внешнего проникновения, создают эффективные защитные барьеры. Среди наиболее интересных романов Петецкого – «Только тишина», в котором исследуются экологические проблемы и описывается долговременная гибернация землян, ожидающих, когда завершится биологическая регенерация нашего мира.

6 июля: Путешественник по миру приключений

140 лет назад родился **Пьер Фердинан Мари БЕНУА [Pierre Ferdinand Marie BENOIT]** (1886-1962), французский писатель, автор романов «Атлантида», «Забытый», «Прокажённый король», «Дорога гигантов», «Солёное озеро», «Полуночное солнце».

Вивиан Итин в 1922 году писал: «Подобно Рене Марану имя Пьера Бенуа – новое в литературе. Подобно Рене Марану автору присуждена французской академией национальная премия. И, наконец, место действия романа – та же таинственная Африка – источник вдохновения современной французской литературы. «Атлантида» вводит читателя в круг идей утончённых и упадочных, где страсть становится роком, прославляемым, как высшая цель жизни. И уже почти банально звучит конец, когда «рыцари современности» – французские офицеры – отправляются умереть у ног... не то сказочной богини, не то незаконнорожденной дочери весёлой певички и польского пьяницы. В целом,

роман написан с выдающимся мастерством, умело привлекающим читателя в королевские палаты, притоны, пески Сахары, таинственные страны. Это одно из интереснейших произведений «мира приключений», умело одобренных изысканной учёностью и фатальной эротикой».

6 июля: Мечтать о миллиарде световых лет

125 лет назад родился **Юрий Вячеславович ГРДИНА** (1901-1967), русский учёный-металловед, писатель, автор романа «Блистающий мир», идеи которого резко противопоставлены «Туманности Андромеды» И.Ефремова.

«Отец русских рельсов», как часто называют профессора Грдину, был высококультурным для

своего времени, интеллигентным человеком: играл на фортепиано прелюдии Рахманинова и сонаты Бетховена, писал маслом картины, вырезал по дереву, наизусть читал стихи поэтов Серебряного века. Спустя 40 лет после его смерти в семейном архиве нашлась рукопись романа, в котором Грдина попытался изобразить 25-й век человечества. Слова из этой книги наиболее соответствуют стилю его жизни, его мышлению: «Что там, за пределами трёхсот световых лет, какие миры, какая жизнь, какие её формы? Вот туда, на миллионы световых лет, стремятся теперь мои мысли... Я буду мечтать о миллиарде световых лет, близко к границам Вселенной, как понимал её когда-то Эддингтон».

6 июля: **Замороженный Разрушитель**

80 лет назад родился **Сильвестр Гарденцио СТАЛЛОНЕ [Sylvester Gardenzio STALLONE]**

(р. 1946), американский актёр, сценарист и режиссёр, исполнитель ролей в к/ф «Смертельные гонки 2000» (Джо «Пулемёт» Витербо), «Разрушитель» (Джон Спартан), «Судья Дредд» (Судья Дредд), «Мурaveй Антц» (Уивер, голос), «Детоксикация» (Джейк Мэллой), «Дети шпионов 3: Игра окончена» (Кибергений), «Мой парень из зоопарка» (Лев Джо, голос), «Рэтчет и Кланк: Галактические рейнджеры» (Виктор фон Ион, голос), «Зверокрекер» (Человек-пуля, голос), «Стражи Галактики. Части 2 и 3» (Стакар Огорд), «План побега 2» (Рэй Бреслин), «Самаритянин» (Джо Смит / Немезида / Самаритянин).

Одним из самых ярких фантастических боевиков 1990-х годов был «Разрушитель». Полицейского Джона Спартана обвинили в гибели мирных жителей и поместили в криогенную камеру. (Позже Сталлоне признался, что съёмки этого эпизода были худшими в его жизни: он боялся утонуть, страдал клаустрофобией, и ему несколько часов пришлось быть голышом.) Спустя годы Джона размораживают, чтобы он поймал преступника. Потому что полиция будущего стала слишком толерантной, и только герой Сталлоне может показать, что такое настоящее правосудие. Кстати, этот фильм стал своего рода предсказанием политической карьеры

Арнольда Шварценеггера. Пока Спартан был заморожен, Шварценеггер занимал пост президента США. Через некоторое время после фильма Арнольд стал губернатором штата Калифорния. Венгерский фантаст Иштван Немере обвинил фильм в плагиате, так как он повторяет концепцию его книги «Борьба мертвецов», но судиться с Голливудом не рискнул.

7 июля: **Не только гарики**

90 лет назад родился **Игорь Миронович ГУБЕРМАН (И.МИРОНОВ)** (р. 1936), русский поэт и писатель, автор рассказов «Двое под гамаком», «Вечер в гостинице».

Автор, получивший огромную известность прежде всего своими «гариками» – ироническими четверостишиями, начинал писательскую деятельность фантастическими рассказами (опубликованы были всего два рассказа, но и сейчас, шестьдесят лет спустя, они не потеряли своей актуальности). Серьезными и весьма увлекательными были и его научно-популярные книги: «Третий триумvirат» – о бионике, науке об использовании свойств живых организмов в технике, «Чудеса и трагедии чёрного ящика» – о работе мозга и современной психиатрии. Перу Губермана принадлежит также книга

о Николае Морозове «Побеждённое время», вышедшая под именем Марка Поповского. Губерман – знаток и коллекционер русского авангарда. В одном интервью он говорил: «Лучшее, что было в русском искусстве двадцатого века, – Филонов, Кандинский, Малевич и те, что были рядом, – русский революционный плакат, и Татлин, и футуристические проекты городов будущего, неосуществимые, грандиозные».

9 июля: **Готический мастер**

115 лет назад родился **Мервин Лоренс ПИК [Mervyn Lawrence PEAKE]** (1911-1968), английский писатель и художник, автор трилогии «Горменгаст», повести «Мальчик во тьме», поэмы «Стеклодувы», книги «Господин Пай», иллюстраций к книгам братьев Гримм, С.Т.Кольриджа, Л.Кэрролла, Р.Л.Стивенсона.

Из статьи Михаила Назаренко: «Любой крупный писатель окружён мифами о его жизни. Трагическая судьба Пика породила повторяющийся из одной биографии в другую образ: вдохновенный безумец, романтический гений, на котором чуть ли не с рождения (а с войны – так уж точно) лежала печать неотвратимого рока. И это правда, но не вся. Разве влезет в этот миф типичная картина, которая запомнилась Майклу Муркоку: на одной ручке кресла лежит кот, на другой сидит ребёнок, а сам Пик устроился в кресле, сигарета прилипла к губе, он одновременно перекидывается шутками с друзьями, слушает радио и рисует иллюстрации к «Доктору Джекилу и мистеру Хайду»! Да и человек, который в больнице, в сумасшедшем доме, преодолевая немощь, выполняет некие танцевальные па, чтобы успокоить жену, – такого человека тоже мифом не назовешь. А вот просто *человеком*...».

бы доставлен домой работниками милиции, затем стал бы «гипнотизёром» и усыплял всех собак и кошек Векиловской улицы, писал бы фантастические поэмы, снимался в массовых сценах армянского фильма «Первые лучи», строил бы летающие модели самолетов...».

16 июля: Искатель приключений

12 июля: Экзюпери из ростовского авиаотряда
110 лет назад родился **Петроний Гай АМАТУНИ** [Պետրոնի Գայ ԱՄԱՏՈՒՆԻ] (1916-1982), русский писатель, автор романа-трилогии «Гаяна», повестей «Маленький летчик Пиро», «Разведчик недр», «Чао», «Требуется король», «Королевство восемью-восемь», «Космическая горошина», «Почти невероятные приключения в Артеке».

120 лет назад родился **Кирилл Константинович АНДРЕЕВ** (1906-1968), русский писатель, критик, очеркист, редактор, автор книг «Три жизни Жюль Верна», «Искатели приключений», автор предисловий и послесловий к книгам Ж.Верна, Г.Уэллса, С.Лема, Стругацких, Р.Брэдли.

В романе Амаатуни «Тинуэлла» из трилогии «Гаяна» есть такие автобиографические строки: «Настало время представиться читателю, хотя мне и трудно рассказать о себе, потому что я увлекался решительно всем, но не достиг заметного совершенства ни в чём. Вот если бы я смог снова начать свою жизнь, сохранив при этом приобретённый опыт, то... Гм! Боюсь, что как некогда в Ереване, я снова стал бы вождём краснокожих, Чёрной пантерой, трижды бежал к берегам Амазонки и трижды был

Знаковая фигура советской фантастики 1980-х годов. В юности писал стихи, вошёл в группу «Союз приблизительно равных» (ЭСПЕРО), основанную поэтом Георгием Оболдуевым. Во время войны работал в институте ВНИИ электромеханики, участвовал в сражениях в районе Курска, был контужен. После войны сосредоточился на приключенческой и научно-фантастической литературе. Кирилл Андреев был составителем сборников «Фантастика, 1962», «Фантастика, 1963», «Чёрный столб», «Новая сигнальная», «Альманах научной фантастики. Выпуск 1». В качестве редактора работал со многими

начинающими фантастами, в частности, с братьями Стругацкими, которым он дал рекомендацию для вступления в Союз писателей. Андреев – автор литературных портретов Р.Стивенсона, А.К.Дойла, А.Грина, А.Дюма, Г.Мелвилла, Р.Кента

16 июля: Универсальная фантастка

75 лет назад родилась **Эстер Мона ФРИСНЕР-СТУЦМАН (Эстер М. ФРИСНЕР) [Esther Mona FRIESNER-STUTZMAN (Esther M. FRIESNER)]** (р. 1951), американская писательница, автор серий «Хроника двенадцати королевств», «Нью-Йорк», «Демоны», «Страна гномов», «Маджик», «Псалмы Ирода», романов «Кровь друида», «Корпорация боги» (с Р.Асприном), «Корона на троих» (с Л.Уотт-Эвансом).

Эстер Фриснер изучала испанскую филологию, преподавала её в Йельском университете, где защитила диссертацию, но с 1982 года полностью посвятила себя литературной деятельности. Она написала более двухсот рассказов (два из них принесли ей премию «Небьюла»), выпустила несколько сборников. В дилогии «Псалмы Ирода» и «Меч Марии» описала постапокалиптическую Америку, в которой правят христианские фундаменталисты, а женщин считают вместилищем греха и всячески унижают. Подготовила также феминистскую серию антологий приключенческой фантастики «Курычки», редактировала серию юмористических ужасов «Сверхъестественный пригород», участвовала в межавторских циклах с романами «Люди в чёрном-2», а также «В грозные небеса» и «Дитя войны» во Вселенной Звёздного пути.

20 июля: Не признавал припёка

140 лет назад родился **Михаил Леонидович ЛОЗИНСКИЙ** (1886-1955), русский поэт и переводчик, редактор, автор переводов «Божественной комедии» Данте, пьес К.Гюгго, У.Шекспира.

Анна Ахматова говорила, что «в трудном и благородном искусстве перевода Лозинский был для XX века тем же, чем был Жуковский для века XIX». Переводчик английской и скандинавской литературы Игнатий Ивановский вспоминал: «В белых стихах он не признавал припёка, когда на сотню строк подлинника набегает две-три лишние переводные строки. Он переводил строка в строку, передавал все интонационные ходы. В переводе «Гамлета» искусство следования вплотную за подлинником, дыхание в дыхание, порой непостижимо. Ведь английские слова в общем короче русских, а стихотворную строку не растянешь». В архиве Лозинского хранится письмо от Пастернака. Борис Леонидович пишет, что не стал бы переводить «Гамлета», если бы знал, что за перевод уже взялся Лозинский.

21 июля: Экспромты Джинна

75 лет назад родился **Робин УИЛЬЯМС [Robin WILLIAMS]** (1951-2014), американский актёр и продюсер, исполнитель ролей в к/ф «Попай» (Попай), «Приключения барона Мюнхгаузена» (Король Луны), «Капитан Крюк» (Питер Беннинг – взрослый Питер Пэн), «Король-рыбак» (Пэрри), «Игрушки» (Лесли Зиво), «Джуманджи» (Алан Пэрриш), «Гамлет» (Озрик), «Джек» (Джек Пауэлл), «Куда приводят мечты» (Крис Нильсен), «Двухсотлетний человек» (Эндрю Мартин), «Окончательный монтаж» (Алан Хэкмэн), «Ночь в музее – 1, 2, 3» (Теодор Рузвельт), озвучивал роли в м/ф и к/ф «Долина папоротников: Последний тропический лес» (Бетти Кода), «Аладдин» (Джинн; Продавец), «Аладдин и король разбойников» (Джинн), «Искусственный разум» (Доктор Ноу), «Роботы» (Тормоз).

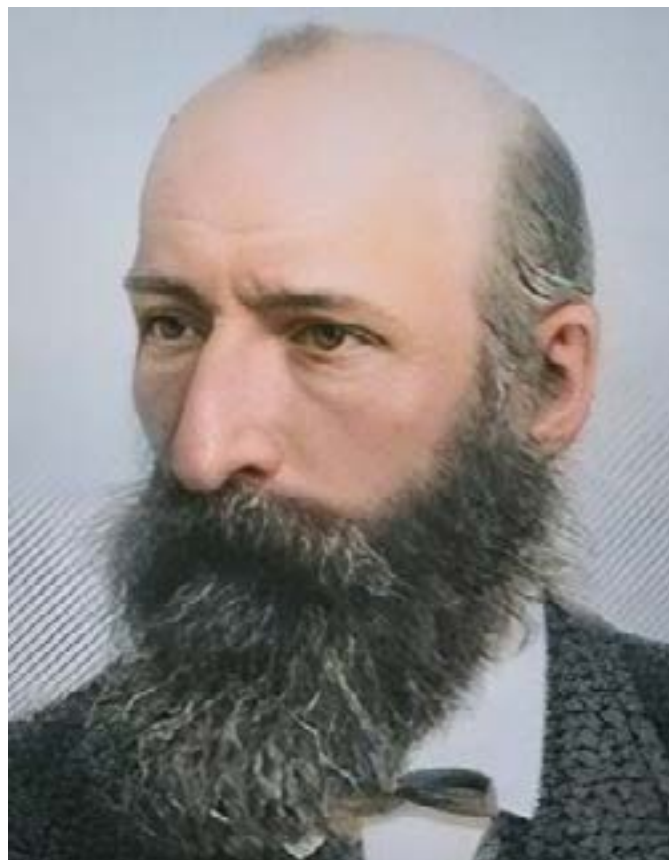
Александр Мигаль так писал об одном из киновоплощений актёра: «Появление Робина Уильямса в большой анимации было вопросом времени, ведь он сам по себе походил на ожившую мультяшку из Looney Tunes. Звёзды сошлись в 1992 году, когда на свет родился обладатель феноменальной космической мощи и крохотного жилья, ранимый

весельчак Джинни. Эта роль была написана специально под Уильямса: студия дала актёру полную творческую свободу, а многие сцены в связи с постоянным экспромтом во время записи отрисовывали уже постфактум. Сымпровизированный Робинот Уильямсом Джинни – гений постмодернистского фарса и сломанной четвёртой стены, возникающий в как бы традиционной диснеевской сказке так же внезапно, как оазис среди пустыни. Волшебник из лампы стал визитной карточкой картины и сильно обогнал по популярности всех остальных её героев, навсегда примкнув к лику диснеевских маскотов».

23 июля: Мифы о славянской мифологии

200 лет назад родился **Александр Николаевич АФАНАСЬЕВ** (1826-1871), русский историк и литературовед, исследователь фольклора, автор трёхтомной работы «Поэтические воззрения славян на природу», составитель сборников «Народные русские сказки», «Народные русские легенды», «Заветные сказки».

Хотя труды Афанасьева пользуются большой популярностью и в нынешнее время (особенно у представителей псевдонауки, пишущих о славянской мифологии), уже в конце XIX века его деятельность подвергалась критике. М.К.Азадовский замечал, что Афанасьев подгонял различные явления народной жизни и поэзии к заранее заданным схемам мифических представлений. В.Я.Пропш отмечал, что уровень Афанасьева как исследователя фольклора и мифологии был невысоким. Этнограф Д.К.Зеленин писал: «Старая работа А.Н.Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» в своё время имела большое значение, однако давно уже утратила всякую научную ценность. А.Н.Афанасьев был наиболее последовательным сторонником мифологической школы, возводившей всё зем-

ное к небесному началу. Теории Гримма, Шварца и Макса Мюллера доведены им до крайности. В своих работах Афанасьев использовал статьи из малодоступных русских провинциальных изданий, однако даже пользоваться его трудами только как собранием материалов не рекомендуется, так как он не всегда разграничивает объективное изложение фактов и собственные выводы».

23 июля: От театра к фантастике

100 лет назад родился **Юлий Иосифович КАГАРЛИЦКИЙ** (1926-2000), русский литературовед и критик, автор книг «Вглядываясь в грядущее:

Книга о Герберте Уэллсе», «Герберт Уэллс», «Что такое фантастика?», «Шекспир и Вольтер».

Одним из научных интересов Юлия Кагарлицкого был западноевропейский театр. Много лет он преподавал в Гиттисе, защитил кандидатскую диссертацию о Генри Филдинге, исследуя его пьесы, опубликовал несколько книг о театре. А вторым направлением его исследований стала фантастика. И докторскую диссертацию он защитил уже по творчеству Герберта Уэллса, надолго став признанным специалистом, почётным вице-президентом международного Уэллсовского общества. Перу Кагарлицкого принадлежит множество статей о фантастах (Ж.Верн, А.К.Дойл, Г.Каттнер, Р.Киплинг, Л.Кэрролл, У.Моррис, Дж.Свифт, Дж.Уиндем, Р.Шекли и др.). В 1974 году вышла пионерская в отечественном литературоведении монография «Что

такое фантастика?», в которой автор попытался создать (и изложить в популярной форме) теоретическую базу для дальнейшего изучения научной фантастики.

23 июля: Душа – запредельная бездна

80 лет назад родился **Александр Леонидович КАЙДАНОВСКИЙ** (1946-1995), российский актёр, режиссёр, сценарист, исполнитель ролей в к/ф «Таинственная стена» (Сотрудник вычислительного центра), «Четвёртый» (Второй пилот), «Крах инженера Гарина» (Доктор Вольф), «Дознание пилота Пиркса» (Том Новак), «Сталкер» (Сталкер), «Новые приключения янки при дворе короля Артура» (Сэр Ланселот), «Дыхание дьявола» (Дамиан), «Волшебный стрелок» (Максим, русский шахматист), постановщик к/ф «Иона, или Художник за работой», «Сад», «Гость», «Жена керосинщика», озвучивал м/ф «Вперёд, время!», «Возвращение», «Контракт», «Два билета в Индию», «Перевал», «Сон смешного человека».

Кайдановский сам работал над сценариями к своим фильмам. В конце жизни он хотел снять фильм «Восхождение к Экхарту» – о противостоянии любви к Богу и любви к человеку. Светлана Новикова писала: «Этот сценарий стоил Кайдановскому здоровья, а возможно, и жизни. Было начало девяностых. Тогда казалось, что кино рухнуло, что выхода нет. Кайдановский ездил на «Мосфильм», но всякий раз возвращался расстроенным: денег не давали, к сценарию придирались. Не ко времени затеял он эту философско-эпическую картину!.. Это не коммерческий проект, объясняли ему, а значит, не окупится. Он переписывал сценарий шесть раз. Ему неизменно отвечали, что денег на картину дать не могут. Идеи Мейстера Экхарта – средневекового мистика и проповедника (XIII – XIV вв.) – были очень близки Кайдановскому, поскольку центром интереса Экхарта была душа. Он считал, что душа – само время, сама память о своей жизни, о своих чаяниях. Самопознание по этой теории тождественно пониманию Бога. Как Бог не причастен времени, так не причастна к нему и душа: они не в прошлом, не в будущем, но сейчас – в том единственном меду времени, где вечность открыта нам. А, следовательно, душа вечна. Душа – по Экхарту – безднная бездна, родившая всё, в том числе и Бога! Именно эти идеи волновали Кайдановского в последние годы его жизни».

27 июля: Я хочу танцевать 100 лет...

90 лет назад родился Марис-Рудольф Эдуардович ЛИЕПА [Māris Rūdolfs Liepa] (1936-1989), латышский артист балета, исполнитель партий в спектаклях «Лебединое озеро» (Принц Зигфрид), «Лесная фея» (Чабан), «Шехерезада» (Синдбад), «Дон Кихот» (Базиль), «Фауст» (Вакх), «Золушка» (Принц), «Спящая красавица» (Принц Дезире), «Сказка о сол-

дате и чёрте» (Чёрт), «Чиполлино» (Принц Лимон), ролей в к/ф «Гамлет» (Гамлет), «Могила льва» (Князь Всеслав), «Четвёртый» (Джек Уиллер), «Орех Кракатук» (Мышиный Король, Щелкунчик, Советник), «Детство Бэмби» и «Юность Бемби» (Отец Бемби).

Из книги Мариса Лиепы «Я хочу танцевать 100 лет»: «Смежные искусства – живопись, хореография, скульптура – должны обогащать друг друга... Как-то мы много говорили и спорили с моим другом, художником Улдисом Земзарисом, и я, уже надоев ему тысячью глупых вопросов, вдруг задал тысяча первый: «Что же является самым главным, самым важным в любой картине?» И я получил очень краткий ответ: «Вот эта точка. Точечка. Ты поставил ее, и картина закончена».

Я люблю рисовать и лепить. Между балетом и изобразительным искусством действительно существует какая-то тайная связь. Хореографические композиции в балетах Петипа настолько красивы, что зрители аплодируют, видя на сцене изысканный рисунок построения кордебалета. Да, танцы давно по праву воспринимают как ожившую картину или гобелен. Тело балерины или танцовщика порой кажется волшебным изваянием природы,

чудесной живой скульптурой. А как помогает артисту балета изучение античных статуй, хранящих спокойное величие, или русских икон, запечатлевших таинственные лики святых».

29 июля: **Пародия на классическую дьяволиаду**

125 лет назад родилась **Анна Александровна БАРКОВА (КАЛИКА ПЕРЕХОЖАЯ)** (1901-1976), русская поэтесса, автор повестей «Стальной муж», «Восемь глав безумия», «Как делается луна».

Леонид Таганов о прозе Анны Барковой:

В повестях Барковой доминирует интеллектуально-диалогическое начало. На относительно малом пространстве прозаического текста сконцентрировано напряжённое действие, связанное, прежде всего, с противостоянием различных точек зрения на жизнь. Особенно показательна в этом плане повесть «Восемь глав безумия», представляющая собой столкновение, многосоставный диалог героини, за которой узнаётся сам автор, с дьяволом, принявшим облик заурядного пенсионера-рыболова. Эта повесть является своеобразной пародией на классическую дьяволиаду. Князь тьмы, когда-то гордый, уверенный в своей победе, выведен здесь усталым и понурым субъектом, обиженным на людей за то, что они отвернулись от Бога и Дьявола, попав во власть нового духа – всемирной Пошлости. Мировая интрига иссякла. Человечество вступило в эпоху пародий. «Пошлость, – жалуется чёрт, – единственная пища человека вашего последнего времени. В мировом плане мы не предусмотрели такую возможность». И далее «чёрт-рыболов» демонстрирует две модели будущего. Западную, где царит материальное благополучие, но полностью отсутствует личностное начало, и коммунистическую, основанную на насильственном подавлении

особого элемента, названного учеными индивидуалином. Крайности сходятся. И та, и другая модель призваны подтвердить генеральный тезис чёрта: «Мир погиб давно. Духовно вы все мертвецы». А как же на это реагирует наша героиня? Она во многом соглашается с чёртом, но духовная капитуляция перед тотальной силой пошлости ей глубоко претит. Она готова на крайний шаг, на гибель, чтобы сохранить своё творческое «я».

30 июля: Реабилитирован посмертно

125 лет назад родился **Виктор ЗИСМАН (Виктор Яковлевич ЗИСКИНД; Бруно ЯСЕНСКИЙ) [Wiktor ZYSMAN (Bruno JASIŃSKI)]** (1901-1938), польский и русский поэт, писатель, драматург, автор романа «Я жгу Париж», повести «Нос», пьесы «Бал манекенов».

Из воспоминаний жены писателя Анны Берзинь: «Нам кажется, что широкому читателю интересно было бы узнать, как писал Ясенский. Живое всем интересовавшийся, он вдруг замолкал, будто уходил на дно глубокого колодца, переставал разговаривать, отвечать на вопросы, почти не воспринимал окружающей действительности. Когда нам впервые пришлось увидеть его в таком состоянии, то мы просто ничего не поняли, казалось, что его кто-то разгневал, обидел, вывел из обычного ясно-спокойного состояния. Он ходил, если это происходило в комнате, из угла в угол, если на улице, то быстро, не глядя по сторонам, погружённый в собственные мысли, чувства и переживания. Он отмеривал огромные пространства. Он выхаживал каждую новую вещь. Он её делал всю на ходу. Но вот приходит момент, когда ему надо поделиться своим

замыслом, уже мысленно воплощённым в готовую форму, и он рассказывает, а сам посмеивается, грустит, волнуется. Затем садится и записывает подробный план. Если вещь большая, то по главам, по действиям, крупными кусками. Потом, уже почти не отступая от плана, он пишет пьесу или роман. Пишет методически изо дня в день, не отрываясь по несколько часов от письменного стола. В Таджикистане писал даже лёжа на ватном одеяле. Поправок вносил мало. Вещь выкристаллизовывалась на ходу. Он как бы её заучивал».

30 июля: Пионер библиографии фантастики

105 лет назад родился **Борис Валерианович ЛЯПУНОВ** (1921-1972), русский писатель, журналист, критик и исследователь фантастики, библиограф,

автор книг «Мечте навстречу», «По следам Жюль Верна», «Александр Беляев», «Вижу Землю!», «В мире мечты», «В мире фантастики».

Основные заслуги Бориса Ляпунова в области фантастики: практически первый библиографический указатель «Научная фантастика» (составлен в 1946 году); был одним из активных создателей жанра научно-фантастического очерка (в 1950 году в журнале «Знание – сила» вышла статья «Из глубины Вселенной», в которой автор обосновывал возможность того, что Тунгусская катастрофа произошла при попытке приземления межзвёздного корабля); фактически возвратил из небытия имя Александра Беляева в послевоенные годы, подготовил первые переиздания Беляева в 1950-е годы; совместно с Георгием Гуревичем и Юрием Долгушиным в 1954 году создал «репортаж из будущего» о первом пилотируемом полёте на Луну в ноябре 1974 года; в 1955–1957 годах работал над сценарием фильма «Дорога к звёздам» (режиссёр Павел Клушанцев).

Такие дела Июнь, 2026:

1 июня: **Джон Бланш [John Blanche]** (р. 26 октября 1948), британский художник, автор обложек и иллюстраций к книгам О.Батлер, С.Джексона, Дж.Йовила, Брайана Крэйга, Р.А.Лупоффа, к журналу «White Dwarf», создатель визуального стиля вселенных Warhammer, арт-директор издательства Fighting Fantasy. 77 лет. (*Алексей Иванов*)

1 июня: **Александр Львович Иванченко** (р. 20 июня 1945), писатель, автор романов «Солнечное сплетение», «Автопортрет с догом», «Яблоко на снегу», «Монограмма», «Swedenborg (Бескрайняя плоть)», повести «Рыбий глаз», трилогии «Техника безопасности», памфлета «Купание красного коня», сборника «Номо Mysticus», переводчик с английского «Дхаммапады» и «Бхагаваттиты». 80 лет. (*Николай Подосокорский*)

1 июня: **Энтони Стюарт Хэд [Anthony Stewart Head]** (р. 20 февраля 1954), английский актёр театра и кино, сценарист, музыкант, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Горец», «Внутренняя реальность», «Баффи – истребительница вампиров», «Доктор Кто», «Сенсация», «Волшебная дверь», «Мерлин», «Хранилище 13», «Большое призрачное спасение», «Призрачный гонщик 2», «Отбор», «Перси Джексон и Море чудовищ», «У чёрта на куличках», «Доминион», «Сумеречные охотники», «Пинки», «Впустите вампира», «Кентервильское привидение». 72 года. (*Мир фантастики*)

2 июня: **Роберт Пипо «Пибо» Брайсон [Robert Peabo “Peabo” Bryson]** (р. 13 апреля 1951), американский ритм-н-блюз и соул-певец, принимавший участие в написании саундтреков к анимацион-

ным фильмам «Красавица и Чудовище» и «Аладдин». 75 лет. (*Википедия*)

2 июня: **Станислав Романович Ковалёв** (р. 30 сентября 1935), художник-иллюстратор, график, автор иллюстраций к книгам Х.К.Андерсена, П.Бажова, Е.Велтистова, братьев Гримм, В.Губарева, П.Ершова, А.Пушкина, к сборникам «Диво дивное», «Жар-птица», «Золотая чаша», «По щучьему велению», «Роман да Марья», «Русская старина», «Сказочная азбука», «Три волшебных царства», портретов Х.К.Андерсена, Ж.Верна, И.Крылова, Ш.Перро, А.Пушкина, Дж.Родари, А.Н.Толстого, 90 лет. (*Википедия*)

2 июня: **Нина Александровна Марушина** (р. 16 мая 1935), актриса, исполнительница ролей в спектаклях «Принцесса Брамбилла», «Сон в летнюю ночь», «Обручение», «Луна в форточке», «Джельсомино в стране лжецов», «Аленький цветочек». 91 год. (*Википедия*)

3 июня: **Джеймс Хэнди [James Handy]** (р. 19 марта 1945), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Кто есть Джулия?», «Квантовый скачок», «Трудные времена на планете Земля», «Боязнь пауков», «Ракетчик», «Внезапная ярость», «Секретные материалы», «Без предупреждения», «Джуманджи», «Завтра наступит сегодня», «Притворщик», «Добыча», «Неуязвимый», «Шпионка», «Мёртвая зона», «Связь», «Логан». 81 год. (*Wikipedia*)

3 июня: **Виктор Андреевич Чалмаев** (р. 9 мая 1932), писатель, литературный критик, литературовед, исследователь творчества А.Платонова. 94 года. (*Википедия*)

4 июня: **Патрик Линдсей Арчибальд Годффри [Patrick Lindesay Archibald Godfrey]** (р. 13 февраля 1933), британский актёр кино, телевидения и сцены, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Доктор Кто», «Одержимые», «Смерть по часам», «Девушка

на качелях», «Мой друг Уолтер», «Измерения», «Демоны Да Винчи», «Маугли», «Тёмные начала». 93 года. (*Википедия*)

4 июня: **Валентина Васильевна Игнатьева** (р. 15 января 1949), актриса театра и кино, певица, режиссёр, театральный педагог, исполнительница роли в т/ф «Сирано де Бержерак», вокальных партий в фильмах и мультфильмах «Очень синяя борода», «Сказка о Звёздном мальчике», «Самоотверженный заяц», в музыкальных сказках «Маша и Витя против „Диких гитар“», «Питер Пэн и Венди», «Калембаса». 77 лет. (*Википедия*)

4 июня: **Маржан Эбрахими (Маржан Сатрапи)** [Marjane Ebrahimi; **مى‌ماريانا** (Marjane Satrapi; **مى‌ماريانا**)] (р. 22 ноября 1969), французская писательница и художница иранского происхождения, кинорежиссёр, автор цикла графических романов «Персеполис», комиксов «Вышивки», «Цыплёнок с черносливом», сказок «Монстры не любят луну», «Айдар». 56 лет. (*Николай Подосокорский*)

6 июня: **Энтони Гуидера [Anthony Guidera]** (р. 18 октября 1960), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Звёздный путь: Дальний космос 9», «Ночи Малибу», «Особь», «Драгоценная находка», «Притворщик», «Почтальон», «Армагеддон», «Ангел». 65 лет. (*Wikipedia*)

10 июня: **Людмила Алексеевна Чурсина** (р. 20 июля 1941), актриса, исполнительница ролей в спектаклях «Макбет», «Антигона», в к/ф «Туманность Андромеды», «Хаги-Траггер», «Тайная сила», «7 главных желаний», в сериале «До смерти красиво». 84 года. (*Википедия*)

11 июня: **Маргарет Керри [Margaret Kerry]** (р. 11 мая 1929), американская актриса и радиоведущая, исполнительница ролей в к/ф «Сон в летнюю ночь», «Лампа Аладдина», озвучивала мультсериал

«Космические ангелы», была прототипом для создания образа диснеевской феи Динь-Динь из м/ф «Питер Пэн», а также позировала для красноволосой русалки из этого мультфильма, которую и озвучила. 97 лет. (*Википедия*)

11 июня: **Януш Михаловский [Janusz Michałowski]** (р. 1 января 1937), польский актёр театра и кино, исполнитель ролей в спектаклях «Баня», «Клоп», «Принцесса Турандот», «Ифигения в Тавриде», «Бар всех святых», «Сапожники», «Буря», «Они», «Игра», «Не я», «Паноптикум мадам Тюссо», «Красная Шапочка», «Мать Тьма», «Волшебная ночь», «Процесс», «Гамлет», «Правдивый лжец», «Жиды города Питера», «Король Матиуш Первый», в к/ф и сериалах «Дворец», «Сексмиссия», «Синтез», «Яйцо», «Мастер и Маргарита», «Свинка», «Тайна Сагалы», «В Непариже и кое-где в другом месте», «Волшебное дерево». 89 лет. (*Wikipedia*)

11 июня: **Джейн Хайатт Йолен Стемпл (Джейн Йолен) [Jane Hyatt Yolen Stemple (Jane Yolen)]** (р. 11 февраля 1939), американская писательница, автор более 100 романов фэнтези для детей и обстоятельной критической работы «Прикосновение магического: фэнтези, феерия и фольклор в детской литературе», составитель десятков антологий. 87 лет. (*Александр Лукашин*)

12 июня: **Паул Паулович Буткевич [Pauls Butkēvičs]** (р. 8 августа 1940), латвийский актёр и певец, исполнитель ролей в к/ф «За пять секунд до катастрофы», «Акванавты», «Семь стихий», «День гнева», «Крик дельфина», «Семь криков в океане». 85 лет. (*Николай Подосокорский*)

12 июня: **Рональд (Ронни) Ральф Шелл [Ronald (Ronnie) Ralph Schell]** (р. 23 декабря 1931), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Девушка с особенностями», «Самый сильный человек в мире», «Лохматый прокурор», «Кот

из космоса», «Морк и Минди», «Поворот», «Дьявол и Макс Девлин», «Идеальная женщина», «Охотники за теньями», «Трудные времена на планете Земля», «Оттенки Лос-Анджелеса», «Месть красного барона», «Фил из будущего», «Туми: Голодная опухоль». 94 года. (*Wikipedia*)

13 июня: **Алла Ивановна Алиева** (р. 19 декабря 1935), литературовед, автор книг «Адыгский народный эпос», «Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов», составительница антологий кабардинских, балкарских и карачаевских, адыгских сказок, адыгского героического эпоса «Нарты». 90 лет. (*Николай Подосокорский*)

14 июня: **Стивен Дж. Добинс [Stephen J. Dobyns]** (р. 19 февраля 1941), американский поэт и писатель, автор романов «Церковь мёртвых девушек», «Дворец сожжения», стихотворения «Садовник». 85 лет. (*Wikipedia*)

14 июня: **Луанна Рут Шедин (Энн Шедин) [Luanne Ruth Schedeen (Anne Schedeen)]** (р. 8 января 1949), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Человек на шесть миллионов долларов», «Бионическая женщина», «Эмбрион», «Экзо-человек», «Невероятный Халк», «Проект Н.Л.О.», «Альф». 77 лет. (*Википедия*)

15 июня: **Кристиан Бюжо [Christian Bujeau]** (р. 14 октября 1944), французский актёр театра и кино, режиссёр и педагог, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Пришельцы», «Машина», «Жозефина: Ангел-хранитель», «Пришельцы 2: Коридоры времени», «Шагреновая кожа». 81 год. (*Википедия*)

15 июня: **Брайан Джонсон [Brian Johnson]** (р. 29 июня 1939), британский художник по спецэффектам и визуальным эффектам, работал над фильмами «Икс: неизвестное», «Куотермасс 2», «Ужас Тролленберга», «День, когда загорелась Земля», «Капитан Клефт», «Призрак Оперы», «Поцелуй вам-

пира», «Первые люди на Луне», «Тандербёрды: Международные спасатели», «Куотермасс и колодец», «Космическая одиссея 2001 года», «Луна 02», «Вкус крови Дракулы», «Когда на Земле царили динозавры», «Космос: 1999», «Блестящий шар», «Прикосновение медузы», «Месть Розовой пантеры», «Лунная база Альфа», «Чужой», «Империя наносит ответный удар», «Победитель дракона», «Сквозь чёрную дыру», «Космическая принцесса», «Бесконечная история», «Шпионы как мы», «Чужие», «Поток», «Крылья славы», «Горец 3: Последнее измерение», «Сердце дракона», «Космические дальнобойщики», «Семь дней». 86 лет. (*Википедия*)

16 июня: **Максим Иванович Крютченко** (р. 20 января 1970), основатель издательской группы «Лениздат», издательств «Северо-Запад», «Азбука» и «Акварель». 56 лет. (*Василий Владимировский*)

16 июня: **Роберт (Бобби) Каскин Принс III [Robert (Bobby) Caskin Prince III]** (р. 12 марта 1945), американский композитор и саунд-дизайнер, автор музыки к компьютерным играм Commander Keen in Goodbye, Galaxy!, Wolfenstein 3D, Spear of Destiny, Duke Nukem II, Doom, Raptor: Call of the Shadows, Doom II: Hell of Earth, Blake Stone: Planet Strike, Demonstar и др. 81 год. (*Мир фантастики*)

16 июня: **Дэйви Элизабет Чейз [Daveigh Elizabeth Chase]** (р. 24 июля 1990), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Прикосновение ангела», «Сабрина – маленькая ведьма», «Зачарованные», «Донни Дарко», «Искусственный разум», «Звонок», «Крысы», «С.Дарко», «Джек отправляется домой», озвучивала м/ф «Унесённые призраками», роль Лило в мультфильмах «Лило и Стич», «Новые приключения Стича», «Лерой и Стич». 35 лет. (*Википедия*)

17 июня: **Карло Гинзбург [Carlo Ginzburg]** (р. 15 апреля 1939), итальянский историк еврейского

происхождения, один из создателей микроистории, автор работ «Бенаданти. Ведовство и аграрные культы на рубеже XVI и XVII вв.», «Сыр и черви. Каритан мира одного мельника, жившего в XVI в.», «Ночная история. Истолкование шабаша», «Мифы – эмблемы – приметы», «Остранение: Предыстория одного литературного приёма». 87 лет. (*Николай Подосокорский*)

17 июня: **Томас (Том) Юджин Дрисен [Thomas (Tom) Eugene Dreesen]** (р. 11 сентября 1939), американский актёр и комик, исполнитель ролей в к/ф «Космические яйца», «Прикосновение ангела». 86 лет. (*Wikipedia*)

18 июня: **Игорь Аркадьевич Макаров** (р. 4 июня 1944), художник и карикатурист, постановщик м/ф «Очень синяя борода», «Пёс в сапогах», «Стереотипы», театральных спектаклей «Принцесса Турандот», «До третьих петухов». 82 года. (*Российская Академия Художеств*)

19 июня: **Джеймс Эдвард Берроуз [James Edward Burrows]** (р. 30 декабря 1940), американский телевизионный режиссёр и продюсер, постановщик сериала «Третья планета от Солнца». 85 лет. (*Николай Подосокорский*)

19 июня: **Юрий Арсеньевич Ващенко** (р. 16 июня 1941), художник, график, иллюстратор книг и произведений А.Азимова, К.Булычёва, С.Гансовского, Г.Гуревича, Л.Кэрролла, С.Лема. 85 лет. (*Николай Подосокорский*)

19 июня: **Клод Гиймо [Claude Guillemot]** (р. 30 октября 1956), сооснователь (с четырьмя братьями) французской компании, специализирующейся на разработке и издании компьютерных игр Zombi, Rayman, Assassin's Creed, Tom Clancy's Splinter Cell, Prince of Persia: The Sands of Time, XIII, FarCry 2, Rayman 3: Hoodlum Havoc, Tom Clancy's Rainbow

Six 3: Raven Shield и Beyond Good & Evil. 69 лет. (*Мир фантастики*)

22 июня: **Михаил Иванович Ножкин** (р. 19 января 1937), актёр театра и кино, поэт, музыкант, автор текстов песен к к/ф «Золотые рога», «Финист – Ясный сокол». 89 лет. (*Николай Подосокорский*)

23 июня: **Денис Николаевич Лобанов** (р. 22 августа 1971), редактор и директор издательства «Книжный клуб Фантастика», в котором вышло более 600 книг и комиксов. 54 года. (*Николай Караев*)

24 июня: **Энн Мари Блит [Ann Mari Blyth]** (р. 16 августа 1927), американская актриса и певица, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Мистер Пибоди и русалка», «Дом на площади», «Кисмет», «Сумеречная зона», «Наименование игры». 98 лет. (*Википедия*)

R.I.P. – Дополнения:

20 января: **Гордон Л. Роттман [Gordon L. Rottman]** (р. 24 февраля 1947), американский историк, автор трилогии «Третья мировая война: За линией фронта» (с Джеймсом Адэром). 78 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

25 марта: **Джон Уильям Тиль III [John William Thiel III]** (р. 6 августа 1945), американский любитель фантастики, выпустивший первый фэнзин в возрасте 12 лет, продолжавший выпускать фэнзины «Международный молодой фэн», «Ионисфера», «Пабло Леннис», «Синергия», составитель «Справочника популярных американских фэнзинов», член Национальной федерации любителей фэнтези. 80 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

12 апреля: **Гари Келли [Gary Kelley]** (р. в 1945), американский художник, автор иллюстраций к книгам Р.Брэдбери, Э.Ганн, Дж.Линдскольд,

Э.Лира, М.Э.Пирс, Э.А.По, Дж.Римана, К.Спектора, М.Суэнвика, Дж.Уолтона, М.Фридмана, Т.Хьюза, У.Шекспира, М.У.Шелли. 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

12 апреля: **Майкл П. Спрэдлин [Michael P. Spradlin]** (р. 3 сентября 1960), американский писатель, автор циклов «Виды убийц», «Богиня шпионажа», романов «Кровавые всадники», «Тень ворона», сборников песен и стихов зомби: «Начинает казаться, что это зомби!», «Каждый зомби когда-нибудь кого-нибудь съедает», «Джек и Джилл пошли убивать». 65 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

12 апреля: **Фрэнк Хантингтон Стэк (Фулберт Старджон) [Frank Huntington Stack (Foolbert Sturgeon)]** (р. 31 октября 1937), американский художник, автор комиксов «Приключения Иисуса» (с продолжениями), исполнитель ролей в к/ф «Ужасный способ умереть», «З/Л/О». 88 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

16 апреля: **Джилл Керзон [Jill Curzon]** (р. 29 сентября 1938), английская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Вне этого мира», «Адам Адамант жив!», «Вторжение Далеков на Землю», «Чемпионы», «Далекмания». 87 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

21 апреля: **Барри Томлинсон [Barrie Tomlinson]** (р. 2 февраля 1938), главный редактор британской группы комиксов в издательстве IPC, участвовал в создании таких изданий, как «2000 AD» (где печатали истории о Судье Дредде), «Крик», «Дикий кот», «Черепашки-ниндзя», «Орёл». 88 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

24 апреля: **Бо Старр [Beau Starr]** (р. 1 сентября 1944), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Видя происходящее», «Рыцарь дорог», «Силы Мэтью Стара», «Люди-ящеры», «Путь на небеса», «Хэллоуин 4: Возвращение Майкла Майерса», «Хэллоуин 5», «За гранью возможного», «Волшебный мир Дисней», «Земля: Последний конфликт»,

«Вспомнить всё», «Охотники за древностями», «Ангелы на площадке», «Мёртвая зона», «Четыре тысячи четыреста», «Мастера ужасов», «Последние дни планеты Земля: Новая особь», «Обманутая судьба». 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

26 апреля: **Дион Андерсон [Dion Anderson]** (р. 6 августа 1938), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Гость на Рождество», «Кафе НЛО», «Звёздный путь: Дальний космос 9», «Секретные материалы», «Побег из Шоушенка», «Сабрина – маленькая ведьма». 87 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

26 апреля: **Майкл Фрэнк Китинг [Michael Frank Keating]** (р. 10 февраля 1947), английский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Смерть по часам», «Радуга», «Доктор Кто», «Семёрка Блейка», «Да, господин министр», «Люди-компьютеры». 79 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

26 апреля: **Дик Матена [Dick Matena]** (р. 24 апреля 1943), голландский писатель и художник, работал над сериями «Аргонавты» и «Шторм». 83 года. (*Дэвид Лангфорд*)

1 мая: **Лоренс (Ларри) Эдвард Старк III [Lawrence (Larry) Edward Stark III]** (р. 4 августа 1932), американский журналист и театральный критик, активный деятель фэндомов 1950-х и 1960-х годов, издатель ряда фэнзинов (в том числе, «Stellar» с Тедом Уайтом), автор стихотворного сборника «Мечты из машины». 93 года. (*Дэвид Лангфорд*)

2 мая: **Дональд Сидни-Фрайер-мл. [Donald Sidney-Fryer, Jr.]** (р. 8 сентября 1934), американский поэт, автор романа «Король по имени Артур», стихотворных сборников «Песни и сонеты Атлантиды», «Фрагменты Атлантиды», «Не только Атлантида», работ «Последний из великих поэтов-романтиков», «Император грёз: Библиография Кларка Эштона Смита», «Кларк Эштон Смит: Уход волшебника»,

«Золотые штаты фантастики», «Случайные заметки, случайные строки». 91 год. (*Дэвид Лангфорд*)

6 мая: **Такахаси Кэндзи (Оба Кэндзи) [高橋健二 (大葉健二)]** (р. 5 февраля 1955), японский актёр и каскадёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Секретный отряд Горейнджеры», «Молниеносный отряд J.A.K.Q.», «Боевой Жар Джей», «Электронный отряд – Дендзимены», «Космический шериф Гаван», «Космический шериф Шариван», «Легенда восьми самураев», «Космический шериф Шайдер», «Супер-андронид Металдер», «Мировой Ниндзя Дзирая», «Камен Райдер ZO», «Ураганный отряд ниндзя Харрикенджеры», «Убить Билла», «Воины Звериного кулака Гекирейнджеры», «Гокайджеры и Госейджеры: Великая битва 199 героев», «Космические пираты Гокайджеры», «Отряд пиратов Гокайджеры против Космического шерифа Гавана», «Космический шериф: Супер герой». 71 год. (*Дэвид Лангфорд*)

6 мая: **Роберт Эдвард Тёрнер III (Тед Тёрнер) [Robert Edward Turner III (Ted Turner)]** (р. 19 ноября 1938), американский бизнесмен, продюсер, филантроп, основатель CNN, WTBS, TNT и Cartoon Network, чья единовременная стипендия Turner Tomorrow Fellowship в размере 500.000 долларов за роман, предлагающий «творческие решения насущных проблем человечества», была присуждена Дэниелу Куинну в 1991 году за его научно-фантастический роман «Измаил». 87 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

12 мая: **Рекс Тейлор Рид [Rex Taylor Reed]** (р. 2 октября 1938), американский кинокритик, журналист и актёр, автор восьми книг о кино, а также сыграл самого себя в к/ф «Супермен». 87 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

12 мая: **Алан Барри Стюарт [Alan Barrie Stewart]** (р. 18 ноября 1944), английский любитель фантастики, участник многочисленных конвентов, редактор и издатель фэнзинов «Till the Cows Come

Home», «London SF», «Wonderful Radio Fandom», составитель первого выпуска «BSFA Yearbook». 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

16 мая: **Джон Дауд [John Dowd]** (р. 25 февраля 1952), английский любитель фантастики, член Шеффилдовского общества научной фантастики и фэнтези, участник конвентов, в частности, добрался на Ворлдкон 1987 года на яхте, работал там за информационной стойкой и прославился тем, что отправил женщину, которая пыталась зарегистрироваться без очереди, в конец очереди, и только потом обнаружил, что это была Энн Маккефри. 74 года. (*Дэвид Лангфорд*)

18 мая: **Лалана Дарарутана (Пайпер Дж. Дрейк; П.Дж.Шнайдер) [Lalana Dararutana (Piper J. Drake; P.J.Schnyder)]** (р. 15 сентября 1976), американская писательница, автор романов «Страж Сердца», «Крылья, некогда проклятые и скованные», «Идол с любовью», «Клыки, такие яркие и смертоносные». 49 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

18 мая: **Кэтлин О'Хини [Caitlin O'Heaney]** (р. 16 августа 1952), американская актриса театра и кино, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Дикий уик-энд», «Он знает, что вы одни», «Волки», «Пурпурная роза Каира», «Красавица и чудовище», «Чарминги», «Опустошенные земли 2005», «Чужая нация», «Поздние фазы». 73 года. (*Дэвид Лангфорд*)

19 мая: **Луиджи Монтефиори (Джордж Истмен) [Luigi Montefiori (George Eastman)]** (р. 16 августа 1942), итальянский актёр и сценарист, исполнитель ролей в к/ф «Сатириконт Феллини», «Баба Яга», «Антропофагус», «Эротические ночи живых мертвецов», «Воины Бронкса», «2019: Новые варвары», «2019: После падения Нью-Йорка», «Железная война: Железный мастер», «Царь Давид», «Пако – боевая машина смерти (Руки из стали)», «Варвары», «Метаморфоза». 83 года. (*Дэвид Лангфорд*)

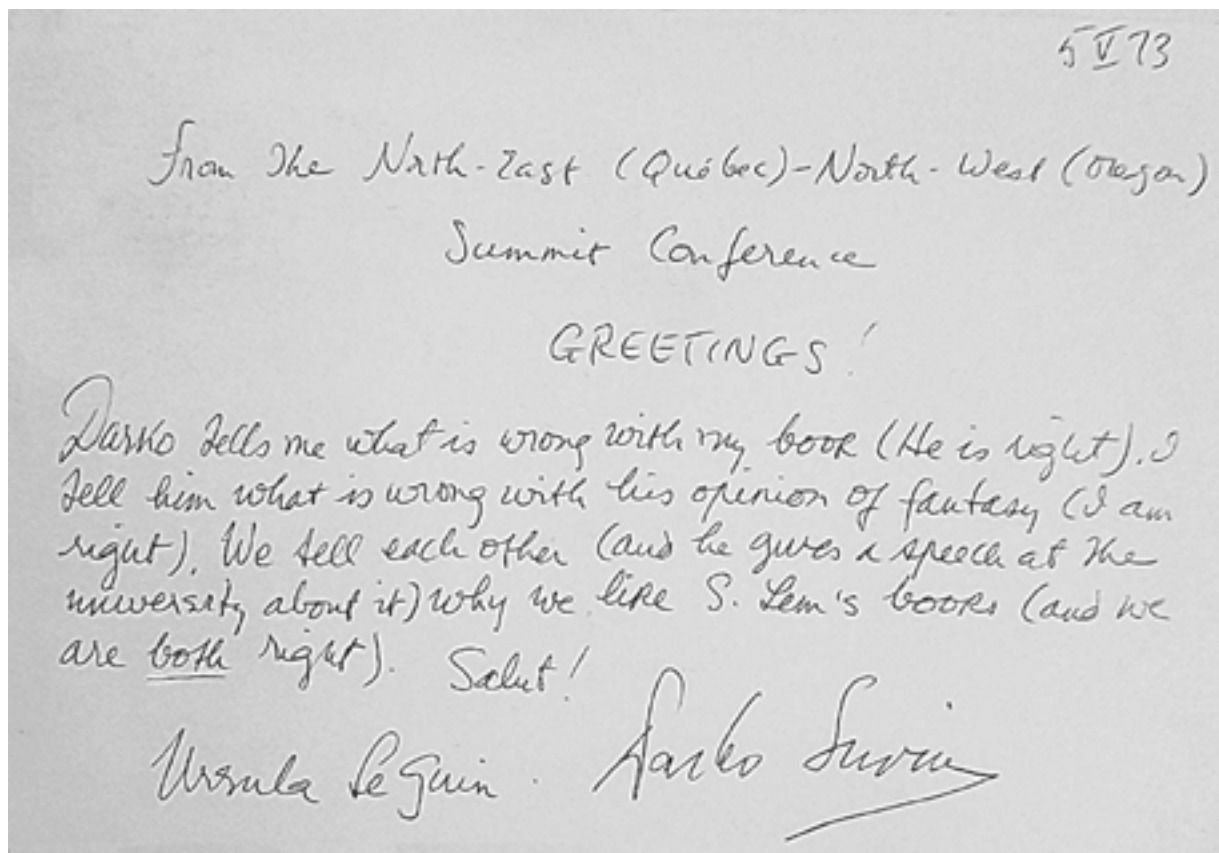
22 мая: **Чарлз Майкл Чоффи [Charles Michael Cioffi]** (р. 31 октября 1935), американский актёр кино и телевидения, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Человек на шесть миллионов долларов», «Чудо-женщина», «Бионическая женщина», «Путешествие в машине времени», «Самурай», «Лоис и Кларк: Новые приключения Супермена», «Секретные материалы». 90 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

24 мая: **Теодор (Тед) Эдвард Уайт (Рон Арчер; Норман Эдвардс) [Theodore (Ted) Edward White (Ron Archer; Norman Edwards)]** (р. 4 февраля 1938), американский фэн, издатель фэнзинов, профессиональный редактор и писатель, автор романов «Вторжение из 2500 года», «Андроид-мститель», «Феникс Первый», «Икра машины смерти» (все — с Т.Карром под псевд. Норман Эдвардс), «Одержимые фуриями», «Запретный мир» (с Д.Бишоффом). 88 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

26 мая: **Ховард Сторм [Howard Storm]** (р. 11 декабря 1931), американский режиссёр, актёр, сценарист и продюсер, постановщик к/ф и сериалов «Морк и Минди», «Мистер Мерлин», «Театр вошбёных историй», «Однажды укушенный», «Альф», исполнитель роли в сериале «Прикосновение ангела». 94 года. (*Дэвид Лангфорд*)

Голоса из Сетей

1 июня:

Из будущей книги переписки
Станислава Лема и Урсулы ЛеГуин

Почтовая карточка

5 V 73

С Конференции на высшем уровне
Северо-Восток (Квебек) – Северо-Запад (Орегон)

ПРИВЕТСТВУЕМ!

Дарко рассказывает мне, что не так с моей книгой (он прав). Я же объясняю ему, что не так с его мнением относительно фэнтези (я права). Мы рассказываем друг другу (и он читает об этом лекцию в университете), почему нам нравятся книги С. Лема (и мы оба правы).

Салют!

Урсула Ле Гуин Дарко Сувин

Виктор Язневич

Будущие шестиклассники получили учебники, еще никем не залапанные, датированные аккурат этим годом. Листаю «Литературу» в традиционных поисках несовпадений с тем учеником, по которому когда-то училась сама.

Ну, например, определено в моей школьной программе ни за какой класс не было Брэдбери.

Справившись с первым шоком, вчитываюсь в предложенное эссе «Радость писать». Внимание – на экран:

Как давно написали вы рассказ, где проявляются ваша искренняя любовь или подлинная ненависть? Когда в последний раз вы набрались смелости и выпустили на страницы своей рукописи хищного зверя? Что в вашей жизни лучшее и что худшее, и когда наконец вы то и другое прокричите или прошепчете?

Когда в последний раз вы, как я, написали рассказ просто из возмущения?

Но хватит о злости и раздражении – как насчет любви?

Что? Серьезно? Что ты сказал о ненависти, чтобы тут же себя одернуть буквально через пару предложений?! Увы, слишком очевидная слейка. Глянула оригинал: так и есть. Пропущен фрагмент в духе «Бойцовского клуба», где зажавшемуся обществу протест предъявляется в самой физиологичной форме – раз; и конфликт с полицией – два. Оба эпизода – о ненависти, породившей конкретные рассказы Брэдбери («Солнце и тень» и «Пешеход»).

Понятно, что по тексту находятся и тут, и там купюры, вплоть до самого финала.

Осталась в смешанных чувствах. Конечно, кайф, что школьную программу обновляют, но отчего это делают так, отменяя само научение увидеть логику в построении крепкой доказательной базы, выдержанной риторической линии?

И ладно, я уверена, что тысячи школьников пропустят вовсе это эссе, ни на кой ляд оно им не удалось, но тот, кто вчитается, этот сломанный телефон примет за верную струю и будет подсознательно сооружать вот такие конструкции – бескровные, недосказанные не тем таинственным, многозначительным умолчанием, рождающим новые смыслы между строк, а неверным пониманием происходящего.

Эх-ма...

Юлия Евдокимовская

2 июня:

Серьёзно обновляю библиографию автора «Конька-Горбунка» Петра Ершова на Фантлабе. Заодно перечитал отзыв на «Конька» самого знаменитого критика 19 века Белинского, а он весьма скептически оценивает как великую сказку Ершова, так и великие сказки Пушкина, да и саму возможность создать авторскую сказку в «народном духе»:

«Вы никогда не сочините своей народной сказки, ибо для этого вам надо б было, так сказать, омузжичиться, забыть, что вы барин, что вы учились и грамматике и логике, и истории и философии, забыть всех поэтов, отечественных и иностранных, читанных вами, словом, переродиться совершенно (...) Как бы внимательно ни прислушивались вы к эху русских сказок, как бы тщательно ни подделывались под их тон и лад и как бы звучны ни были ваши стихи, подделка всегда останется подделкою, из-за зипуна всегда будет виднеться ваш фрак. В вашей сказке будут русские слова, но не будет русского духа, и потому, несмотря на мастерскую отделку и звучность стиха, она нагонит одну скуку и зевоту. Вот почему сказки Пушкина, несмотря на всю прелесть стиха, не имели ни малейшего успеха.

О сказке г. Ершова – нечего и говорить. Она написана очень не дурными стихами, но, по вышеизложенным причинам, не имеет не только никакого художественного достоинства, но даже и достоинства забавного фарса...»

Вертер де Гёте

Оптимистичный июньский #лемарт от создателей игры «Непобедимый» (2023)

Инар Искендрова

После того, как «Марсианин» был отложен недочитанным, Энди Вейер все равно на подкорке остался.

Посмотрели экранизацию другого его научно-фантастического романа – «Проект «Аве Мария».

Щито сказать. Ну, кто так крутит пробирки в центрифуге (первая фотка – кадр из фильма)?

Пояснительная бригада: центрифугу нужно уравнивать перед запуском, для этого две пробирки размещают напротив друг друга, а не рядом.

Хуже этого кадра только, когда фоткаются с якобы включенным паяльником, держа его за ту часть, которая в действительности раскаляется при работе.

Так и тянет прилепить сюда цитату – нет, не из Вейера, а из Мура:

Твоя проблема, Уорри, в том, что, когда тебе в голову приходит мысль, ты думаешь, что это внутримозговое кровоизлияние.

А. Мур «Иерусалим»

Юлия Евдокимовская

Итак, началась Русальная неделя. В большинстве регионов ее, как правило, считали с Духова дня (понедельника после Троицы) и до ближайшего воскресенья. В эту неделю и днем, и ночью, но все же больше ночью, шастали всюду мертвые (и голые) девочки и девушки, то есть русалки.

Большого вреда от них не знали. Быличек о том, как русалки кого-то погубили, буквально единицы. Одна особенно интересна: парня нашли в лесу мертвым, с перекошенным лицом, решили, что его русалки насмерть защекотали. Судя по перекошенному лицу, это был, видимо, смертельный insult.

Тем не менее Русальную неделю считали временем опасным, старались соблюдать запреты (не стирать белье и вообще к воде не подходить). А то русалки если и не защекочут, то приснятся и заразят лихорадкой (герпесом).

Оберегов от русалок было мало. Самый яркий использовали преимущественно на Украине: полынь. Девушки вплетали душистую полынь в косы: русалки не осмеливались нападать на такую. Натирали полынью под мышками.

Даже просто слова «полынь» русалки пугались. Можно было крикнуть им в лицо: «полынь» или чуть сложнее: «Хрен да полынь – плюнь да покинь».

Еще говорили, что русалки сами загадывают человеку загадку и спрашивают: «Полынь или петрушка?» Надо отвечать «полынь». Русалки тогда говорили в рифму: «сам сгинь». Если им отвечали «петрушка», они кричали «ах ты моя душка» и щекотали-зацеловывали до смерти.

Интересно, что полынь была оберегом только от русалок и в общем только в южных регионах. Вообще тема защиты от русалок не была как-то четко проработана. Но и вреда, повторюсь, от русалок особо не видели.

Как любое нестойкое поверье, полынные обереги нашли удобное применение в быту. Мужчины делали водку, настоящую на полыни, собственно абсент, которая будто бы защищала от русалок. И пили всю Русальную неделю, чтобы русалок отпугнуть.

Так что напиток недели для любителей восточнославянской демонологии – абсент.

«Не пьем, а лечимся русалок пугаем!»

Антон Нелихов

3 июня:

Моя бабушка – инопланетянка

Нелли Зайцева

Начало книги «Моя бабушка – инопланетянка» я прочитала два раза: сначала сама, купившись на название, которое вместе с предисловием показалось отсылкой к старому доброму фильму с Ким Бейсингер «Моя мачеха – инопланетянка», а потом с сыном, спохватившись, что такой историей преступно наслаждаться в одиночку.

Главная героиня книги – десятилетняя Полина – уже отчаялась выбраться из детдома. Своих родителей она помнит, за что ее ненавидят другие дети, лишённые даже каких-либо воспоминаний о семье, но настоящим родным человеком для нее становится энергичная старушка-увнучкувательница, которая заприметила Полину аккурат из космоса.

Однако путь к этой счастливой ячейке общества долг. Полина вечно ждет подвоха: однажды ее уже

удочерили, но вернули в детдом, едва она успела привязаться к новым людям. Неземная старушка удивительно тонко чувствует человеческую боль и не стремится перекраивать по своим меркам молчаливую девочку, которая, словно герой мрачной антиутопии, готова вечно терпеть плохого понемножку, только бы не полюбить и не получить снова неразастающую рану. Как поется в песне, всем нашим встречам разлуки, увы, суждены... Полина свято уверена в то, что нельзя безнаказанно наслаждаться Счастьем.

В том, как Нелли раскрывает сложную тему, не оказалось никакого назидания. Для меня долго на этой полке не было никакой книги рядом с повестью писательницы и психолога Екатерины Мурашовой «Полоса отчуждения». У Мурашовой нет хэппи-энда, потому что в истории не ходит взрослый, который смог бы единственно верным способом помочь главным героям – беспризорникам Ваське и Жеке, сбежавшим из детдома, то есть принять их в семью. И когда они заходят в тупик, когда маленький Женька окончательно сходит с ума, они вынуждены обратиться к взрослым, от которых всегда бежали, потому что уже не знают сами, как решить свои беды. Так и одичавших ребят выдернули из бездны, где умножает страхи Повелитель мух, сильные взрослые руки.

У Нелли, к счастью, совсем другая история, потому что она окрашена воспоминаниями о собственных бабушках, о том мощном свете, которое нужно каждому ребенку. Я думаю, что на неллином языке бабушка – это лето.

Во всех аннотациях пишут, что это страсть, какая смешная книга. Не спорю. Но главное в ней все не это.

Юлия Евдокимовская

Обратная сторона того, что нейронки съели интернет – когда выходишь на улицу, тебя там радует абсолютно все.

По улицам ходят люди! Настоящие живые люди! По своим собственным делам! Сами по себе! Их не нагенерили кнопкой по промпту, это у каждого из этих людей заняло десять, или двадцать, или сорок, или шестьдесят лет стать такими вот. Когда они открывают рот – они говорят свои собственные слова по каким-то исходящим изнутри собственным мотивам. В них имеет смысл вслушиваться, их имеет смысл наблюдать – потому что выражения, и слова, и действия что-то значат, что-то говорят о том, каков этот человек внутри и снаружи, каков мир вокруг него. У человека есть лицо – и человек живет с этим лицом всю свою жизнь, его не натянули, как резиновую маску, на пустой каркас, чтобы он что-то квакал про «Экспертно. Без воды. По делу».

Когда на этих людях какая-то одежда – значит, все эти вещи кто-то сшил. А человек потом зашел в магазин, купил, выбрал, оделся, пошел по улице. Из каждой маленькой детали, потянув за одну ниточку, можно вытянуть весь мир.

И весь этот мир существует в едином, неразрывном согласии. Существуют законы, которые непрерывно связывают весь этот мир воедино. Толстые голуби машут крыльями по всем законам аэродинамики. Трещины разбегаются по асфальту – и из этого можно вытащить сопромат, или историю устройства дорог, или экономику коммунального хозяйства, или римскую «мусорную мозаику». Облака бегут по небу – настоящие, громадные клубы H₂O в атмосфере Земли, и закатные тени кружатся, моментально перестраиваясь в такт движению, и сопки маячат вдалеке, и оркестрик у филармонии играет Чайковского.

Реальность: существует.

Марина Аницкая

«Дети, рожденные грибницей», Ирина Родионова

Мир после катастрофы. Взорвалась над городом био-бомба, порушила многоэтажки, согнала выживших в частный сектор. Там, где был город – деревня на несколько дворов, натуральное хозяйство и лес. Чаща кормит жителей: там растут ягоды, грибы, травы. Но ими же и кормится. Рыщут между деревьями белянки, способные уничтожить человека. Вырастают на земле весной диковинные грибные младенцы, которые одурманивают женщин и тянут из них силы, покуда те не умрут.

В романе Ирины Родионовой постапокалиптическая фантастика становится инструментом, чтобы порассуждать о том, кем мы станем без цивилизации, если ее выключить по щелчку пальцев. Что нам останется, если отнять социальные роли, профессии, медиа, культуру?

И оказывается, что ключевое – материнское (и отцовское) начало. Даже если все вокруг стали бесплодны, и дети не рождались лет шесть.

Мы это видим в главном герое, Барклае. Вспоминая о прошлом до взрыва, он возвращается мыслями в родительскую квартиру, тоскует по матери и отцу, за которым долго ухаживал. В реальности он много общается с соседским мальчишкой, Киркой, тянется к нему. И мы уже не удивляемся, когда Барклай, желая спасти привязавшуюся к грибному ребенку девочку, уносит диковинного младенца к себе домой... Он надеется, что тот не выпьет его до дна, а вырастет, станет человеком.

Историю Барклая и его грибной дочери хочется сравнить со сказками о подменышах из европейского фольклора. В них «лесные» дети постоянно требовали есть и пить, а по ночам высасывали из родителей жизненные силы. Так происходит и с Барклаем. Его отношения с грибной девочкой Мирной

можно воспринимать и как метафору жертвенной родительской любви, полного самоотречения.

Роман «Дети, рожденные грибницей» позволяет читателю остро почувствовать боль людей, оплакивающих прошлую жизнь. Ускользающую нормальность хотят удержать. Среди героинь романа – библиотекарь Анна, которая спасает книги, а потом разносит их по домам: детям и взрослым, врач, которая круглосуточно принимает пациентов дома, пожилая певица, которая играет на баяне «Металлику» и «Ласковый май».

Но от плачущего на разные голоса леса и разрушенных многоэтажек можно уйти. За границами города есть другая жизнь. Мне бы хотелось узнать, что происходит там. Но большинство героев романа «Дети, рожденные грибницей» так и не решаются оторваться от дома, оставаться в котором невыносимо.

Даша Кельн

Типичная история: сказочный герой в поисках «незнамо чего» добирается до волшебницы, которая созывает всех зверей, птиц, рыб и гадов, но никто не может ей сказать, где искать это самое «незнамо что». Волшебница расстраивается, но вдруг замечает, что в толпе нет дряхлой (хромой, трехногой, старой) лягушки.

Велит позвать. Лягушку приводят, и она знает, где находится «незнамо что»! Более того, соглашается доставить туда героя. Он сажает лягушку в банку или котелок с водой (молоком). Идут.

Доходят до огненной реки и начинается самое замечательное. Несколько неожиданно лягушка оказывается чем-то вроде трансформера. Она вылезает из банки, складывается по-новому увеличивается до огромных размеров, герой садится на нее, и они ловко перепрыгивают пылающую речку.

Сценарий известный и, как всегда, радует мелкими детальками, которые попадают в разных вариантах. К примеру, тамбовский сказочник приписал лягушке... уши.

Лягушка в его исполнении говорит герою:

«Садись на меня, Андрей-стрелец, и держись крепче за уши, а я перескочу через реку. Не бойся, не бойся, не задавишь».

Он сел и, конечно, перескочил. Помогли лягушкины уши.

Так что в сказках не только Конек-горбунок славился своими полезными ушами (они нужны, чтобы герою было за что держаться). Сказочные лягушки тоже настолько расположены к герою, что отрастили себе отличные уши.

Тамбовский фольклор. Тамбов. 1941. № 19.

Антон Нелихов

Если Ктулху нет, все позволено? Как мифы Лавкрафта захватили литературу

Феномен Говарда Филлипса Лавкрафта уникален. Вклад писателя в копилку современной поп-культуры трудно переоценить: следы ГФЛ без труда обнаруживаются в тысячах книг, фильмов и телесериалов, его цитируют в научных монографиях и рок-балладах, а придуманные им имена и названия (Ктулху, Аркхем, Некрономикон) не нуждаются в расшифровке. Да, здесь можно вспомнить Шерлока Холмса, Гарри Поттера или «Властелина колец», но и Конан Дойл, и Толкин, и Джоан Роулинг добились впечатляющего успеха еще при жизни. Лавкрафт же скончался в одиночестве в глубокой нищете, так и не увидев напечатанным свой первый сборник. А сразу после кончины был забыт всеми, кроме нескольких сотен особо упертых фанатов и друзей по переписке, причем эти два множества в значительной степени пересекались. Его звезда возшла только в 1960-х и с тех пор разгоралась все ярче.

По-своему уникальна и книга литературоведа С. Т. Джоши, посвятившего изучению жизни и творчества классика более четырех десятилетий. «Мифы Ктулху», порожденные Лавкрафтом, многократно пытались упорядочить, рассортировать и привести к общему знаменателю, но работа Джоши не имеет ничего общего с фанатской энциклопедией. Автора не интересуют длина щупалец Ктулху и точная этническая принадлежность «безумного араба» Абдула Альхазреда. Зато о том, как появились и эволюционировали повторяющиеся образы в прозе Лавкрафта и его последователей, Джоши знает буквально все: за эти десятилетия он проштудировал, наверное, каждую рукопись классика, каждое письмо, найденное в разнообразных архивах, каждую квитанцию из химчистки.

Справедливости ради мелкие детали и утомительные нюансы мало интересовали и самого ГФЛ. Попытки систематизировать и разложить по полочкам его фантазии, отделить канон от неканона, разобраться в пантеоне и внутренней хронологии начались уже после смерти Лавкрафта. Он относился к богам и чудовищам, вымышленным городам и запретным книгам довольно легкомысленно. Лавкрафт безбожно путался в немецких, латинских, арабских корнях и артиклях, легко менял показания, когда того требовала художественная задача, иногда, по собственному признанию, забывал подробности и придумывал предысторию заново. И разумеется, не имел ничего против того, чтобы другие писатели использовали его персонажей и артефакты как элемент фона.

В отличие от большинства его последователей, Лавкрафт вовсе не стремился к созданию непротиворечивой связной картины – он ставил перед собой более амбициозные цели. Джоши констатирует:

«Разнообразные имена и термины, которые вплетаются в произведения, – лишь средства, которыми автор достигает совершенно иных целей. Незначительность человечества перед лицом безграничного космоса, наша слабость и уязвимость даже в пределах того небольшого клочка земли, который мы контролируем, психологическое воздействие страха на чувствительные умы, психическая изоляция в результате познания истинной природы Вселенной, сменяющие друг друга подъемы и крахи множества цивилизаций, которые неминуемо переживают расцвет и упадок, – вот настоящее ядро лучших творений Лавкрафта».

Возможно, «Восход, закат и новый рассвет» не та книга, с которой стоит начинать знакомство с мифами Ктулху, но для продвинутых пользователей это незаменимый источник. Как и положено акаде-

мическому литературоведу, С. Т. Джоши – изрядный педант, порой даже зануда, однако материалом он владеет безупречно, с этим не поспоришь. От Лавкрафта и его современников Джоши переходит к ученикам классика, особо выделяя Роберта Блоха и Фрица Лейбера, а затем яростно обрушивается на Августа Дерлета – самопровозглашенного преемника ГФЛ, который, собственно, и ввел в оборот словосочетание «мифы Ктулху». Претензии исследователя не лишены оснований: Дерлет слишком многое додумал за Лавкрафта, исказил принципиально важный для старшего коллеги посыл, разделив лавкрафтовских созданий на добрых и злых, благоволящих человечеству и мечтающих его уничтожить. Кроме того, Дерлет опубликовал целую подборку рассказов, якобы написанных в соавторстве с ГФЛ, а фактически основанных на скупых дневниковых записях классика длиной в два-три предложения. По мнению Джоши, именно благодаря этому за Лавкрафтом закрепились репутация автора незамысловатого бульварного чтива – понадобилось несколько десятилетий, чтобы очистить имя мэтра.

Среди писателей, продолжавших традицию ГФЛ во второй половине XX и начале XXI веков, Джоши с особой симпатией отзывается о Рэмси Кэмпбелле, Томасе Лиготти и Кейтлин Кирнан. Правда, не забывает подчеркнуть, что все они следовали не столько букве, сколько духу Лавкрафта. В общем, логично: одаренные авторы не склонны к подражанию и довольно равнодушны к канону, ведь, кроме прямого копирования, есть много других способов отдать должное памяти классика.

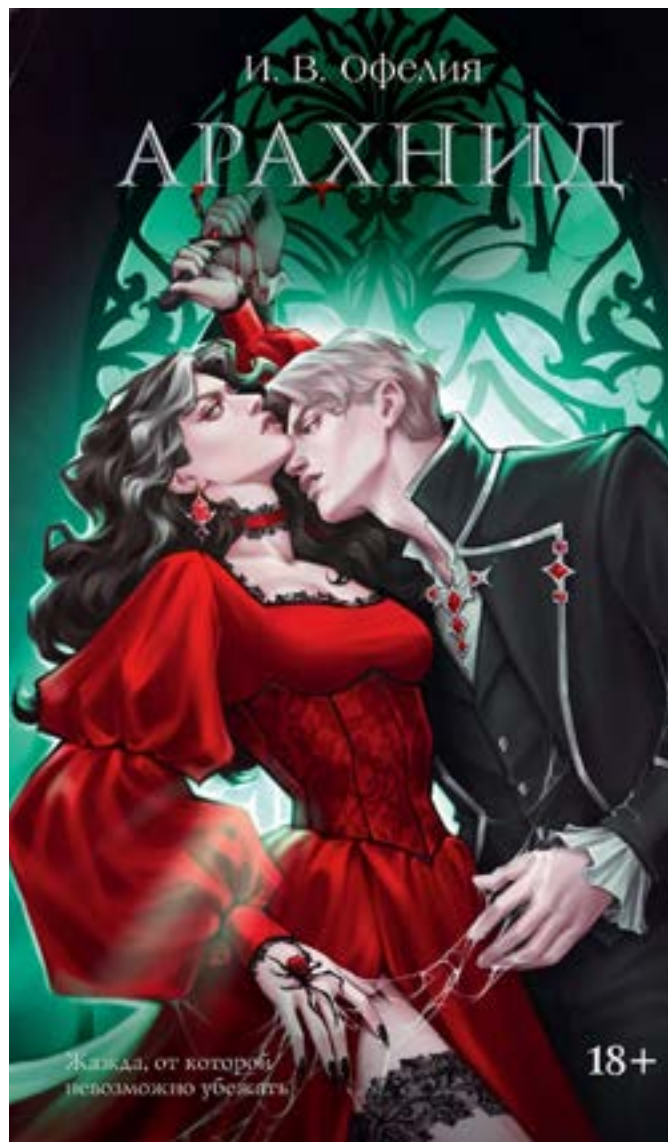
О чем исследователь умалчивает, так это о влиянии мифов Ктулху на смежные формы искусства, от кинематографа до видеоигр. С одной стороны, такая лагуна огорчает, но неудивительно, что автор «Восхода, заката и нового рассвета» решил отмолчаться.

Слишком многие фигуры первой величины попали под обаяние Лавкрафта, включая Джона Карпентера, Ридли Скотта, Гильермо дель Торо, Алана Мура, Нила Геймана, Майка Миньолу и так далее, вплоть до создателей сериала «Очень странные дела». Тут дополнительной главой не отделаешься, в пору писать еще одну монографию, если не целый цикл.

Но даже с этими оговорками нельзя не признать, что С. Т. Джоши проделал работу выдающегося масштаба. Чего, увы, не скажешь о его российских издателях. Особенно смущает специфическое словоупотребление в переводе – например, настойчивое повторение слова «сюжет» в значении «произведение»: «написал несколько сюжетов», «опубликовал сюжет» и т. д. Как подсказывает словарь Ожегова, сюжет – «последовательность и связь событий в литературном или сценическом произведении», то есть одна из составляющих частей любой истории, романа, рассказа, пьесы, сценария, но определенно не история в целом. Чуть реже в тексте мелькает термин «идиома» в значении «стиль, манера выражения»: «еще один писатель, обратившийся к лавкрафтовской идиоме» и т. п. Тут, видимо, стоит напомнить, что в языкознании (да и в повседневной речевой практике) идиома – устойчивое выражение, фразеологизм: съесть собаку, сорвать сроки, нести чушь. Возможно, переводчик пытался следовать букве оригинала, но результат выглядит, если честно, немного нелепо.

Видимо, уж очень спешили наши издатели, чтобы выпустить работу С. Т. Джоши, прежде чем распахнутся страницы запретной книги «Некрономикон», с океанского дна поднимется древний город Р'лех и Ктулху расправит свои черные крылья, чтобы положить конец человечеству. Но что, если всего этого не случится?

Василий Владимирский

Иосиф Виссарионович Офелия представляет фэнтези об особенностях внешнего пищеварения псевдочленистоногих.

Николай Караев

4 июня:

Сижу в ночи, читаю письма Роджера Желязны Карлу Йоуку. Ну как читаю – листаю томину почти в 1000 страниц. Там что ни страница, то сокровище для таких, как я.

23.02.70

(о блядстве, извините)

Думаю, на следующей неделе буду в Л.-А. Остановлюсь у Харлана [Эллисона], который сказал: «Ты возьмешь с собой жену? Это как везти уголь в Ньюкасл, чувак». И предложил свести меня со стройной блондинкой. Я сказал «нет», и что жена поедет со мной.

08.06.93

(об одном газетчике)

Брэд Синор сказал мне, что миннесотский серийный убийца Эд Гейн, послуживший Роберту Блоху прототипом Нормана Бэйтса в «Психо», был источником вдохновения и для фильма «Резня мотопилой в Техасе» – я не знал. И что изначально историю Гейна освещал миннеаполисский газетчик Клиффорд Саймак, но он не извлек идею, которую извлек Блох. И что они разминулись на месте преступления на два дня.

25.07.74

(кто с кем был знаком)

Нет, я не знал, что Эду Гамильтону предстоит операция – или что Ли может преподавать у тебя [Йоук уже был профессором Кентского университета штата Огайо]. Я не виделся с ними пару лет. Очень сочувствую Эду. Недавно я прочел «Рыжую звезду» Ли, ее первую историю про Эрика Джона Старка после «Черной амазонки Марса». Упражнения в ностальгии. Вместе с книгой вернулось всё.

17.11.80 (письмо Филу Дику)

(о лучших книжках и тиражах)

Мои книги о Янтаре [на тот момент – первая пенталогия] *продались примерно миллионным тиражом, а «Князь Света» – полумиллионным в последний раз, когда я проверял. Я уверен, что «Господа Гнева» будут читать в XXI веке, потому что он ужасно хорош, но еще потому, что, я верю, у всего есть свое время. Некоторые книги появляются слишком рано или поздно и пролетают.*

01.01.89

(ниточка к Эко)

Посмотрел вчера вечером еще одну видеокассету. Это было «Имя розы». Понравилось не так сильно, как, я думал, понравится.

25.05.93

(зависть писателя)

Пока я в Уиннипеге, закончил «Бледное пламя» Набокова. Всегда считал это мастерским приемом – как он рассказывает весь роман в сносках к поэме, которую главгер [protag, мне нравится слово] номинально обсуждает. Жаль, не я первый этот трюк придумал.

(Я думаю, примерно каждый из нас, которые хоть немного как Желязны, читая этот роман Набокова, думал ровно и именно это.)

Николай Караев

Артур Кларк «Текстовый процессор с паровым приводом» (рассказ)

Рассказ Артура Кларка «Текстовый процессор с паровым приводом» – это изящная и ироничная стилизация, которая на деле оказывается едкой сатирой на технологический прогресс и человеческую лень. Кларк, один из столпов «твёрдой» научной

фантастики, здесь предстаёт в амплу лукавого рассказчика, создавшего псевдоисторический анекдот.

Рассказ представляет собой якобы найденную биографическую заметку о ныне забытом викторианском инженерном гении – его преподобии Чарльзе Кэббидже. Кэббидж, викарий из Сассекса, устал от рутины и необходимости писать проповеди. Как сын эпохи промышленной революции, он решает механизировать процесс. Его детище – «Словоткацкий станок». Это паровой механический компьютер, использующий перфокарты (как в ткацком станке Жаккарда) с загруженными в память текстами Библии и «Симфонии Крудена». Изобретение Кэббиджа, как и многие утопические проекты, терпит фиаско. Машина оказалась непрактичной, требующей колоссальных затрат энергии и неспособной создать что-то принципиально новое, лишь

перекомбинируя старое. Да и сам процесс оказался весьма трудоемким и небезопасным. Повествование стилизовано под наукообразную статью XIX века: обстоятельно, с массой псевдо документальных деталей, которые придают истории комичную убедительность.

Имя главного героя недвусмысленно отсылает к Чарльзу Бэббиджу, реальному математику и изобретателю, создавшему проект первого программируемого компьютера – «Аналитической машины», которая также должна была работать на пару. Образ Кэббиджа – это гротескная карикатура. В отличие от гениального Бэббиджа, он показан как ленивый и нечистый на руку делец, который сколотил состояние работорговлей и не брезговал устранять конкурентов. Это снижает высокий пафос «безумного изобретателя» до уровня анекдота.

Итог: «Текстовый процессор с паровым приводом» – это очаровательная литературная безделушка от мэтра фантастики, которая при ближайшем рассмотрении оказывается совсем не безделушкой, а пророческой сатирой. Рассказ не относится к числу лучших произведений Кларка, но в этом и заключается его прелесть: это камерная, умная и очень смешная история, которая с годами становится только актуальнее. Возможно, это не лучший текст для знакомства с творчеством Кларка, но для тех, кто ценит его тонкий ум и иронию, он станет настоящим подарком. Это идеальный пример того, как «несерьёзный» жанр юмористической фантастики позволяет говорить о вещах вполне серьёзных и важных.

Жанр: Реализм

Оценка: 7/10

Алексей Севериан

Художник Ryan Pancoast не просто рисует фэнтезийные картины, но и креативно с ними фотографируется!

Мир фантастики

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 114

Так сложилось, что последнюю из ныне доступных повестей из цикла «Дунка и Эгга» я не читал. И даже на фоне хорошего сериала по первой повести об этом не вспомнил. Но тут подвернулась книга под руку, а в оглавлении «Тайный рыцарь», тут то и щёлкнуло в голове. Ну а под такое дело ещё разок перечитал «Межевого...» и «Пристяжного...». Чего, кстати, давненько уже не делал.

ДУНК И ЭГГ. Джордж Мартин

В своё время, классе этак в пятом-шестом, в руки мне попала третья часть саги Льда и пламени, и это было как удар током. В этом фэнтези всё было не так. Тяжёлая обрядовая магия, вместо легкомысленных взмахов посохами или волшебными палоч-

ками. Кровопролитные бои вместо героических победоунов. Гибель героев, к которым ты только-только успел привязаться – настоящая, без дураков. И, блин, как же здорово было в этот мир ненадолго вернуться.

Каюсь, основная сага после третьей книги стала казаться какой-то вымученной. Бесконечные интриги, предательства, новые герои, смерти старых героев, мутные поиски, долгие переезды – утомило это всё. А Дунк и Эгг вдруг раздали то, за что я любил Мартина, как автора фэнтези: реалистичное средневековье, тяжёлую потную боёвку и абсолютно не геройских героев.

Да, где-то есть магия, и драконов ещё помнят, и даже Стена стоит там, на Севере, но это всё на уровне баек и домыслов. А в основе – простая неприязнительная жизнь рыцаря и его оруженосца, который СПОЙЛЕР. Не, правда, вдруг кто ещё не читал. Хотя там всё и так угадывается без проблем. Если вы, конечно, не сир Дункан Высокий.

В общем, если вы хотите вернуться в мир Семи королевств, то это ровно то, что нужно. Если вам хочется добротного средневекового фэнтези – это то, что нужно. Если впервые знакомитесь с творчеством Мартина – это тоже то, что нужно. Со всех сторон отличная книжка. А то, что объём добились здоровущими списками благородных семей, так это даже полезно. Я вот уже подзабыл кого как звали, и буде вернулся бы к основному циклу, справка бы не помешала. Хотя так, конечно, тупо её пролистнул.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

«Мир поник, а мы затихли»: Собака Вера, Евгения Чернышова

Кажется, это самая гуманистическая и по-своему нежная книга о надвигающемся конце света. А ещё

этот текст насквозь пропитан Питером с его крышами, закатами, мостами и героями, которых невозможно представить ни в каких иных декорациях.

В мире романа исчезали все млекопитающие, кроме человека. Что будет дальше – исчезнут ли птицы, рептилии или сами люди – никто не знает, и от этого очень тревожно. **В Петербурге с тревогой справляются по-своему: ставят спектакль-трибьют обэриутам, танцуют на дискотеках и чинят выброшенные зонты.** Ну, и конечно, влюбляются, расстаются, сходятся и находят. А ещё галлюцинируют (или нет?) большой черной собакой, которая одним кажется вестником конца, а другим – надеждой.

Выходит несколько загадочное описание, но и Евгения Чернышова читателю легких путей не предлагает: мы то и дело перемещаемся во времени с разными персонажами, в промежутках имеем удовольствие познакомиться с поэтами-обэриутами, а сюжет здесь двигает, скорее, прошлое, нежели настоящее.

Всё это воплощается в очень занятный **текст – одновременно трогательный, мудрый и... просвещающий?** Параллельно с «Собакой Верой» я прочла «Елку у Ивановых», стихи и биографии Введенского, Хармса и Заболоцкого, посмотрела на картину Врубеля «Пан» и не уверена, что на этом остановлюсь.

При этом я вижу здесь **роман об экологической катастрофе, о том, как хочется всё исправить, если ещё можно.** Видно, что Евгения Чернышова любит свой текст, своих героев, а они любят животных, этот мир и эту жизнь, и они хорошие люди. Да, совершают ошибки, да, ведут себя странно, но **они все добряки, и это мне очень понравилось.**

Казалось бы, причем здесь конец света и обэриуты? Но выяснилось, что это отличное сочетание,

чтобы рассуждать о хрупкости жизни, об абсурдности настоящего, о смене смыслов.

После «Собаки Веры» остаётся светлая грусть и надежда, литературно-исследовательский интерес, а ещё желание пойти на дискотеку.

Александра Прохорова

5 июня:

«Проект «Аве Мария», он же «Проект «Конец света», он же Project Nail Mary

Совершенная миласечная милота, радость души, утешенье сердца. Бенефис Райана Гослинга, три часа чистого удовольствия.

Удивительно хороший фильм, который более всего изумляет не тем, что там есть – а тем, чего там нет, аллилуйя, аллилуйя.

Во-первых, там нет ни одного злодея. Мудаков, травмированных на веки вечные травматиков и неадекватов любого пошиба тоже нет. Все герои хорошие и адекватные! «А что, так можно было, да?» Можно было снять фильм, где нет плохих людей и это будет интересно смотреть, да?

Во-вторых, там нет любовной линии. Никакой вообще, божечки-кошечки, наконец-то! Никто не прижимает никого терапевтически к широкой груди, и не произносит речь коротечечно минут на пять-семь, как его никто не понимал... но теперь... ты сказал мне... что я идеален... и теперь (хнык-хнык-хнык... хлюп) я понимаю, что мне есть смысл жить в этом бессмысленном циничном мире!

Герои ученые. Им интересно а) изучать мир, б) делиться знаниями о мире. Ну и спасать мир, да, раз уж пришлось:) Но самые великолепные сцены строятся на том, что герой не понимал-не понимал, а потом кааак понял! Прелесть просто:)

В-третьих, вопреки названию, там нет религиозной апологетики! Я не люблю американскую апологетику, она обычно тупая и чугунная, как рельса, которой тебя бьют по голове (что за христианство, что против него). Тут все гораздо лучше – разговоры о религии сводятся к обмену буквально парой фраз в середине фильма («Вы что, в бога верите?» – «Мне это нравится больше, чем альтернатива»), а система ценностей просто положена в действия персонажей.

Fun fact: название на английском отсылает, конечно, и к молитве «Аве, Мария», но заодно и к комбинации в американском футболе. Футболист бежит в зону соперника и оттуда пасует наудачу. Это прямо очень здорово ложится на общий сюжет.

Еще одна отсылка, конечно, очевидная американцам и пропавшая в русском – героя зовут Grace, в смысле, Благодать:) И это, конечно, тоже отсылка к тексту «Аве, Мария», только на английском («Hail Mary full of grace» – «Радуйся, Мария, благодати полная»).

Это очень смешно совпадает с тем, что Гослинг всю дорогу излучает няшность и кавай в духе Франциска Ассизского (в английском есть для этого прекрасное слово *adorkable*).

Ну и, конечно, в саундтреке не без госпелов, но Тиной Тернер историю не испортишь:)

В-четвертых, инопланетяне живут своей инопланетной жизнью – и не нападают на Землю с целью захвата ее ресурсов! Не выглядят ни как синезеленые красотки, которые немедленно стремятся соблазнить героя, ни как жуткие рептилоиды с челюстями и жвалами! (Фильм, конечно, критикуют за то, что Рокки уж слишком сильно похож на диснеевских говорящих зверушек, но, хм, про персонажа Гослинга можно то же самое сказать:) Говорят, впрочем, что в книжке лучше.

Сам по себе мотив дружбы с инопланетянином вообще не нов (мне навскидку, конечно, вспомнился «Враг мой» Барри Лонгиера) – но по сравнению очень видно, как поменялся тип героя. Он уже не героический космопроходец с квадратной челюстью и бластером, а мальчик лет сорока с дружбомагией:)

Что мне прямо очень понравилось – что герой Гослинга работал в школе преподавом, поэтому у него прокачан навык объяснять все что угодно на пальцах и делать наглядные пособия на коленке из чего попало:)) Это прям жиза, особенно когда герои там объяснялись с помощью кукольных фигурок:)

Что еще очень хорошо – сам фильм очень здорово балансирует между милотой-милотой и мрачнюком. То есть, если очень хочется, то можно додумать жесткача и драмы. А если не хочется – то можно не додумывать. Можно при желании смотреть его как очередную мифологическую метафору что в шаманском, что в христианском ключе – с инициационной смертью, отправкой в потусторонний мир и спасением в результате всех и вся:) Отдельно, конечно, забавно, что суровую даму, которая это все организывает, зовут Ева:) А вот русскую космонавтку, кстати, зовут Олеся Илюхина (что прям тоже отдельно радует, Вейер не пожалел пяти минут, чтоб наугуглить ей нормальное имя, плюс ему в карму. Хотя русскую ученую все равно зовут Петрова:)))

Пока читала отзывы, узнала новое слово – хупкор. «Жанр историй, дающих надежду, радость и чувство цельности». Чистая правда, и побольше бы нам такого:)

Марина Аницкая

Вообще С.Т.Джоши вредный старикашка, удивлен, что его до сих пор не заткнули, как принято в бездушном мире капитала. Подрывает основы успешного бизнеса. Все эти путеводители по мифам Ктулху, справочники по мифам Ктулху, альбомы по мифам Ктулху, настольные игры по мифам Ктулху продаются миллионными тиражами. А потом приходит Джоши, и говорит: ребята, никакого лора, никакого сеттинга Лавкрафт не придумывал, неинтересно ему это было. Г.Ф.Л постоянно сам себе противоречил, путался в описаниях, в названиях и именах собственных, по-разному пересказывал предысторию – в общем, не заикливался на мало-значительных деталях. Это, в общем, и по текстам видно, если прочитать не пару избранных лавкрафтовских повестей, а все подряд. Что не сложно: классик написал сравнительно немного, в один пухлый том влезает. Если, конечно, не брать позднейшие фальсификации Дерлета, Картера и прочих. Я так пару раз делал. Но Джоши разбирает все это с академической кропотливостью, ссылается на письма, ссылается на статьи Г.Ф.Л. – в общем, растаптывает этот карточный домик вдрызг. Честно – не знаю, как после его работ, что биографии Лавкрафта, что вот этой монографии – можно всерьез писать какие-то «путеводители». Только как прикол, стёб – или наоборот, как чистый «эксплуатейшн», коммерческий продукт для простодушных и доверчивых.

Василий Владимировский

6 июня:

«Рыжая Фрея», Константин Зарубин

Послушала сегодня странную повесть Константина Зарубина «Рыжая Фрея». Красивую, нежную и нужную. Дослушала и спешу скорее написать об этом, пока есть ещё верные слова на кончиках

пальцево, но вот пишу сейчас, и понимаю, что нет их, ускользнули в туман.

Потому расскажу формально и без надежды передать своим рассказом волшебство. Эта история – почти странная петля, трёхуровневая. Совсем немного ей не хватает, чтобы от простой вложенности шагнуть в настоящий эшеровский мир всевязанности. А на самом деле – хватает, конечно, но последний ключ, короткое слово, означающее светлую грусть, любопытство и то зыбкое чувство, которое бывает июньской ночью, если смотреть на зарю, – ускользает, не позволяя этой красивой сказке сложиться в прокрустовы формулы страннопетельности.

Итак, в повести три истории и три повествователя. Первый – русский писатель, путешествующий по Исландии. Он рассказывает историю о странной встрече в исландском баре. Вторая – датская писательница, которую русский писатель встретил ночью в исландском баре, и которую невозможно заметить, если только она сама тебя не окликнет. Третий – представитель скрытого народа, чью внешность невозможно описать объективно, потому что всякое описание будет лишь отражением сущности и бэкграунда описывающего, случайной связкой слов на каком-то языке. Про этого третьего рассказывает датская писательница, и её история о том, как он, третий, рассказывает настоящую историю – про маленькую рыжую исландскую лошадь по имени Фрея и про девочку Катлу, которая обещала никогда эту лошадь не бросать. История рассказана, но не остаётся внутри своей герметичной части этого герметичного трёхуровневого мира, она выплёскивается на второй уровень, к датской писательнице, а оттуда на первый – к русскому писателю, а потом прямо к нам, тем, кто читал и слушал. Не верьте мне, потому что у меня нет верных слов, чтобы

описать это волшебство. А писателю Константину Зарубину поверьте. Прочсть повесть можно прямо на сайте автора (легко найдётся поиском), а послушать в великолепном исполнении Багдасарова и Яблонской – на Яндекс.Книгах или где вы обычно слушаете аудиокниги.

К.А.Терина

В последнем томе «Янтарных хроник» Желязны в переводе Яна Юа (то есть покойных Яны Аш-мариной и Николая Ютанова) 1996 года издания есть «Список имен». Местами – очень смешной. Например:

Кэйи (Caine) – в Ирландии и Шотландии так называлась плата за землю в виде продуктов, а также штраф, взятый натурой. К библейскому Каину имеет отношение разве что по созвучности имен, хотя в десятой книге «Янтарных хроник» г-н Желязны именует его героем-братоубийцей.

Нет, дорогие друзья, не просто «гражданин Желязны именует» – именно это Каин и делает в пятой книге «Амбарных хроник»: в ключевой момент повествования убивает брата. То есть буквально повторяет действие из известного ветхозаветного предания, так что отношение к *тому самому* Каину этот имеет прямое и непосредственное. Не знаю, на кого эти комментарии были рассчитаны: на тех, кто начал прямо с десятого тома, не прочитав девять предыдущих? А все потому, что в статье «**Как врать за деньги, или Страсти по переводу**» в 1991 году Ютанов брякнул – мол, не убивал Кэйи своего брата! Очевидно, не дочитав еще первую пенталогию до развязки. И вместо того, чтобы потом тихо-нечко сдать назад, тащил зачем-то эту фигню в массы и дальше. Смешно и немного неловко.

Как и многое у нас, да.

Василий Владимирский

7 июня:

В последний день Русальной недели, то есть сегодня, в прежние годы выгоняли русалок. Обряд мог строиться как торжественные проводы, воинственное изгнание или веселые похороны и, как правило, имел ироничный характер, а кое-где превращался в спорт.

Под Воронежем, чтобы «русалки всю лету не тращали» (т.е. не пугали), женщины делали метровую куклу-«русалку» из тростника, несли ее на носилках в поле как покойницу. Одна баба играла роль священника и пела разухабистые куплеты, кадила углем, который лежал в лапте. В поле «русалку» раздевали и выбрасывали (*Гринкова Н.П. Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области // Советская этнография. 1947. № 1*).

В Рязанской губернии обряд превратился буквально в командную игру: девушку наряжали русалкой и старались прогнать на землю соседней деревни, а тамошние жители старались ее не пустить. То есть почти как футбол, но гораздо занятнее и вместо мяча «русалка».

В некоторых регионах обряд связывали с конем. Двое мужиков накидывали на себя мешковину, передний держал шест с соломенной головой кобылы или прямо-таки с кобыльим черепом. Иногда этот перформанс звали «лошадь-русалка», хотя изначально конь наверняка прогонял русалок (похожее осталось в обряде изгнания шуликунов).

В Воронежской области сто лет назад такую «русалку» сопровождал крутой *извёзчик* водитель кобылы: мужик, ряженный в дородную бабу с гигантским соломенным бюстом и не менее огромным горшком на голове. Под конец мероприятия вожак и «лошадь» начинали дико плясать, бросались на людей. Все кончалось театральной смертью

«лошади», которая валилась на бок и поднимала ноги кверху (Крюкова Т.А. «Возждение русалки» в селе Оськине Воронежской области // Советская этнография. 1947. № 1).

Во многих местах обряд утратил изначальный смысл и превратился в веселый карнавал: люди просто сооружали и украшали «коня», которого водили по селу и потом разбирали на части.

В Рязанской области искусственный конь ходил по деревне и останавливался у всех ворот, падал якобы от упадка сил и требовал топлива: водки. Хозяева угощали коня и попутчиков. В противном случае они сердились, заваливали ворота ветками или ломали забор. Потому что нельзя мешать ерзным обрядам деревенскому веселью, конечно. Иначе «русалки трацать будут».

Но лучшая версия обряда сформировалась в селе Карнаухово тоже Рязанской области. Чучело здесь называли отчего-то Андрюшей (Андрюша такой молодец, такие у него были красивые сапоги с шапкой). Его сажали на салазки, на шею вешали пузырек с самогоном и везли по деревне к самой старой бабушке. Привозили, стучались. Бабушка выходила, залпом выпивала пузырек самогона, наливала туда воды. И все. На этом русалки разбегались и никого уже не трацали. Прекрасный обычай (*Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань. 2001. С. 346*).

Антон Нелихов

8 июня:

На Фантлабе пользователь endermnarsky [Андрей Бородин] в отзыве на книгу Артема Ширкунова «Мифология Лавкрафта. От Ктулху и космического ужаса до Некрономикона и запретных культов» (МИФ, 2026) пишет, что автор явно и обширно пользовался ИИ:

На странице 31 нас встречает цитата из письма ГФЛ Вудберну Харрису, при это сноски указывают на то, что цитата даётся по некому изданию «Письма нелюдя», выпущенному в 2007 году издательством Амфора. Такой книги не существует в природе, и именно этот момент заставил меня пробежаться по всем остальным сноскам – потому что я моментально понял, что сноски могли быть проставлены ИИ. И действительно, впереди меня ждало ещё множество подобных фактологических вымыслов, из которых могу особо выделить сноску на странице 138. Она относится к цитате из «Гончих Тиндалоса», которая, согласно ей, даётся в переводе некого С. Увбарха (нужно ли говорить, что такого переводчика не существует, а Светлана Увбарх никогда не переводила ни ГФЛ, ни Мифы?) из издания «Мифы Ктулху. Лучшие рассказы», выпущенного Terra Fantastica в 2004 году. Прекрасно, что называется, всё.

Сама цитата не менее интересна: «Гончие Тиндалоса движутся через углы, а не через кривые, и их невозможно укрыть, если не скруглить все углы вокруг себя...» Такая цитата явно возможна лишь в том издании, которое указано в сноске. То же касается и цитаты из «Дагона», приведённой на странице 125 (цитируется по якобы переводу Федюковой из якобы изданной в 2008 году «Эксмо» одноимённой книги – что не менее прекрасно, чем предыдущий пример): «Из воды появляется Дагон – гигантское существо с рыбьими чертами, владыка неведомых глубин...» Тот, кто найдёт цитируемый текст хоть в одном из переводов рассказа или даже в оригинале, явно является обладателем нечеловеческого разума. ИИ вон отыскал.

<...> вот цитата про Юггот на странице 106: «В сонетах «Грибы с Юггота» сначала говорится о некоем месте на земле с грибами другой планеты,

а после Юггот трансформируется в полноценную планету, при этом сохраняется образ грибов и инопланетного присутствия».

Любой, читавший этот цикл сонетов, знает, что грибы и Юггот упомянуты ГФЛ лишь в единственном сонете и то буквально одной строкой. Почему же Ширкунов, будучи экспертом по теме, пишет именно так? Потому что запрос для ИИ с ключевыми словами про грибы и Юггот заставил модель выдать именно такой текст, и Ширкунов поместил в «исследование» именно его. И подобных примеров масса. На странице 132 автор сообщает, что Итакуа, творение Дерлета, упоминается у ГФЛ лишь косвенно – хотя ГФЛ никогда не упоминал этого Древнего. На странице 136 Чамберсу приписан рассказ Дерлета «Обитатель тьмы», в котором якобы упомянут Хастур в виде чёрного вихря. Многие другие примеры рискнувший взять это «исследование» в руки читатель, хоть чуть-чуть знакомый с темой, может отыскать самостоятельно.

Николай Караев

Шелби Ван Пелт. Необычайно умные создания

Представьте себе маленький океанариум в захолустном городке штата Вашингтон. По ночам его полы намывает семидесятилетняя Това Салливан – молчаливая вдова, потерявшая сына тридцать лет назад. А из своего аквариума тайком выбирается гигантский осьминог Марцелл. Однажды Марцелл находит способ вернуть Тове давно потерянную вещь и невольно запускает цепь событий, которая свяжет жизнь старушки с судьбой неудачника Кэмерона, приехавшего из Калифорнии искать пропавшего отца. Втроем они распутают старые тайны.

Несмотря на ход с думающим животным, который, как известно, штука рискованная: один невер-

ный шаг – и вместо драмы получается диснеевский мультфильм, Ван Пелт рассказывает эту историю на удивление пронзительно и при этом без лишней слащавости. Особенно тронуло, как она говорит о старости. О том, что значит продолжать жить, когда все, ради кого ты жил, уже ушли.

Това Салливан каждую ночь моет полы в пустом океанариуме не зарплату ради, а потому что, если остановится, возможно, уже не сможет начать снова. Она встаёт, идёт на работу, трёт стекла, спорит с новеньким сотрудником о том, как правильно вставлять пакет в мусорное ведро. Это единственный известный ей способ оставаться живой. И эта её воля к жизни – при всём том, что жизнь её давно уже не радует, – проняла меня до костей.

Моя бабушка до последних дней не выносила безделья. Она повторяла: нельзя останавливаться, нельзя переставать делать то, что любишь, бездействие ведёт к смерти. Примерно за год до конца у неё резко упало зрение, и она почти перестала читать – а читала она всю жизнь жадно и запойно. Тогда она сказала, что это наверняка приблизит кончину. Так и случилось. Наверное, поэтому меня так заворожила Тоба – с её необъяснимой на первый взгляд волей к действию и отказом сдаваться.

За это я особенно благодарна автору – и во многом именно за это полюбила книгу. Не за осьминога, хотя он великолепен, а за честный текст о тех, кто не умеет просить о помощи, не жалуется и продолжает жить как умеет.

Однако Марцелл однозначно войдёт в мой топ персонажей-животных. Умный, сварливый, язвительный, с достоинством старого аристократа и повадками рецидивиста. Давно не встречала такого обаятельного говорящего зверя, который при этом не превращался бы в слезовыжималку.

Единственный практический минус: кажется, после Марцелла я больше не смогу есть осьминогов.

Вика Рипа

Память, – заключила Линь, – это контроль. Сила вытекает не из дула оружия; она вытекает из того, что запрограммирован помнить человек, держащий это оружие («Человек Эшера»).

Прочитала «Призрак неоновой богини» Нэппера, потому что он меня покорила «36 улицами». Книга состоит из двух частей, первая – довольно симпатичная и драйвовая история про кражу ИИ, но речь о второй, романе «Человек Эшера». Нэппера очень интересует память, и «Человек Эшера» – это читательский опыт не для всех, но с точки зрения писателя это просто кайф. Герой – ненадежный рассказчик, наемный мордоворот, которому многократно переписывали память, из-за чего она превратилась в решето. У чувака вместо воспоминаний и представлений о личности – буквально яичница. И по ходу короткого романа его полностью переделают еще трижды, оставив только профессию – много и болезненно убивать людей.

Во второй части особенно круто, когда в его жизнь после «лечения» чужими воспоминаниями начинают подтекать воззрения и ощущения его жены, ведь мы и есть память, почти ничего кроме этого. Память + наложенная поверх интерпретация памяти, меняющаяся со временем, и есть личность. И его постоянные издевательские дежавю встречи очень хороши. Еще один опыт в большую стопку игр с памятью.

Нэппер, по-моему, не полностью справился. Также несколько тяжело проникаться героем, который по задумке – обломок человека, клише гангстера, но сама идея уж очень хороша. Концептуально текст доходчивый, все эти перипетии с булавками

памяти и вообще выносной корпоративной памяти для людей находятся на фоне китайской оккупации. Плюс драки – Нэппер делает такие тугие, взрывные, яркие драки. В третьей части они еще и электрогитарами снабжены. Буквально – чувство боли перепрограммируют на рок, и герой раздает люлей под гитарный визг и крики вокалиста.

Я ожидала чего-то более... глубокого, что ли, но Нэппер интересно мыслит. Буду смотреть, что напишет еще.

Жанна Пояркова

Азимов ошибся. Но почти угадал.

В начале 1940-х Айзек Азимов придумал «психоисторию» – математическую науку, способную предсказывать судьбы цивилизаций. Красивая идея. Почти невозможная. Сам Азимов считал её чистой фантастикой: у человечества просто не было приборов такого масштаба.

Не было способа извлекать психологические переменные из исторических корпусов. Измерять когнитивные стили мёртвых культур. Моделировать развилки, не подсовывая прошлому наше знание финала.

Теперь такие приборы появились. Но получилось не совсем то, о чем мечтал фантаст.

Азимов описал науку, которая предсказывает исход. ИИ дал нам нечто более странное: метануку, которая реконструирует горизонт.

Не «что произойдёт?», а «что было доступно?» Какие варианты будущего уже лежали внутри прошлого – почти видимые, запрещённые, невысказанные или просто ещё не имевшие языка?

Я называю это **археологией возможного**. И её приборная панель уже работает, меняя сам режим гуманитарного знания. Она собирается из четырех радикально новых элементов:

– **Искусственная слепота:** языковые модели, которые попытались запереть в текстовом карантине жесткой датировки (например, до 1931 года), заставляя их мыслить в полном неведении об атомной бомбе, ООН и компьютерах.

– **Цифровой георадар смыслов:** алгоритмы типа Aeneas от DeepMind, которые возвращают разбитым латинским надписям их время, место и сеть социальных связей.

– **Психоанализ мертвых культур:** системы, извлекающие из древних текстов измеримые следы коллективных ценностей и норм.

– **Контрфактические симуляторы:** позволяющие исследовать исторические траектории не как попсовое «что если», а как эксперименты с границами мыслимого

Вместе это уже не просто набор интересных ИИ-инструментов. Это сдвиг в самом режиме гуманитарного знания.

История перестаёт быть коридором, ведущим из прошлого к нам. Она становится кладбищем несбывшихся вариантов будущего – и впервые у нас появляются инструменты, чтобы это кладбище вскрыть.

С новым инструментарием «тест Эйнштейна» (сможет ли ИИ с нуля вывести общую теорию относительности, будучи запертым в знаниях 1911 года) – это экзамен не для машины. Это экзамен для самой истории. Была ли ОТО уже скрыта в интеллектуальном слое начала века как отпечаток в камне, или она требовала удара молнии? **Это вопрос о природе открытия.**

А еще – это вопрос о власти. Тот, кто умеет вычислять скрытые горизонты возможного, получает контроль не только над памятью, но и над воображением.

Сергей Карелов

История, которая оставила добрый след в моей жизни

отзыв о романе Яны Летт «Препараторы. Голос Кьертании. Книга 3»

Цикл «Препараторы» – это тот случай, когда история влюбляет в себя постепенно.

В первой книге меня познакомили с героями, рассказали о уникальном мире Стужи и неспешно подвели к основным событиям. Поставил роману 7.3 баллов.

Во второй книге порадовали детективной линией и политическими интригами, а еще растрогали мое пацанское сердце нежной историей любви. Твердые 8 баллов.

В третьей книге автор соединила всё лучшее из предыдущих, распутала клубок из тайн и намекнула на захватывающие сиквелы. Это тот случай, когда проникаешься героями и миром настолько, что не замечаешь мелких нестыковок. Тот случай, когда книга вдохновляет на творчество. Тот случай, когда закрываешь последнюю страницу с улыбкой и грустишь, что история закончилась. Поставил 8,9 баллов и добавил роман в претенденты на личный топ года.

В каждой из книг я нашел глубокие размышления. В «Зове ястреба» понравилась мысль, как важно осознать лимит возможностей, чтобы не навредить себе. В «Сердце Стужи» запомнил послылы о неравенстве и жертвенности. А в «Голосе Кьертании» зацепила тема экологии: природа – это не просто место действия, а объект, который требует уважения и внимания к его интересам.

Одно из главных отличий третьей части от других: здесь мы впервые очутимся на другом континенте – парящем архипелаге Вуан-Фо. На контрасте с холодной Кьертанией зрелище открывается невероятное...

«Здесь не было ничего подобного дворцовому парку, но лианы и зелень, хищные яркие цветы, ловящие равно надоедливых мух и изящных бабочек, и так были, казалось, повсюду – свешивались с крыш галерей, обвивали колонны, заполняли прогулочные мосты и площадки <...> И среди всего этого буйства зелени – птицы, перекликающиеся на все лады».

«Препараторы. Голос Кьертании» – хорошее завершение истории. Буду с теплотой вспоминать этот цикл. Яна Летт, спасибо за пережитые эмоции.

Алексей Пак

9 июня:

Кристофер Прист «Престиж»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Роман Кристофера Приста «Престиж» – это произведение, которое невозможно воспринимать только как историю о фокусниках и сценической магии. За внешним сюжетом о соперничестве двух иллюзионистов скрывается глубокое философское размышление о природе человеческой личности, цене искусства и разрушительной силе одержимости. Прист создаёт сложный роман-иллюзию, в котором сам читатель становится участником тщательно подготовленного фокуса.

В центре произведения находятся два героя – Альфред Борден и Руперт Энджер. Их противостояние начинается как профессиональная конкуренция, но постепенно превращается в настоящую войну, уничтожающую всё человеческое в обоих персонажах. Борден одержим искусством фокуса настолько, что готов подчинить ему всю свою жизнь. Для него иллюзия – не способ развлечения публики, а высшая форма существования. Энджер,

напротив, стремится к внешнему успеху, признанию и власти над зрителем. Если Борден живёт ради самого искусства, то Энджер хочет обладать чудом и контролировать его.

Главная тема романа – цена иллюзии. Прист показывает, что любое великое чудо требует жертв. Постепенно герои перестают различать границу между сценой и реальностью. Их профессия разрушает семьи, лишает способности любить и превращает жизнь в бесконечное представление. Особенно трагично то, что оба персонажа сами становятся пленниками собственных секретов. Тайна, которая должна была дать им превосходство, в итоге уничтожает их личности.

Особую роль в романе играет композиция. История рассказывается через дневники героев и записи их потомков, поэтому читатель никогда не может быть уверен, где правда, а где намеренный обман. Каждый рассказчик скрывает часть информации и пытается представить события в выгодном для себя свете. Благодаря этому произведение напоминает сложный фокус: автор постоянно отвлекает наше внимание, заставляя верить в одну версию

событий, а затем разрушает эту уверенность. Таким образом, форма романа полностью соответствует его содержанию.

Важное место в книге занимает тема двойников. Она проявляется не только в судьбах самих иллюзионистов, но и в мотивах отражений, копий и раздвоения личности. Особенно ярко это связано с образом Николы Теслы и его загадочными экспериментами. Научная фантастика в романе становится способом поставить философский вопрос: что делает человека самим собой? Если существует точная копия личности, можно ли определить, кто является настоящим? Прист не даёт однозначного ответа, но именно эта неопределённость создаёт тревожную атмосферу произведения.

Стиль романа отличается сдержанностью и внешней холодностью. Автор избегает излишней эмоциональности, однако именно это делает историю ещё более мрачной. Мы постепенно ощущаем, что за каждым событием скрывается что-то пугающее и необъяснимое. Финал романа производит сильное впечатление не столько неожиданностью, сколько философской глубиной: становится ясно, что весь сюжет был построен как масштабная иллюзия.

Итог: «Престиж» – это роман не только о магии и соперничестве фокусников, но прежде всего о природе человеческой одержимости. Кристофер Прист показывает, как стремление к совершенству и превосходству может уничтожить личность. Роман заставляет задуматься о том, насколько иллюзорны наши представления о себе и окружающем мире. Именно поэтому «Престиж» остаётся одним из самых глубоких и необычных произведений современной интеллектуальной литературы.

Алексей Севериан

**Из цикла «Рассказы палеонтологов»:
Харритомбсия**

Смотрит на нас девонская рыба
В тягостном недоумении:
– От кого это произошли вы?
Вы на вкус... хоть более-менее?

(картинка-реконструкция – Joschua Knippre)
Танда Луговская

11 июня:

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 115

Вновь решил дать шанс классической американской фантастике. Вы знаете моё к ней отношение, если не первый день в Избе-Читальне. Для тех, кто оформил абонемент только что, коротко: считая, что в массе своей классическая американская фантастика ооочень устарела. Но некоторые вещи иногда меня цепляют и Саймаку, в частности, удаётся это чаще прочих. Что ж, попробуем, попробуем.

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ. Клиффорд Саймак

В общем, чего тянуть кота за яйца? Мне было дико скучно. Начало как-то ещё туда-сюда – мужчина, прошедший гражданскую войну через сотню лет попадает в поле зрения ФБР, потому что отказывается стариться и умирать. Всё дело в (вошебных пузырьках зачёркнуто) пришельцах, которые ни

с каких щей выбрали нашего героя на роль смотрителя станции для космических путешественников.

Понятно, тут вам не боевик, не приключения, я этого и не ждал. Но как-то не ожидал, что читать придётся, натурально, рабочие будни вахтёра. Главный герой живёт на работе, изредка выбирается на прогулку, совсем немножко общается с местными, в лице почтальона. Собственно, всё. Остальное – рабочие будни, либо воспоминания об оных.

Отдельно отмечу, что глядя на штатовскую фантастику того времени взрослым взглядом, начинаешь замечать любовь к юридическому крючкотворству. Но, ёлки зелёные, я ж сюда за фантастикой пришёл, а не за тем, как бюрократы бумажки перекалывают, мечтая закрыть станцию из-за отсутствия рентабельности и более перспективных направлений.

Не добавила остроты ни вяленькая угроза Земле, ни столь же вяленький конфликт с местными. Основной замут так вообще решился таким совпадением, что ладонь сама к лицу тянется. Ну, серьёзно, во Вселенной тысячи станций, тысячи миров, и надо же, как совпало... ладно, без спойлеров.

И вот интересное дело, в детстве мне бы наверняка зашло. Ну, просто потому, что в детстве мне достаточно было набора слов типа: пришелец, космос, телепортация, артефакт. А сейчас, вот жеж, хочется какой-то увлекательности ещё. Зажрался, что и говорить.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

12 июня:

Новое видео на канале! Проект «Аве Мария».

Фантастика о здравом смысле. О романе Энди Вейера и его экранизации.

Астронавт Райланд Грейс, очнувшийся на космическом корабле и не помнящий, кто он такой, со временем понимает, что на экипаж была возложена священная миссия спасения Земли от надвигающейся катастрофы.

По какой-то причине светимость Солнца и ближайших звёзд снижается. В течение пары десятков лет температура значительно упадёт, начнётся борьба за продовольствие.

Что делать – непонятно. Но известно, что звезда Тау Кита избежала этой проблемы. К ней-то и отправляется земная экспедиция, которая должна выяснить, чем так примечательна героиня песни Высоцкого.

В этом ролике рассказано о главных темах романа, о том, как автор постепенно раскрывает своё видение вселенной. А также о фильме Фила Лорда

и Кристофера Миллера, об изменениях сюжета, которые повлияли на восприятие истории.

Приятного просмотра!

RocketMan

13 июня:

До меня доехали «Змееловы из Парансана» Аси Фуллер. Писала на роман рецензию для «Мира фантастики», и полную версию можно прочитать там же, но хочу сказать несколько слов и тут.

«Змееловы из Парансана» – это крепкий динамичный текст с классными боевыми сценами и открытым мультикультурным миром: здесь есть и храмы с обломками звездолетов и дневниками первых переселенцев с Земли, и горные поселения разбойников, и укрепленные города, где смешиваются традиции Востока и Запада. А ещё – путешествие на горных козлах в поисках змеиного яда, разумные змеи и те, кто может устанавливать с ними связь, и люди с тяжелым прошлым и непростыми характерами, которые постепенно становятся настоящей семьей.

При этом роман вполне постапокалиптический: герои вынуждены выживать в очень непростом мире, где в любой момент их могут сожрать огромные змеи. В этих условиях зарождающаяся любовь между лейтенантом Риви и капитаном Фрост кажется особенно трогательной (меня сложно впечатлить романтической линией, но Фуллер это удалось). Возможно, дело в возрасте героев: и Маттео Риви, и Акира Фрост – люди взрослые, ответственные, повидавшие и смерть, и жизнь, и умеющие сражаться за то, что они любят. Он – изуродованный лейтенант, похоронивший парней из своего отряда, она – капитан, несущий ответственность за весь город. Двое людей в разрушающемся мире,

которые пытаются сохранить и преумножить то, что у них осталось. И это не может не вдохновлять.

Если вы цените яркие боевые сцены, соседствующие со здоровой романтикой, троп обретенной семьи и нутки про горных козлов; и не боитесь змей – рекомендую обратить внимание.

Ульяна Скибина

14 июня:

В больнице дочитала метароман «Восстанавливая реальность» Аттилы Вереша. До этого я читала его медленно, с перерывами на другое, потому что это такая книга, которую, как пишут критики среднего и низкого полета, «хочется смаковать маленькими глоточками». Вот за что не люблю современную прозу – читаешь, читаешь, находишь хорошее и ну такое, а потом вдруг натыкаешься на подобный Монолит из «Космической одиссеи 2001» и хочешь ещё, но поди его найди, другой Монолит. В классике для нас всё просеяли и разложили по полочкам, а тут сам и ищи.

Потрясающая, ни на что не похожая, многослойная книга. Хоррор? Местами вполне. Мрачная абсурдистская сатира на современность? Тоже да. Книга о неправильности мира, об атомизации человечества, уверенно и оптимистично шагающего во вполне конкретное, осязаемое никуда, в «Яму с зубами»? И это верно. Роман воспитания бога? Да. Книга о том, что мы опять не заметили конец света, и реальность рассыпается на частицы, на первокубики, мы чуем это, но у нас нет не только слов, но и мыслеобразов для того, чтобы это сформулировать? Да. Книга о том, как из этих первокубиков

скучающий перед приемом у психотерапевта бог строит новые реальности? Да. Книга о первокубиках, о странных и грустных людях, которые сами формируют в пустоте Вселенной новые реальности, успокаивая себя мыслью, что это же кто-то контролирует, кто-то большой и сильный ими управляет – родители, общество, корпорации, религиозные общины, бог? О да. Выбирай себе слой по душе и изучай его. Хотя скорее всего он придется тебе не по душе, потому что Аттила Вереш, как он сам, то есть не сам, хотя кто знает, говорит в финальном рассказе, «предпочитает ад».

Дарья Бобылёва

Ну, меж тем вот это – перевод под номером 666. И это надо отметить. Ну ибо! А то что-то я то ксендза перевожу, то имама... надо как-то балансировать хотя бы, а то не дело.

Ну вот!

**Фиона Рюгтеберг, группа Faun
Вальпургиева ночь (Walpurgisnacht)**

В небо, в небо, за луною
Наш напев уносит ночью,
Дикий род, народ Лилит
Прочь взлетает от земли.

Доброе и злое слово
Принесём сегодня снова,
Темнота небес зовёт –
Мы теперь летим средь звёзд.

В ивах слышишь шелест – ты сегодня с нами
Вольных танцев вихри – алыми вьюнами,
Вверх – и через искры, вверх – и через пламя –
В Вальпургиеву ночь!

Все за песней, все за песней,
(Хей йо)
Вот костры под луной!
(Хей йо)
Пляс чудесный, пляс чудесный –
В Вальпургиеву ночь!

Скрипок звук неукротимый,
Мы свободны, мы едины,
Кружится наш хоровод –
Волшебство и колдовство.

Петь сегодня до утра нам,
Сгинет всё с рассветом ранним,
Но сейчас в большом кругу
Мы танцуем на лугу.

В ивах слышишь шелест – ты сегодня с нами
Вольных танцев вихри – алыми вьюнами,
Вверх – и через искры, вверх – и через пламя –
В Вальпургиеву ночь!

Все за песней, все за песней,
(Хей йо)
Вот костры под луной!
(Хей йо)
Пляс чудесный, пляс чудесный –
В Вальпургиеву ночь!

Перевод с немецкого.
За консультацию по немецкому спасибо Lina
Berova.

Танда Луговская

15 июня:

Статья затрагивает проблему сопоставления метафизических произведений Ф.М. Достоевского и нидерландского художника Иеронима Босха (ок. 1450–1516), знаменитого своими изображениями сюрреалистических сцен мира, погрязшего в грехе и наполненного самыми фантастическими химерами, зачастую соединяющими в себе признаки живого и неодушевленного.

Отмеченная манера художника сразу же бросается в глаза при чтении первых глав «Преступления и наказания», в которых ряд персонажей описывается через болезненное восприятие Раскольникова в духе гибридов Босха. Например, про тонкую и длинную шею старухи-процентщицы говорится, что она «похожа на куриную ногу»; лицо хозяина распивочной, куда заглядывает герой после сделанной «пробы», в глазах Раскольникова «было как будто смазано маслом, точно железный замок» и т. п.

Ранее подобные попытки обнаружить босхианские мотивы в русской литературе XIX века предпринимались исследователями на материале творчества А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, но применительно к Достоевскому такая постановка вопроса

в специальной статье осуществлена впервые. В настоящем исследовании речь не идет о каком-либо доказанном влиянии Босха на Достоевского, поскольку маловероятно (хотя и полностью не исключено), что писатель вообще был знаком с его картинами.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать на примере романа «Преступление и наказание» и триптиха «Воз сена», что и Достоевский, и Босх, используя общеевропейские христианские символы и аллегории, указывали в своих произведениях на духовную реальность вне времени, которая является неизменной для людей разных народов и эпох, объединенных общими представлениями о взаимоотношениях людей с Богом и дьяволом и о том, что происходит с человеком после того, как он всецело отдается во власть зла. В статье подробно анализируются концепты «воз сена» и «сено» в романе в связи с триптихом Босха и обнаруживаются удивительные переклички между мирами Достоевского и нидерландского художника-визионера.

Подосокорский Н.Н. Ф.М. Достоевский и Иероним Босх: воз сена в романе «Преступление и наказание» // Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: современное состояние изучения / гл. ред. Т.А. Касаткина. В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2026. Т. 1. С. 228–260.

Николай Подосокорский

Анафем

Нил Стивенсон

Поклонникам препарировать реальность бритвой Оккама тяжело придется с этим романом. Личнейность повествования, методично и неспешно заданная на старте, при проходе через монументальные врата, за которыми герой оставляет про-

шное, вскоре разбивается о банальную квантовость вселенной стивенсоновского (но читай – нашего, поскольку Арб списан с Земли) мира.

Вселенной, казалось бы, единственной из возможных в этом космосе. И, если уж нам нечем более вооружиться при формулировании этого тезиса, то воспользуемся хотя бы антропным принципом, который наряду со многим другим постулируется в «Анафеме» как нечто само собой разумеющееся.

Кто на чем стоял и чем погонял, автор подробно раскрывает в послесловии, не дав себе душнить отсылками по ходу пьесы. Наверно, иначе редкая бы птица долетела до середины этого романа: полотно текста не просто объемно, выстроено в духе «Диалогов» при отсутствии клипа и частотола картинок, но и чрезвычайно требовательно к читателю. И те, кто пинает Нила Стивенсона (а хотя бы на фантлабе такой отзыв – через один), возможно, лучше меня знакомы с трудами Лейбница, Платона и иже с ними – я чувствую только свою полную несостоятельность в фундаменте, на котором жиздется мир Часов, простых чисел и умозрительных доказательств. Явно требуется накатить хотя бы древних греков на истощенные мои кладовые, а потом уже снова припасть к пространным диалогам в миру «Анафема».

Квантовость представленного мира заключается в том, что все происходящее дрожит и множится, не ведая, куда качнет весы слепец, который не играет в кости. Легкая бритва Оккама – оружие грозной сечи в иных руках – тут моментально тупится: автору приходится пользоваться курсив, чтобы сказать, что на самом деле думает герой, говоря совершенно иное. Интриги, скандалы, расследования и полная неуверенность в том, требует ли очевидность этого мира, чтобы были мертвы персонажи. А если уж

и требует бездыханного тела, то какого конкретно: может, это откинулся наш ненадёжный рассказчик, тем паче, в финале он долгое время просуществовал с осознанием того, что проглоченный по инструкции термодатчик в действительности является взрывной капсулой, а он сам – простым курьером.

Тот читатель, кто пошёл дальше и тонкий ланцет Оккама превратил в топорище, находит монументальный кирпич «Анафема» не твердой НФ, а твердым янг-эдалтом (главному герою Разу аккумулятор 18), решительно обрубив все наносное, чтобы обнажить скрепы этой зуубодробительной, на первый взгляд, истории. Действительно: у нас взрослые мушкетёры на борту, которым нужно во все времена одно – крепкая драка, надёжный друг, старший товарищ, на которого можно равняться, даже если он всю дорогу более мертв, чем жив, крышесносящая политическая интрига и, конечно, любовь. Ведь что такое рыцарь без любви, и что такое рыцарь без удачи! (с)

Ну, хотела бы я посмотреть на тот мир, где Анафем – это янг-эдалт. Вангую, вы не смогли бы дышать тем кислородом, слишком уж он инаков. Цитат можно набирать тоннами отсюда, как с карьера: вышел у вас асфальт из-под ног – милости просим за нашим песочком, которого хватит и на ваш век, и на век тех, для кого вы сами будете прахом и песком. Кончится песок – будем купаться в лазуревых колодцах этого карьера, строить тут новую жизнь, умирать, утонуть по пьяне, ходить по дну по наводке гидроакустиков, сейвить роскошные пейзажи как места мастхевнах селфи, ждать на берегу золотую рыбку со всеми благами мира, сочинять новые истории поверх, в общем читать не один год: с карандашом, в библиотеке, никуда не торопясь.

Юлия Евдокимовская

16 июня:

Киберпанк 1980-х годов – это не только Уильям Гибсон и Брюс Стерлинг (кстати сам термин «киберпанк» придумал вовсе не Стерлинг, считающийся отцом жанра, а писатель Брюс Бетке в 1980 году, при этом в широкий оборот его запустил писатель, редактор и журналист Гарднер Дозуа в 1984-м). Естественно, что, говоря об этом жанре, мы в первую очередь вспоминаем именно их, но ведь были и другие авторы, отметившиеся киберпанковскими произведениями.

Одним из таких авторов был Уолтер Йон Уильямс, создавший в 1987–1989 годах «цикл» «Прошивка» («Hardwired» на английском) (в него входят два романа – собственно сам роман «Прошивка» и «Глас урагана» и повесть «Система Солипсизма»). При этом циклом его назвать довольно сложно, потому что романы практически никак не связаны между собой – автор сам говорит, что он писал его, думая, что это будет самостоятельная история, но, когда книга была закончена, редактор спросил, не получится ли превратить его в продолжение «Прошивки», потому что «продолжения продаются чуточку лучше» (ох уж эти 1980-е). В итоге автор внес несколько незначительных изменений и действие «Гласа Урагана» происходит в том же варианте будущего, что и «Прошивка» (я нашел одно, что ли соответствие этому).

И если «Прошивка» (как и повесть «Система Солипсизма») как раз и относятся к жанру «киберпанк» про технологическую борьбу с корпорациями, захватившими господство в мире, и несмотря на прошедшие с момента написания сорок (или чуть меньше) лет, по-прежнему хорошо читаются, и нет никакого ощущения что они устарели, то «Глас урагана» – это вообще не киберпанк, а космический

техно-детектив про клона, который пытается восстановить свою память и разобраться в своем прошлом.

«Прошивка» и «Система Солипсизма» мне понравились (роман в первый раз я читал еще в 1990-х, когда он впервые вышел на русском и тогда казался ну чуть похуже суперроманов Гибсона, а повесть вообще впервые перевели вот сейчас). А вот «Глас Урагана» мне откровенно не зашел, и дочитывал я его с трудом.

Так что если вы любите киберпанк, то с двумя из трех произведений стоит познакомиться. А если киберпанк вам чужд, то спокойно проходите мимо.

Владимир Обручев

Алена Хопер, «Потерянные дети». Изд. Полнь

Конец 90-х, родители отвозят подростков Игната и Инку в лес на шашлыки и оставляют их там. Дети думают: заблудились, потерялись. Правда куда суровее – их отправили в лес как в старой сказке; а то слишком отягощают жизнь, а у отца еще проблемы с нелегальным бизнесом. И вот брат с сестрой оказываются в странной избушке, где живет жуткого вида старик в темных очках. Какое-то время они живут там просто так. В Игнате копится злоба, в Инке – надежда на возвращение родителей, и оба они постепенно теряют память. Старик оказывается колдуном, стражем на границе живых и мертвых, царем и богом странного леса, и предлагает Игнату стать своим учеником, чтобы получить силу – такую, какой все позавидуют, даже батя с его криками и тумачами. Сможет ли Игнат пройти все испытания, научиться контролировать боль, превращаться в волка, сражаться с лешими? Получит ли то, чего хочет? И выдержит ли это его сестра, больше всего мечтающая вернуться к маме?

Дебют Алены Хопер издатели продают как микс «Слова пацана» и русских народных сказок, и это, пожалуй, самое правильное позиционирование. Маргинальная эпоха 90-х здесь в нужных пропорциях смешана со фольклором: события в реальном мире постоянно перекликаются – как минимум мрачностью и суровостью – с происходящими в волшебном лесу, куда попали главные герои. Тут есть и мужская версия Бабы-яги в образе Наставника-колдуна, и всевозможная жуткая нечисть от русалок до упырей, и живая вода (а к ней в пару мертвая), и сундуки, наполняющиеся одеждой мертвецов, и заблудившиеся дети, оставленные на съедение волкам... Иными словами, Хопер старается переосмыслить максимум вещей – от образов до сюжетных тропов. Впрочем, есть в сюжете что-то от «Маугли» – в том смысле, что детей отделили от социума, предоставили лесу, самим себе, собственной злобе. Только воспитывать их взялись другие хищники. Точнее, другой хищник, тоже когда-то бывший простым человеком, – тот самый Наставник. Вот и ему интересно наблюдать за этой сказкой о возможном развоплощении – ведь злоба вкупе с желанием получить силу никогда ни к чему

хорошему не приводила; или, быть может, Игнат сумеет резко перейти на иную волшебную тропку и, напротив, переродиться?

«Потерянные дети» – роман-метафора о дисфункциональных семьях и домашнем насилии: именно в таких и вспыхивают первые очаги чумы, которая поражает новые поколения – такие, какие потом называют потерянными; не создающие, а присваивающие и разрушающие. И так – пока порочный круг не порвется. Главное захотеть его порвать, а не сотворить себя чумного кумира – Игнат на этом обожжется. Конечно, сказочные образы – лучшие проводники для таких тем. Но стоит посмотреть на книгу пристальнее, и окажется, что причиной всех бед становится постепенно копящееся внутри отдельно взятых людей зло... И вот уже дети своего времени, как Игнат, озлобленные, некому не доверяющие, желающие чувствовать свою абсолютную силу и власть над всем, рожают таких же. Куда они смогут привести своих детей? Только на берег мертвых – уж никак не живых. И круг снова замыкается. Хопер изображает две параллельные трагедии: взрослую, между отцом и матерью героев, в реальном мире, и детскую, помещенную в сказочную среду. Акцентируя внимание на деталях, порой ускользающих от каждодневного внимания (монеты в карманах, бьющиеся статуэтки, недобрые, завистливые взгляды), прописывая объемных персонажей разного возраста, автор добивается своего. Доказывает: проблемы есть у всех поколений, каждое – надломлено, озлобленно, неправильно. Просто борются все по-разному: молитвами, матом, эскапизмом, кулаками. Даже столетний Наставник не исключение – не просто так весь текст его преследует таинственный внутренний голос.

А последние страницы книги – уже не сказочные, не социальные. Это финальный булгаковский

аккорд – философский и на первый взгляд жестокий; но, если задуматься, самый справедливый.

Денис Лукьянов

Самая вредная мысль А. Барковой – про курьи ножки сказочной избушки. Баркова пишет, что они вообще не птичьи.

«Эти ноги не имеют отношения к курице, это столбы, окуранные дымом. Речь идет о [...] способе «воздушного погребения». [...] Чтобы это погребение как можно дольше не рухнуло на землю, столбы, на которых оно стояло, окуривали дымом от гнили».

Баркова А. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. М. 2022. С. 237.

Ссылка, конечно, нет.

В книге «Введение в мифологию» Александра Леонидовна более красноречива:

«Чтобы эти самые деревянные ножки нехорошие жуки-короеды как можно дольше не сгрызли, их окуривали дымом. Таким образом, курьи ножки никакого отношения к курице, петуху, гусю, индюку и утке не имеют. Это окуранные дымом ножки воздушного погребения».

Ссылка, конечно, нет.

Идею Баркова придумала не сама. Мысль о возможной связи сказочной избы с воздушным погребением высказал еще в пятидесятых годах сказковед В.П. Аникин. С вполне уместными оговорками. Вначале он согласился с гипотезой Проппа, что Яга – мертвец, затем сделал следующий шаг: раз Яга мертва, то и ее жилище – гроб с печкой и другими удобствами комфорт-класса.

«Сама же изба, напоминающая своей теснотой гроб, едва ли не поздняя поэтическая разработка древнего обычая хоронить покойников на деревьях

или на помосте (так называемое воздушное погребение)».

Аникин В.П. Русская народная сказка. М. 1959. С. 130.

У Аникина нет ни слова о русских или о славянах, для него это просто мимоходом брошенный яркий образ. Его-то и подхватила Баркова, и стала использовать с привычной безапелляционностью.

В сетевой статье примерно 2017 года она очень уверенно писала, что у древних славян (каких именно, не указывает) были «избы смерти» (!) – небольшие срубы с прахом или телом покойника, и такой погребальный обряд якобы существовал еще в VI-IX веках. Так вот: чтобы столбы у «изб смерти» не гнили, чтобы короеды их не точили, древние славяне их окуривали...

На самом деле русские до II тысячелетия сжигали покойников, затем стали закапывать (Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004). Никаких воздушных погребений у них не было. Не было и гробов на колесиках столбах.

Но главное: окуривание вообще не используют для защиты древесины и для придания ей долговечности!

Окуривают живые сады весной при сильных заморозках: дым действует как одеяло. Некоторые увлеченные садоводы жгут солому для отпугивания насекомых – тоже для живых деревьев. Никто не обрабатывает дымом собственно древесину.

В традиционной культуре не окуривали бревна для изб или сараев. Не окуривали доски для заборов. Не окуривали мосты и сваи. Потому что дым для этого совершенно бесполезен.

В итоге вся идея Барковой сводится к лингвофичеству: сходству слов «окуренные» и «курица».

А вот жертвами ее чересчур смелого сравнения пали многие, не буду перечислять поименно.

Особенно грустно, что про «окуренные ножки» говорят даже как о выдающемся открытии. К примеру, составители сборника «Сказки Рязанского края» увлеченно рассказывали журналисту, что в древности русские окуривали столбы своих наземных погребений, а ножки сказочной избы Яги «изначально могли быть не ‘куриными’, а ‘курными’».

Там есть прям вишенка на торте:

«Словом, древние легенды заслуживают того, чтобы обращаться к ним в оригинале и знать подлинный фольклор, а не «клюкву»».

Это ж какая злая ирония! Только вдумайтесь:

«А не ‘клюкву’»...

Если вы все еще вдруг думаете, что книги Барковой безобидны, то это вы зря.

Антон Нелихов

Дарья Сталь с соавтором доделали свой DND-роман «Рубиновый орден».

Идея была в том, чтобы использовать наработки игр в DND, а затравка в духе старого-доброго героического фэнтези вызвала у меня интерес: четверка молодых магов обучается в академии, однако узнает, что тучи сгущаются – и инквизиция собирается стереть их всех с лица земли. Маг Сумрака, маг Огня, маг Времени и маг Смерти (очаровательный юный Сеттра) изобретают заклинания и основывают свой магический орден, чтобы защитить магов. Но маг Времени медленно теряет зрение из-за проклятья, хотя друг старается разыскать решение, а маг Огня – беглец из другой части государства, где инквизиция уже вычистила магов.

Я дочитала. Это нехитрая, но местами обаятельная штука. По возрасту героев это YA, но без соплей, фокус на приключениях. Мне понравилось все, что относится к странствиям четверки неопытных

магов – особенно то, как эпически они вначале проваливают задание (да и во втором, где они должны были сопроводить посла и его груз, послу отрубили голову). Когда они оказываются вместе, срабатывает химия дружбы. Также текст, несмотря на простоту, играет там, где идет оммаж классическому эпическому фэнтези с его одновременно и пафосом, и юмором – вроде испытаний внутри магической книги или драматической смерти мага Жизни. Мой любимчик – маг Смерти. Неловкий пацанчик, влюбленный в знания и пропавший в Серой долине, но и у остальных героев есть личность.

Что касается вещей, наиболее озадачивших меня, то это непонятно зачем нужная любовная линия *enemies to lovers*, где на прыжок в постель потребовалась одна глава, и чересчур резкое появление драконов. Я бы выбрала тут интонацию плутовского фэнтези, которое из-за врагов вываливается в эпик, но Дарья сделала по-другому. На мой взгляд, часть новых персонажей не работают и нужны лишь как сюжетный механизм. Язык дрейфует от личного до штампов. Но дело в другом – я увидела, как идея из увлекательного питча превратилась в текст. Уметь воплощать свои идеи в реальность – это и есть самое важное качество. Ну и главный вопрос – что стало с Сетстрой?

Жанна Пояркова

«Чтобы жить, человеку нужна ненависть»:
Археологи, Вячеслав Ставецкий

Во-первых, это действительно **большой современный русский роман**, большой во всех смыслах: и обширностью рассуждений, и увесистостью тома, которым вполне можно причинить сотрясение мозга собеседнику в критической точке спора.

Кто-то упрекнет автора в графомании, кто-то восхитится, я же где-то посередине: местами полу-

чала удовольствие от текста, местами пропускала абзацы.

Очень заметно, что Вячеслав Ставецкий любит свой текст, русскую классику и самого себя. Ни на минуту не покидало чувство, что он пытается заигрывать и подражать классикам, при этом я не всегда могла определить кому именно, потому что тупая смешалось слишком много всего: тут тебе и дыра в четвертой стене, через которую автор то и дело общается с читателем, и сны героев, разыгранные как театральные представления, и размашистые описания природы, характеров, обстоятельств. А вишенкой на торте **автор вписывает себя в роман**, появляясь ближе к концу, чтобы побеседовать со своим героем.

Во-вторых, Ставецкий выбрал **жанр альтернативной истории**, к которому я испытываю крайнее отторжение (и продолжаю почему-то читать), но в данном случае мне зашла его оптика: в романе **назревает очередная революция, а её основная движущая сила – внезапно коммунисты**, а не либералы (как справедливо подмечает автор, «более пассивные по своей природе»). Коммунисты здесь пламенные, твердолобые, вечно кем-то униженные и оскорбленные – короче, бесят.

В-третьих, это **роман про шестерых мужиков-археологов**, они катаются по степи (читай – бедной, пьющей, мокрой России) на «Археобусе» и копают не для того, чтобы что-то найти, а наоборот – не найти. А когда находят, даже расстраиваются.

И вот эта история про археологов-эскапистов, которые на самом деле: агроном-недоучка; школьный учитель; лингвист; сбитый военный летчик; бывший снайпер одной «восточнославянской войны»; студент (герой нашего времени) – она-то меня и зацепила.

Первая часть книги – это утяжеленное массивной экспозицией трогательное роуд-муви. Вторая часть – оседлая любовная линия, которая сильно бередила во мне воспоминания о романе Иванова «Географ глобус пропил». Третья и заключительная часть – потоп. Она так и называется – «Потоп», и в ней тонет всё: древние кости, богом забытая (а *есть ли бог?*) деревня, всяческая надежда и даже финал этого романа.

Всю книгу Ставецкий слегка юморил и будто оберегал читателя от тяжелых потрясений (собачку спасают, ружье не стреляет), чтобы в конце сделать ему возмутительно больно и тут же за это оправдаться.

Впрочем, мне финал понравился, я не считаю его каким-то слитым, недописанным или скучным. Тут автор точно знал, что хотел сказать, и он сказал четко и без обиняков, выделив курсивом.

При этом мысли мои, когда я хочу рассказать об этой книге, превращаются в булькающую кашу, потому что **роман изобилует интересными тезисами и противоречиями, о которых хочется дискутировать**, а не просто фиксировать в рамках отзыва.

Обязательны ли «Археологи» к прочтению? Нет, не думаю. Рада ли я, что прочла? Очень рада.

Признаюсь, среди всех чудесных текстов, написанных женщинами о женщинах я, пожалуй, даже заскучала по историям о мужчинах. **Чего я не ожидала – что меня совершенно очаруют эти ранимые дядьки в штопаных носках**, которые днем копают, а ночью бухают и до драки спорят о высоком.

Ну, а если вы дочитали до конца этот сумбурный отзыв, то, возможно, и 668 страниц «Археологов» вас уже не напугают. В конце концов, где ещё вы узнаете, как копают шурфы.

Александра Прохорова

17 июня:

Гори, ведьма, гори!

О романе Анны Старобинец «Хроники пепельной весны. Магма ведьм»

В поселке Чистые Холмы на Блаженных Островах бушует эпидемия. Люди благородного сословия мрут как мухи. Сам епископ Сванур, Хранитель Священной Яблони, автор канонического трактата «Магма ведьм», на последнем издыхании, и даже лучший лекарь не в состоянии поднять его на ноги. Очевидно, порчу навела ведьма, а единственный способ остановить поветрие – как можно скорее предать бесовку огню. Виновница, швея Анна, уже схвачена, подвергнута пыткам и дала признательные показания, но епископ не в состоянии завершить необходимый ритуал. Остается только обратиться за помощью к священнику из соседнего прихода и наделить его полномочиями инквизитора. Идеальный план – казалось бы, что может пойти не так? Однако строптивый игумен Кай из рода Пришедших По Воде не спешит огласить приговор и привести его в исполнение. По иронии судьбы дотошно следуя процедуре, описанной в «Магме ведьм», он ищет неопровержимые доказательства – и не вполне уверен, что вся тяжесть вины лежит на несчастной швее. Тем более что веские причины ненавидеть епископа Сванура есть у всех женщин острова, от его жены и до последней служанки, а заодно и у многих мужчин. В итоге загадка, естественно, будет разгадана, все тайны раскрыты, виновные понесут заслуженное наказание. Но это торжество справедливости никому не доставит радости, и меньше всего – самому инквизитору Каю. А некоторые персонажи до этого светлого момента попросту не доживут.

Известная студенческая поговорка гласит: сначала ты работаешь на зачетку, потом зачетка работает на тебя. Случай с «Магмой ведьм» – типичный пример того, как имя писателя определяет судьбу его книги. Риторический вопрос: рискнули бы сегодня российские издатели напечатать пятнадцатитысячным стартовым тиражом фантастический детектив в постапокалиптических декорациях, если бы его автором числилась не Анна Старобинец, номинант «Нацбеста», «НОСа», «Ясной Поляны», Мемориальной премии Астрид Линдгрэн (не говоря уж о многочисленных «жанровых» наградах), а безвестный автор-ноунейм? Ответ, мне кажется, очевиден. «Постап» в наши дни – литературная формула не из самых почтенных и даже не из самых востребованных, а никаким «уютом» в этом детективе, понятное дело, не пахнет.

Действие романа разворачивается через семнадцать столетий после глобальной катастрофы, уничтожившей практически все население Земли, в жестоком, грязном, чудовищно бедном мире будущего, переполненном неистребимым страданием и намертво въевшимся запахом нечистот. Воспоминания о давнем апокалипсисе, который тут называют Великой Нуклеарной Порчей, сохранились только в форме смутных преданий, и можно лишь догадываться, что именно стало его причиной – тотальная ядерная война, экологическая катастрофа или, чем черт не шутит, технологическая сингулярность. Здесь с неба сыплется черный снег, солнце вечно скрыто пеленой облаков, а чтобы получить каплю воды, пригодной для питья, надо растопить и профильтровать целую глыбу льда. Зато муравьи вымахали до гигантских размеров: именно они служат главным источником белка, хитина, кислоты, а заодно – единственными тягловыми и ездовыми животными. Что, разумеется, противоречит эле-

ментарным принципам биологии и физики: длина тела крупнейших ископаемых муравьев в истории нашей планеты достигала максимум семи сантиметров, и уже при таких размерах они с трудом передвигались и еле дышали. Зато насекомые-переростки – частые гости в постапокалиптике, так что главный закон, закон жанра, в романе Анны Старобинец соблюден безукоризненно.

Но важнее то, как после глобальной катастрофы изменились люди. Теперь они рано взрослеют и живут до сорока, в редких случаях – до пятидесяти лет с небольшим: в семь – подросток, в десять – студент, в одиннадцать – выпускник университета, в семнадцать – слишком стар, чтобы надеяться на успешную карьеру. Ближе к финалу один из персонажей пытается объяснить этот феномен («клетки стали делиться быстрее, активней и хаотичнее») – звучит не слишком убедительно, но по крайней мере рационально. Однако сильнее всего в этом мире изменилась репродуктивная функция и репродуктивное поведение выживших: женщины (за исключением ведьм) обретают фертильность только зимой, причем все одновременно, на несколько недель – в остальное время они не слишком интересуют мужчин. Фактически это уже не люди в современном понимании, а другой разумный вид, от современного Хомо сапиенс сапиенс герои Старобинец отличаются сильнее, чем кроманьонцы от неандертальцев. Такие радикальные метаморфозы не объяснить ни изоляцией, ни высоким радиоактивным фоном, ни чередой положительных мутаций. Чтобы настолько изменить крупных млекопитающих, недостаточно и двух, и двадцати двух тысяч лет, речь о сотнях тысяч или миллионах лет – проще допустить, что кто-то целенаправленно покопался в их геноме.

При этом психологически герои романа стопроцентно остаются людьми: рассказывают утешительные сказки, придумывают религии и каленым железом выжигают ереси, до одурения алчут богатства и власти, тоскуют и впадают в ярость, мечтают о лучшей доле если не для себя, то для своих детей. Ровно тот же прием, что и в сказочном цикле Старобинец «Зверский детектив» для младшего и среднего школьного возраста: неведомы зверушки ведут себя абсолютно по-человечески, хотя вроде бы не должны. Только, в отличие от белочек, зайчиков и прочих барсуков, игумен-инквизитор Кай и некоторые другие персонажи «Магмы ведъм» если не осознают, то по меньшей мере интуитивно чувствуют противоестественность такого положения вещей. И от этого «темный мир будущего» с его чудовищным гендерным и социальным неравенством, усугубленным физиологией, становится еще безысходнее.

В целом книга Старобинец вызывает немало вопросов. За счет чего функционирует биосистема, в которой кроме муравьев и человека не сохранилось других крупных живых существ? Почему здесь не практикуют изгнание, классический остракизм, а вместо этого придумывают трудоемкие изуверские способы казни – просто из врожденного садизма, свойственного двуногим прямоходящим, лишенным перьев? Как епископ Сванур, недалекий, самовлюбленный, неоправданно жестокий, не обладающий ни харизмой, ни эмпатией, абсолютно не понимающий людей, которые его окружают, не способный ни на подвижничество, ни на толковую интригу, сумел достичь столь высокого поста в церковной иерархии? Почему вопреки пренебрежительному и глубоко потребительскому отношению к женщинам, независимо от происхождения

и социального статуса, Блаженными Островами правит взбалмошная и избалованная королева?

Видимо, некоторые ответы писательница знает – и, возможно, когда-нибудь раскроет их читателям. Или нет, если не будет настроения. Как бы там ни было, научно-фантастическим этот роман только прикидывается, причем не слишком тщательно. Требовать от мира «Магмы ведъм» реалистичности и правдоподобия настолько же бессмысленно, как от «Превращения» Франца Кафки: «Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое» – и все на этом. Показная рациональность игумена Кая, предпочитающего смешивать замысловатые реагенты, а не орудовать пыточными клещами, псевдонаучные объяснения, которые на самом деле ничего не объясняют, – все это отвлекающие маневры. «Заклепочничество» неуместно: Старобинец апеллирует не к разуму, а к чувствам, ее роман – чередование метафор и символов, которые по большому счету не нужны в обосновании. Если писательнице нужен черный лед, который почему-то не тает даже летом, – будет черный лед. Если нужны муравьи размером с лошадь – будут муравьи. Если нужен инквизитор, испытывающий кризис веры, – будет инквизитор.

Так что отбрасываем сомнения, настраиваемся на авторский камертон и погружаемся в круговорот образов. Лишние мысли лучше сразу выбросить из головы: полное и безоговорочное доверие писательнице, даже наперекор логике, поможет добраться до развязки. Только, не приведи Господь наш Джи, не надо занудствовать и спрашивать: «как» да «почему» – весь настрой пойдет насмарку.

Василий Владимировский

Английское слово *supernatural* знают, по-моему, буквально все, и переводят его традиционно: «сверхъестественный», а также «необычный, экстраординарный».

Но есть еще похожее слово, которое встречается гораздо реже: *preternatural*. Словарь приводит для него следующие значения: «ненормальный, необычный, неестественный; сверхъестественный; противоестественный».

Похоже на синонимы, но правда ли это они? Не совсем.

Preternatural происходит от латинского *praeter naturam*, где *praeter* может переводиться как «мимо, кроме, исключая, наряду, сверх, против, вопреки, превыше» (в английском этому соответствует *beyond*). То есть *praeter naturam* – что-то, находящееся вне привычных законов природы. Латинское же *super* – «наверху, поверх, вверху, над, выше, дальше, за пределами». Как будто имеются совпадения, но можно заметить, что в случае *super* преобладают варианты, где семантически фиксируется именно нахождение «выше», а не просто «вовне».

И поэтому *preternatural* – что-то, как будто противоречащее законам природы, однако не связанное с божественной силой, вмешательством свыше; что-то противоестественное. Например, если у человека необычайно развита интуиция, или он настолько талантлив в какой-то области, что это кажется абсолютно невероятным, мы имеем дело с *preternatural*. А *supernatural* – да, сверхъестественное; при этом в строгом смысле слова приписываемое именно божественной силе, в не слишком строгом – всем гипотетическим силам, которые находятся вне естественного порядка вещей.

Наталья Осояну

18 июня:

Ладно! Карта настоящая, но у меня всё равно осталось столько вопросов!

TheNewYorkerRu

Роберт Говард «Черный колосс» (рассказ)

Рассказ Роберта Говарда «Черный колосс», впервые опубликованный в журнале *Weird Tales* в 1933 году, занимает особое место в цикле о Конане-киммерийце. На первый взгляд, это классическое героическое фэнтези: злой колдун, древнее зло, соблазнительная принцесса и суровый варвар, который все проблемы решает мечом. Однако при более глубоком погружении текст повествует нам о природе власти, столкновении варварства и цивилизации, а также о бремени лидерства, которое Говард исследует через архетип «Конана-полководца».

Сюжет разворачивается в Хайборийскую эру в королевстве Хорайя, которому угрожает

вторжение из пустыни. Главный антагонист – колдун Наток, также известный как Черный Колосс, пробуждается от тысячелетнего сна и собирает орды кочевников, чтобы завоевать мир.

В это же время принцесса Ясмела, правительница Хорайи, обращается к древнему оракулу Митры, который предсказывает, что спасет ее королевство первый незнакомец, которого она встретит на тёмной пустынной улице столицы. Этим незнакомцем оказывается Конан, который просто шел из таверны. В отличие от многих других рассказов, где киммериец действует как одиночка, здесь он вынужден принять командование над регулярной армией цивилизованного государства.

Наток – не банальный злой волшебник. Это персонаж, словно сошедший со страниц лавкрафтианских мифов (Говард был другом и корреспондентом Лавкрафта, и их взаимное влияние здесь очевидно). Наток – колдун древней забытой расы, жившей еще до Лемурии и Атлантиды. Его описание подчеркивает чуждость и древность: темная фигура в доспехах, обладающая гипнотическим голосом и нечеловеческой жестокостью.

Говард утверждает, что цивилизация Хайбории прогнила, и только вливание свежей «варварской

крови» может спасти ее от разложения. Конан побеждает хитростью, выводя армию кочевников под палящее солнце и используя особенности ландшафта, что выдает в нем не просто рубаку, а прирожденного стратега.

Язык Говарда в этом рассказе звучен и поэтичен. Описания пустыни, древних гробниц и шепота мертвых народов создают уникальную атмосферу «меча и магии». Фирменный стиль автора – ровный, кинетический, переполненный яростью в батальных сценах, сменяется почти декадентской медлительностью в описаниях покоев Ясмелы или мрака склепа Натока.

Итог: «Черный колосс» – квинтэссенция жанра «меча и магии», которая, тем не менее, поднимается над бульварным чтивом благодаря философской подоплеке. Это рассказ о том, что дикость не тождественна глупости, а цивилизованность – добродетели. Говард создает мощный миф о герое, который берет власть не по праву рождения, а по праву силы, воли и разума, оставаясь при этом трагически чуждым миру, который он спасает. Для тех, кто желает понять феномен Конана не только как разрушителя, но и как созидателя, этот рассказ обязателен к прочтению.

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 116

Решил, что достаточно отдохнул от цикла, и вернулся в Меекханскую империю. Мы были на Севере и на Востоке, осталось посмотреть, чем живёт мир на Западе и Юге. В путь-дороженьку, леди и джентльмены!

**СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ.
ВОСТОК-ЗАПАД. Роберт М. Вегнер**

На границах империи беспокойно. Это мы поняли ещё из первой книги. Но оказалось, что беспокойно прям на всех границах империи. И даже за их пределами. Лютуют степняки, строят козни нелегализованные маги, да и всякое отребье демонического характера тоже норовит дать о себе знать. Но люди к этому как-то привыкли, и живут.

Южная часть посвящена жизни вольного чаардана, который гоняет вдоль границы и разматывает лихих людей. С первого взгляда кажется, что автор решил повторить Северную часть, только в южных условиях, но нет. Чаардан не регулярные погранцы. Чем-то эти ребята напоминают казаков, конные, полуразбойные, живущие ратным трудом – ну, чем не донцы или запорожцы? Да и лидер их не простой – великий полководец, фактически Будённый меекханского мира, который, даже после ухода из армии, с эмператором на ты. Что даёт больше простора для любопытных интриг и подковёрной возни.

Вторая часть классическая фэнтезятина про вора с понятиями о чести, который внезапно оказывается тесно связан с древним божеством битвы. Тут и храмовые интриги, и древние легенды о битвах богов, едва не уничтоживших планету, и плащи с кинжалами. Всё, как мы любим. Точнее, я эту блатную романтику не очень жалую. Как сказал Глеб Жеглов, вор должен сидеть в тюрьме. А не поражать читателя благородством.

По итогу, как и с прошлой книгой, первая часть понравилась больше второй. На мой вкус общая оценка по десятибалльной – семёрка. Однако это твердейшая эталонная семёрка из палаты мер и весов, а не то, что, ну, типа шесть совсем мало, пусть хоть так. Автор раздаёт классического фэн-

тези с эпическим размахом, ну и шут с ним, что иногда ударяется в пространные инфодампы, объясняющие всё и вся. Да и интригу не бросил, закрутил, и с линиями из прошлой книги связал, пусть и мельком, и в самом финале. Продолжать чтение буду, однозначно, но через месяцок-другой. Надеюсь, не забуду за это время.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

19 июня:

С детства все знают, что у Бабы Яги костяная нога. На основе этой особенности в науке сделаны разные и порой противоположные выводы: Яга – труп, Яга – змея и даже Яга – птица (*Назирова Р.Г. О мифологии и литературе. Уфа. 2010. С. 105*).

Надо сказать, что про ноги Яги сказка говорит нечасто. Более того, с великой легкостью и неприужденностью меняет их характеристику. Готовы?

Нога может быть просто тощей («жилистой» – *Шастина Е. Сказки и сказочники Лены-реки. 1975. С. 13*) или попросту голой (*там же, с. 105*).

Может быть похитрее: распоротой (*Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л. 1974. С. 138*).

А еще у Яги бывает протез. Как медведь из «Липовой ноги» и одноногий пират, Яга может красоваться деревянной ногой (*Шастина Е. Сказки и сказочники Лены-реки. 1975. С. 119*).

Протез может быть железным (*Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л. 1974. С. 138*).

И даже... золотым! (*Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. № 161*).

Представляете: Баба Яга, золотая нога. Очень гламурно.

Кроме необычной ноги у Яги много других особенностей. Правда, в основном не вполне изысканных. То морда глиняная (постоянно), то жопа глиняная (*Русские крестьяне. Т. 7. Ч. 2. СПб. 2009. С. 359*) или совсем нелитературное, зато яркое: «жопа жила, м... мылена» (*Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. СПб. 1909. № 8*).

А теперь попробуйте соединить все вместе.

И еще интересно, какой миф можно реконструировать на основе золотой ноги и глиняной жопы Яги? Затрудняюсь вообразить.

Антон Нелихов

Автобиография – вообще довольно интересный жанр.

Автобиографий фантастов я вообще мало встречал. Было бы весьма интересно почитать автобиографию Стругацких, Бредбери, Желязны или Шекли. Но увы, таких книг нет. Зато есть автобиография Гарри Гаррисона «Гаррисон! Гарри Гаррисон!»

Читается интересно, много любопытного про жизнь фантастов в середине 20-го века. Для меня было откровением (тут знающие люди меня осудят, но что делать), например, что Гаррисон вообще занимался комиксами, причем не только как автор, но и как иллюстратор. И еще то, что он 10 лет писал сюжеты для комиксов про Флеша Гордона. И интересно было про их дружбу с Брайаном Олдиссом. И вообще много чего прикольного. И даже про то, как он на «Роскон» ездил, есть.

Правда про последние годы жизни в книге мало – Гаррисон явно не успел привести в порядок все свои заметки, да и очевидно, что более старые времена он помнил лучше. В книгу еще добавили его некоторые эссе – в них есть интересное, но его меньше, чем в основном тексте.

Ну и в отличие от любой биографии – в автобиографии нет грустной последней главы.

Владимир Обручев

Искала малоизвестный, но задорный киберпанк типа «Электрической церкви» Соммерса – а нашла очень забавную штуку, «**Equations of life**» Саймона Мордена.

Н лет назад куча фундаменталистов устроила ядерный Армагеддон, в результате которого Япония ушла под воду, а Европа пострадала. Самуил Петрович, студент-математик из радиоактивного Петербурга, приехал в лондонскую Метрозону, чтобы изучать физику, но его прошлое намекает, что о бандитском мире студент физмата знает не меньше, чем о волновых уравнениях.

Он весело сквернословит, но у него слабое сердце – кардиостимулятор доживает последние деньки. Из-за случайного импульса он спасает девушку от похищения. Девушка оказывается дочерью могущественного главы якудзы, желающего воссоздать

виртуальную Японию на квантовом компе, а похищение организовано русской мафией, так что Петрович оказывается между молотом и наковальней в разборках двух крупных банд, от чего его спасает высоченная... монашка с пистолетом.

Петрович – настоящий обаяшка. Он одинаково уверенно чувствует себя на физмате и в компании бандитов. Он и гопник, и парень, мечтающий о Нобелевской премии за Теорию Всего, которую имеет все шансы получить. А еще ему нужно новое сердце. Но стоит ему разрулить ситуацию, дерзко просочившись между двумя лезвиями, как сверху падает ядро. А затем начинается Новый Машинный Джихад.

Не могу сказать, что это шедевр всех времен и народов, но это веселая и необычная штука с кучей русских ругательств, которые сложно расшифровать, а сюжет постоянно подкидывает эдакую батчеровскую ебанину вроде Годзиллы, причем Петрович встречает неприятности абсолютно невозмутимо. Это полная чушь, но симпатичная. По настроению больше всего похоже на «Византия сражается» Муркока про полковника Пятницкого (со скидкой на жанр). Ну и, ребята, это также роман о хакере, который потерял свое оборудование. Серьезно.

Жанна Пояркова

20 июня:

Иерусалим. Книга первая «Боро»

Алан Мур

Алан Мур – щедрая фигура для любого биографа. В свои 70+ он выглядит настоящим волшебником: ни дать ни взять добряк Хагрид, прямиком сошедший с экранизации Гарри Поттера в наш бренный мир.

Фигура колоритная настолько, что можно отдельным граням его таланта посвящать объёмистые статьи.

Традиционно Мура знают как автора комиксов. Так, например, и фантастовед Василий Владимировский в свой сборник «Картографы рая и ада» помещает статью «Алан Мур: Перпетуум-мобиле», где рассказывает про Мура – автора легенд типа «Хранители», «V – значит вендетта» и прочая и прочая.

Вот такая штука: сколько бы ни писали об Алане Муре, как бы дотошно ни разбирали каждый его стрип преданные фанаты и компетентные профессионалы вроде Гранта Моррисона, всегда остаётся что-то ещё – незамеченное и неохваченное. Его комиксы продолжают порождать новые интерпретации, продуцировать новые идеи, о которых сам автор, скорее всего, даже не задумывался. Настоящий перпетуум-мобиле: вечный двигатель, работающий сам по себе, вопреки первому и второму началам термодинамики, наперекор той самой «логике реального мира», – видимо, на одной чистой магии Алана Мура, дай ему бог здоровычка и денег побольше.

В. Владимировский «Алан Мур: Перпетуум-мобиле»

А ведь Мур, как поет Марина Хлебникова в старой песне моего детства, «художник, поэт и музы-

кант» (забавно, что когда я вбила в гугл этот набор «да ты поэт и художник, и музыкант», чтобы удостовериться в формулировке цитаты – ведь уж сколько лет минуло, гугловская нейронка мне выдала не текст песни, а признание «Да! Я такой!». Эх, молодежь! Не знаете корней, не стоите на скрепах, а все принимаете как подкат и на свой счет).

Поскольку в моем мире комиксов нет, Мур для меня сразу открылся с другой стороны – как автор романа «Иерусалим», название которого отсылает к неофициальному гимну Великобритании (слова к нему написаны поэтом Уильямом Блейком, а музыка – Хьюбертом Пэрри).

«Иерусалим» состоит из трёх книг, и первая, ставшая предметом наших очередных литературных обсуждений в прямом эфире, носит название небольшого района Берроуз (The Burroughs) в английском городе Нортхемптоне, где родился и вырос сам Алан Мур.

Давайте наведём общие мосты, чтобы хотя бы в начале пути стоять на одном понтоне, покуда наши дороги не разошлись: каждый в океане «Иерусалима» неизбежно поплывет в свою сторону.

Первая книга «Иерусалима» – дистиллированный образец романа в рассказах. Одиннадцать историй можно читать в любом порядке, более того – употреблять как самостоятельные произведения. Отчётливо вижу их журнальными цельными публикациями с законченной фабулой и своими вопросами. Однако от полной сепарации рассказов от пышного тела иерусалимого удерживают общие герои семейного клана в четыре колена: очередная история романа тщательно вплетает в общую фенечку нить предыдущих глав.

Помните, как začínал Толстой: каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Так и в мире «Иерусалима» каждому уготован свой демон

безумия: маленьких людей из Боро сводят с ума и горькие страницы мировой истории, и ослепительный свет, с которым ангелы поворачивают к ним лицо.

Может, и не стоит оно того вовсе? – Бросай все, и беги из Боро? Однако, автор искренне любит это место и рассказывает о нем в стольких подробностях, что город перестает быть простой суммой камней и деревьев, а получает нечто большее: страсть жить, волю решать, прихотливую память и домотканное полотно времени, из которого скроена целая вселенная.

Мур не романтизирует нищету своего района – дешевой романтики довольно и в сериалах, но и не гуляет по улочкам Боро в белом пальто. Если уж ему и суждено смеяться здесь, среди частых ужасов типичного рабочего класса, то каждый искрометный перелив его смеха будет полон до краев Радостью, Радостью, Радостью. Уж во всяком случае не ему вершить правосудие над улицей, которое обещано ангелом в первой истории Иерусалима.

Лирические пассажи Мура, как широкая река, уносят нас по памяти неказистых мест. Но у Мура никто не исчезает в водах навеки, стирая любые следы о себе, а макает в ресной аzur кисть с тем, чтобы провести еще одну черту на моментальном снимке времени, конкретизируя ушедшее и определяя грядущее.

И это точно, как в книге «Ветер в ивах»: бьющее через край восхищение жизнью, которая оркестрирует наш каждый новый миг, а на реверсе муровской и грэмовской медали не гомон симфонии, а трепещущий миг памяти, страх не вернуть детство и одновременно наоборот – неосторожно прикоснуться к едва различимым образам, разрушив что-то прекрасное.

Свобода выбора наша лишь в том, чтобы осознать это.

Для каждого персонажа Мур ищет собственный набор символов, слов и настроений: так труженица койки Марла, получившая имя в честь известного музыканта в отличие от многих других обитателей Боро, носивших имена своих старших родственников, не будет описана в тех же лексических и стилистических конструкциях, что и застоявшийся «публикующийся поэт», подозрительно смахивающий на Игнациуса Райлли из «Сговора остлопов».

Пожалуй, чтобы не скатываться в пересказ сюжета, за которым всякая простодыра прячет свое скудоумие, как заметил критик и писатель Дмитрий Бавильский, навешаю сюда несколько цитат из первой книги «Иерусалима» (да-да, то есть поступлю еще малодушнее):

– настоящий эксперт не только в том, как обьестся белены, но и вообще в пожизненном вегетарианском рационе из этого растения

– главной причиной беспокойства для него служит не то, что он свихнулся, а скорее тревожная вероятность, что нет

– Настроение окрасилось в оттенок, который не умел он назвать, ибо был он словно цвет, смешанный из многих ингредиентов: из страха и благоговения, из радостной надежды, но и печали, и дурных предчувствий, какие ему было неспособно объяснить или описать.

– Конечно, главным камнем преткновения в поиске работы было то, что он ее, собственно, и не искал, ну или не очень старался.

– В наши дни перед школами ставили цели – а вернее, устрашающие целевые показатели, – а не они сами стремились к ним.

– На деле, если не ошибаюсь, ты вовсе не желаешь умирать. Ты только не хочешь жить, потому

что жизнь тяжела и в ней не видно толку. А это разные вещи, голубка. И хорошенько думай, что говоришь. Одно исправить можно, а другое – нет.

– Всего раз откажись жрать поданное говно – и власть предержавшие приложат все силы, чтобы следующие восемьсот лет у тебя на столе дымилась свежая двойная добавка.

– Мик верил, что в жизни бывают моменты, когда единственный уместный ответ – совершенно неуместный.

Итого. Ребята, спорить о книгах уместно. Со-
кращать Мура – нет, читайте, кто еще не. Обычно любители Джойса и Пинчона плюются от Иерусалима, но я, видимо, к ним обоим через этот самый Иерусалим и приду.

Юлия Евдокимовская

Чёт вспомнилось.

Один за другим умирали генсеки, шли дожди, осины в Академгородке трепетали, как приговоренные к смерти. На пустых прилавках магазинов валялись детские соски и гондоны. Ничего больше. Исчезло мясо, исчез кофе. Вернувшись из отпуска (Москва, Пишунда, Свердловск), я не привез домой ни грамма жизненно необходимого напитка. А тут, беспартийного, меня вызвали в горком партии. Первый секретарь, назовем его Федором Ивановичем, еще весной сочинил некий путеводитель по Новосибирску. Редактором назначили меня, пришлось бесформенную массу материала приводить в порядок. Теперь уже вышла книжка и получилась она нетривиальная, полная чрезвычайно полезных сведений. Например, в ней указывалось, что в Новосибирске в сутках, как и в Москве, двадцать четыре часа.

Строгая правдивая книга.

Федору Ивановичу хотелось поощрить меня за отличную работу.

«Чаю? Кофе?» – спросил он, встретив меня.

«Конечно, кофе».

«Почему конечно?»

Я объяснил. «Вот, – объяснил, разведя руками, – исчез кофе из советских магазинов. Такова структура текущего момента. Совсем исчез. Гондоны и детские соски лежат, а кофе нет».

«То есть как это нет?» – насторожился Федор Иванович.

До него доходили слухи, что я еще тот тип, крученный-верченный, с темными пятнами в биографии, тайный антисоветчик, когда никто не видит, раскачиваю лодку, и все такое прочее, но по доброте партийной он не хотел этому верить. Все же из лукавого доброго человечка Федор Иванович на всякий случай превратился в строгого, отвечающего за счастье порученных ему людей секретаря горкома партии. «Кофе нет, – пробормотал он. Нехорошей нервной тревогой несло от его бормотания. – Как это кофе нет?»

И беспокойно нажал звонок.

Вошла секретарша, милейшая женщина с высокой грудью и широко расставленными ногами. Только глаза у нее были расставлены шире. Таковую в тонированном аквариуме держать.

«Что такое? У нас нет кофе?»

«Почему же? – ответила секретарша. – Любой!»

«И в зернах? И молотый? И растворимый одесский?»

«И в зернах. И молотый. И растворимый одесский», – ласково подтвердила секретарша, еще шире расставляя ноги.

«Сварите нам по чашечке, – распорядился Федор Иванович. – И принесите пару банок отдельно. В зернах. И растворимого».

И после того как кофе был выпит, а деловой разговор закончен, Федор Иванович молча подошел ко мне банки.

Он ничего не сказал.

Презент, я сам догадался.

И прочел в торжествующих глазах партийного секретаря: «У нас нет кофе! Ну на, выкуси, падла, антисоветчик сраный, видите ли, кофе у нас нет!»

Геннадий Прашкевич (Новосибирск). Малый бедкер по НФ (2002)

Василий Владимировский

22 июня:

Я для подкаста по Стивенсону перечитываю его тексты плюс поздние тексты читаю, и периодически впечатление, что он как-то плохо состарился. «Лавина», например, до сих пор, спустя многие годы, берет своей ядерной энергией и колоритными героями, это редкий случай, где детализация Стивенсона буквально все обогащает. Но сюжет у нее вполне соответствует нескрываемой пародийности текста.

Поэтому все запомнили метаверс, Хиро с мечом и лихих курьеров, рассекающих микросоударства, – и напрочь забыли всю эту чушь собачью про нам-шуб Энки. Какая же откровенная бредятина... И тема про метавирус, летающий на кометах, и все, что досталось тексту от теории бикамерального разума Джейнса, – это прямо что-то в духе позорной части про размножение из «Семиевия». Не, я люблю шумеров, но программирование мозга хакера бинарным кодом через глаза? Серьезно?

Еще память совершенно не сохранила очень смешную сцену секса между курьершей И.В. (УТ) и гарпунщиком Вороном. У меня есть целый реестр нелепых секс-сцен фантастов, но тут похотливая

школьница кончает от восторга сразу же, как гигантский мужик входит в нее.

Не то, чтобы И.В. не могла возжелать плохиша, она очень бодрая, хитрая и воинственная девушка, и не то, чтобы женщина не могла кончить даже и до того, как кто-то в нее вошел, если существует

эмоциональный накал, но сцена написана поистине уморительно.

Другая проблема вот в чем. Нил Стивенсон – это команда двух субличностей, которых я условно называю «отвязный создатель палпа» и «душный бубильщик». Иногда они сливаются, и тогда справки на разные темы воспринимаются задорно. Людям разного склада нравятся разные вещи, так что у вас может быть другое мнение. А вот конкретно мне очень нравится, когда Стивенсон наддает угара, а когда он вбрасывает свои справки про героев в духе в каком году отец героя получил своего второго ребенка, что не имеет ровно никакого значения, я начинаю кипеть.

Чтобы вы понимали, что я имею в виду, когда пишу «наддает угара». В первой главе «Синдрома отката» королева Нидерландов сажает свой самолет, но шасси самолёта врежется в стадо размножившихся диких кабанов, которые – спасаясь от огромного аллигатора и охотника-команча – высыпают на взлётную полосу. Ну как бы... Мое уважение. И вот в «Лавине» градус палпа такой же примерно.

А дальше начинается справочное бюро и что-то, во что мог бы превратиться роман Айн Рэнд, если бы из него выдавили весь пафос и фан. Это такой тип текстов, где автор просто обожает сообщать случайные факты в духе «а вы знали, что в Индонезии 1920 года катались на деревянных динозаврах?» или «прикинь, если поместить медведя в микроволновку, он взорвется!». Такое особенно любят дети (стадия чтения энциклопедий) и нейроотличные люди, у обычных же факте на пятом изначальный интерес и восторг без связующей нити сменяется усталостью. Ну вот Стивенсон периодически врубает этот чат-жпт-режим, это прямо невыносимо. Я не хочу читать поверхностную справку о вос-

стании в Индонезии или выработке серы, для этого есть более интересные нонфик-книги. Я хочу, чтобы стадо кабанов врезалось в долбаный самолет!

Жанна Пояркова

Йен Макдональд «Река богов»

Жанр: Киберпанк/»Твёрдая» научная фантастика
Оценка: 8/10

Йен Макдональд в своем opus magnum, романе «Река богов», смотрит на мир 2047 года глазами Индии – страны, раздираемой противоречиями между стремительным техно-капитализмом и древними традициями. Это масштабное исследование общества, технологий, политики и человеческой природы.

С первых страниц роман поражает своей сложностью и глубиной. Действие происходит в 2047 году, когда Индия отмечает столетие независимости. Однако страна переживает серьёзные трудности: нехватку воды, конфликты между регионами и стремительное развитие технологий. Центральное место в повествовании занимает река Ганг, которая становится не только географическим объектом, но и символом жизни, духовности и перемен. Именно вокруг проблемы воды и борьбы за ресурсы постепенно разворачиваются многие события книги.

Одной из главных особенностей романа является его многослойная структура. Автор рассказывает историю через судьбы множества персонажей: журналистов, политиков, учёных, полицейских, предпринимателей и даже искусственных интеллектов. На первый взгляд их жизни кажутся несвязанными, однако постепенно отдельные сюжетные линии переплетаются в единую картину будущего мира. Такой подход требует от нас внимательности, но делает произведение особенно реалистичным и масштабным.

Большое впечатление производит изображение технологий. В романе искусственный интеллект достиг высокого уровня развития и начинает выходить за рамки, установленные человеком. Макдональд поднимает важный вопрос: что произойдёт, если созданный людьми разум станет самостоятельным и независимым? Автор не даёт однозначных ответов, заставляя нас самостоятельно размышлять о границах научного прогресса и ответственности человечества за собственные изобретения.

Не менее важной темой является социальное неравенство. Несмотря на технологический скачок, общество будущего остаётся разделённым на богатых и бедных. Одни пользуются всеми достижениями науки, другие продолжают жить в тяжёлых условиях. Таким образом, роман показывает, что развитие технологий само по себе не решает социальных проблем. Напротив, без нравственного прогресса они могут стать ещё более заметными. Сразу вспоминается девиз киберпанка: «High tech, low life».

Художественный стиль автора заслуживает отдельного внимания. Макдональд создаёт яркую и необычную атмосферу, наполненную индийской культурой, религией и традициями. В отличие от многих произведений научной фантастики, действие которых разворачивается в западных странах, «Река богов» предлагает нам взглянуть на будущее через призму другой цивилизации. Благодаря этому мир романа выглядит свежим, оригинальным и убедительным.

Однако книгу нельзя назвать лёгкой для восприятия. Большое количество персонажей, сложная политическая ситуация и обилие новых терминов могут затруднить чтение. Иногда автор уделяет слишком много внимания деталям, из-за чего темп повествования замедляется. Тем не менее именно эта насыщенность делает роман глубоким и позволяет полностью погрузиться в созданный мир.

Итог: «Река богов» – это выдающееся произведение научной фантастики, которое сочетает увлекательный сюжет с серьёзными философскими и социальными вопросами. Роман заставляет задуматься о будущем человечества, роли технологий и последствиях наших решений. Несмотря на сложность, книга оставляет сильное впечатление и заслуживает внимания всех любителей интеллектуальной фантастики. Это произведение не только развлекает, но и побуждает размышлять о том, каким может стать мир через несколько десятилетий.

Алексей Севериан

Мария Покусаева «Месяц светит, мертвый едет»

Младшая дочь купца Кася в буквальном смысле жила свою лучшую жизнь – и дома все хорошо, и сестры умницы-красавицы, и родители здоровы, чего еще надо? – пока не вышло так, что на Святки

они с сестрами и подругами решили погадать на суженого. Гадание это вышло Касе боком: против собственной воли она привязала к себе парня по имени Богдан, который так в нее влюбился, что начал снова и снова приходить... даже после того, как умер.

«Месяц светит, мертвый едет» – славянское фэнтези, основанное в первую очередь на быличках, обычаях и верованиях славянских народов (привязки к какому-то конкретному региону нет, хотя по именам действующих лиц напрашивается что-то западное). Здесь как будто отсутствуют славянские боги, но на самом деле существует двоеверие: вот тут церкви, священники, обряды, молитвы, а вон там – стоит чуть-чуть в сторону шагнуть или просто приглядеться как следует – добрые и недобрые (в основном недобрые) соседи, ведьмы, колдуны и черти, с которыми лучше не иметь дело, если дорога твоя душа. При таком раскладе участь «избранной» – то есть той, кому достались сверхъестественные силы, волшебные помощники и т. д. – представляется весьма незавидным жребием; да чего уж там, настоящей катастрофой.

Это сказка (с определенного момента – стремительно темнеющая), но ни в коем случае не романс и не романтези; романтической линии как таковой в романе нет. «Месяц светит, мертвый едет» – история взросления наивной домашней девочки, ее превращения из прилагательного в существительное; в женщину, которая способна принимать решения и отвечать за последствия. Мотив, в общем-то, универсальный не только для жанровой прозы, но и для литературы в целом.

Скажу честно, начало романа далось тяжело, потому что, невзирая на предвестники грядущих неурядиц, оно вышло каким-то слишком уж светлым, беззаботным и наивным. Пряничным

и девичьим, если воспользоваться формулировкой из авторской аннотации. Кася показалась мне милой, но немного скучной, и неторопливость событий угнетала.

А потом случился «вот это поворот» (с пожаром), и темп событий многократно ускорился, одновременно начали раздвигаться границы некогда уютного мирка, да к тому же появилась чертовщина оптом и в розницу, и конкретно черт Демьян, который в этом романе бесспорная звезда. Он воистину черт: злой и хитрющий, полный опасного очарования. Сцены с его участием получились очень запоминающимися. Есть в романе и другие персонажи, люди и нелюди, включая одну эффектную даму, которую не назову по имени, чтобы не испортить эффект неожиданности. Но Демьян всё равно хорош, чертяка.

Бедная Кася, как подобает настоящей героине фэнтези и далеко не только фэнтези, проходит (с переменным успехом) многочисленные испытания, снова и снова что-то теряет, тоскует по прошлой жизни и родным, однако не останавливается на своем пути, потому что хочет исправить ошибку, совершенную из-за беспечности. Движет ею, как в романе говорится и прямо, и иносказательно, не любовь, а жалость к Богдану. Впрочем, вспомнилось мне одно старое стихотворение:

У нас говорят, что, мол любит и очень
Мол балует, холит, ревнует, лелеет
А помню, старуха соседка – короче,
Как встарь в деревнях говорила: жалеет.

(И. Снегова)

Так или иначе, жалость – сложное и, я бы сказала, недооцененное чувство; тем интереснее лично мне сюжет, в котором важность придается ему, а не очередному любовному треугольнику.

«Месяц светит, мертвый едет» – атмосферная, зимняя история, которая начинается неторопливо и легкомысленно, а потом приобретает черты темной, жестокой сказки, где все закончится хорошо, но совершенно не по формуле «жили они долго и счастливо». Конечно, любителям эпического размаха и боевой хореографии такое не подойдет; но те, кому по нраву камерные сюжеты, в которых процент сверхъестественного нарастает от 0 до 146, вполне могут попробовать.

Наталия Осояну

23 июня:

Ну что друзья, уже можно посмотреть, как Лев Абалкин стреляет из моего скорчера по моему ракопауку и садится в мой глайдер. Потом будет еще много интересного (и концепты конечно покажу, когда выйдет кино), но пока –

Тизер-трейлер сериала «Полдень», снятого по мотивам повести братьев Стругацких «Жук в муравейнике».

Режиссёр – Клим Козинский («13 клиническая», «Первый номер»).

В ролях:

Максим Матвеев (Лев Абалкин),

Юрий Колокольников (Максим Каммерер),

Юлия Снигирь (Майя),

Леонид Ярмольник (Рудольф Сикорски),

Наледи Никита Тау (Щекн)

и другие.

Алексей Андреев

Операция «Мёртвый мир»

Настоящий вызов для работающих над сериалом «Полдень» – показать на экране будущее, но чтобы города («столица планеты»!) выглядели

живыми, а не стерильными, представить жителей, живущих понятной жизнью в мире Полудня, а не так, словно они только-только покинули уютный инкубатор (и я не про Льва).

В кадре всё тревожно пустое, выхолощенное. Ещё и одежды эти одинаковые напоминают униформу или лабораторный халат – самое то, чтобы на улице с увлечением рассматривать голограммы драконов. Чем ж ещё в XXII веке (или XXIII уже?) заниматься?

При этом нужно как-то примирить советскую фантастику, по крайней мере, некую эстетику, которую ждут в сериале по мотивам классики АБС, и пост-советскую реальность, в которой сериал будут смотреть.

И не то чтобы «Жук в муравейнике» был целиком и полностью про утопию, мир, добро и дружбу. Но о каком эмоциональном накале, о каком конфликте между гуманизмом и безопасностью можно говорить, если уже в тизере нам преподносят всё как мрачную и однозначную антиутопию, в которой скоро станет ещё хуже?

Трансцендентные Странники (надеюсь, это не один из них там в кадре на Надежде, их же принципиально нельзя показывать) – вдруг «безумие, зло, страх, жестокость». Абалкина – сразу в расход: у нас тут, знаете ли, 200 лет преступлений не было, понятно почему.

Если всё плохо с самого начала, то как же проверять утопию на прочность? Как показать контраст?

Каких-то единоборств наваливают, Абалкин устрашающего вида скорчер раскладывает, квазикиноид рычит на черёхглазую и шестилапую сутулую собаку (тахорг?), спецэффект в виде ракопаука с Пандоры скачет вдруг по Надежде...

При этом местами взгляд выхватывает удачные образы, да и чувство новинки (эту повесть ранее киноделы не трогали) всё равно привлекает внимание.

Как мне кажется, минимализм сериала «Полдень» явно вдохновлён «Дюной» Дени Вильнёва. Правда, события книги Фрэнка Герберта отделены от нас тысячами космического феодализма, и это не мир, где хотелось бы жить и работать.

А кадры с Надежды напоминают «Прометей», тут есть и схожие образы. Например, поиски следов могущественной цивилизации, предположительно, вмешивавшейся в дела обитателей других миров. Правда, у Стругацких встреча напрямую так и не состоялась, а вот в космохорроре Ридли Скотта всё пошло в рамках жанра. Так себе ориентир.

Вообще, интересно наблюдать, как я легко прощаю искажения некоторым адаптациям и цепляюсь в других. Причём аргументация часто основывается на таких неосязаемых и непроверяемых вещах, как настроение, эстетика и личные впечатления от первоисточника. Пугающая избирательность. А так хочется быть объективным. Номо sum, как говорится.

Однако! Сериал «Полдень» я точно буду смотреть. Во-первых, мне действительно интересно. Во-вторых, вдруг это будет настолько не похоже на Стругацких, что даже хорошо само по себе.

Павел Сидоров

Не, простите меня, но это между плохо и очень плохо. В будущем все ходят, конечно, в белых балахонах повсюду. И живут среди идиотического сталинско-гитлеровского монументального ампира, но тоже белого и сверкающего. У Абалкина на руке расплзается черная хрень. А на что способны Странники, собственно говоря? И кто это – вот эти вот люди в балахонах и шлемах? В пейзаже, тоталь-

но лишенном полутонов, где нет вообще ничего человеческого, в отличие от текста АБС? С местами не очень хорошей компьютерной графикой? С характерами из жизни голубей и прочей тупой фауны? Не-не. И этой трейлер, представляю, какой ад будет в финальном продукте.

Николай Караев

24 июня:

Загребалы атакуют Вергилия и Данте, гравюра Гюстава Доре, 1861

С первых строк “Смерти Вергилия” Германа Броха понимаешь, что открыл Творение:

“Голубовато-серые, легкие, тихим, едва внятным встречным ветром гонимые, катились адриатические волны навстречу эскадре императора, когда та, медленно надвигаясь левым бортом на пологие холмы Калабрии, направлялась к порту Брундизию; и теперь, когда залитое солнцем и все

же тронутое дыханием смерти одиночество моря постепенно сменялось мирной радостью людской суеты. теперь вода стала гладкой, почти как зеркало; перламутровая раскрылась над нею раковина неба, вечерело, и порой чудился над водой дым костров. навеваемый с пастбищ вместе со звуками жизни на берегу: то звяк железа о наковальню, то крик.”

Вергилий при смерти. И откровенничает перед потомками; просит друзей сжечь поэму “Энеида”, сожалеет о днях, когда ставил красоту превыше человека. По мере устремления на тот свет, поэтом овладевает иррациональное, и различить явь с метафорой уже невозможно.

“<...> от «Этны» и до «Энеиды», она (поэзия) работала служила одной лишь красоте, самодовольно ограничившись украшательством давно уже задуманного, давно уже познанного, давно обретшего форму, без подлинного внутреннего продвижения вперед, преуспевая разве что в преизбытке роскоши, искусственность, никогда не умевшая своими силами укротить бытие и возвысить его до реального символа.”

Рядом с носилками Вергилия сидят император Октавиан, Плотий, Луций и «духи». Один из них, дама, воплощает аскетизм и очистительную гибель.

Выделю ряд особенностей в покрое романа:

01 Восемнадцать часов жизни Вергилия разделены на четыре части, каждая соответствует стихиям: вода, огонь, земля и эфир; а стихии – сюжету.

02 Монолог ведется от третьего лица, где поэт видит себя со стороны. Как в ночном кошмаре.

03 Бринкман сказал, что Брех подчинил язык закону музыкальной композиции. Пожалуй, так и есть. Поток сознания настолько гипотичен, преисполнен смешением шумов и голосов, рассужде-

нием, беседами, описаниями и воспоминаниями, цитатами, верлибрами, что походит на какофонию.

04 Предложения длиной в десяток-другой строк, пренебрежение абзацами и условность сюжета делают текст вызовом для читателя; наша цель – скорее почувствовать текст, чем понять его.

Впечатление утраивается, если вы видели угасание, смерть.

05 Брех ведет вневременной дискурс: культ вождя, податливая масса, поиск нового художественного метода, взаимосвязь языческого с христианского и проч. И полемизирует с другими модернистами, отчего текст схож с работами Джойса, Пруста, Манна, Юрсенар.

Зачем читать? «Смерть Вергилия» – один из лучших романов идей. Хотя и трудно оценить его после первого прочтения.

Григорий Конейкин

«Книжный клуб Фантастика», ККФ, выпустивший первую книгу в 2010 году, всегда был классическим малым издательством. Директор, бухгалтер, от одного до трех ответственных в разные годы, сотрудники онлайн и оффлайн магазинов, остальные – фрилансеры. Всего 600 с небольшим книг за 15 лет. Правда, любители петь дифирамбы «малым независимым издательствам» на моей памяти про ККФ не вспоминали ни разу: ~~рынок~~ прайсом не вышли, какая-то там фантастика, несерьезно. Меня, помню, это слегка заедало в свое время, но **Денису Лобанову**, основателю и бессменному директору издательства, было до лампочки. Его эти репутационные игры не слишком интересовали, он просто издавал то, что было интересно ему лично, в чем он знал толк.

В основном ККФ специализировался на «вахе», на книгах по «Вархаммеру 40К». Литература, мягко говоря, нишевая, за редким исключением лютый

треш, но со своим кругом горячих поклонников, готовых скупать всё подряд – это поддерживало издательство на плаву в тяжелые времена. Издавал Денис и **Роберта Сальваторе**, цикл про темного эльфа Дриста, в русских переводах Дзирта, печатал классиков D&D-литературы **Маргарет Уэйс** и **Трэйси Хикмэна**.

Но были и другие книги, разные. Немного манги. Немного супергеройских комиксов (например, «Веном»). Немного BD-комиксов, в том числе с иллюстрациями прекрасного рисовальщика **Оливье Ледруа**. До сих пор жалею, что не собрал полностью «Рыцаря-вампира» – он, правда, выходил безумно долго, первый том в 2016-м, четвертый – в 2024-м. Почти два десятка книг мэтра «новой космической оперы» **Питера Гамильтона**. НФ-трилогия **Энн Леки** «Империя Радч», собравшая «Хьюго», «Небьюлу» и кучу других крупных премий вплоть до японской «Сэйун». Постсингулярный цикл **Ханну Райаниemi** «Квантовый вор». Или вот серия **Джеймса Кори** «Пространство», положенная в основу одноименного сериала – ее тоже впервые на русском издал Денис Лобанов.

Всякое было. Уходя из «Азбуки», Лобанов перетащил в ККФ «Лучшую зарубежную научную фантастику», серию ежегодных антологий под редакцией **Гарднера Дозуа**. Это, наверное, самый авторитетный ежегодник за все время существования подобных антологий, попасть туда считалось у англо-американских фантастов не менее престижным, чем завоевать «Хьюго» или «Небьюлу». К сожалению, только пять томов (томин – 700 страниц увеличенного формата!) Денис успел выпустить, помешал, гхм, «человеческий фактор», проблемы с выпускающим редактором. Но каждая из этих книг – событие.

14 томов из запланированного собрания сочинений **Майкла Муркока** ККФ успел напечатать, прежде чем в 22-м году сотрудничество с правообладателями оборвалось. Причем не только развеселую фэнтезюху о Вечном Герое, но и первые три тома из масштабной постмодернистской эпопеи о полковнике Пятницком, такую рефлексию истории первой половины двадцатого века от лица в высшей степени «недостоверного рассказчика». В первом томе видно, что Муркок и «Хождение по мукам» читал, и «Тихий Дон», и «Белую гвардию», и кучу других книг русских классиков. Сильная штука, жаль, что четвертый роман, *The Vengeance of Rome*, так и не издан – и когда сможет выйти на русском непонятно, даже если правообладатель разрешит. Да, готовить это собрание Денису помогал редактор и консультант **Андрей Зильберштейн** (1979-2017), первые обложки рисовал **Антонин Каллас** (1966-2018), а последние книги вела как ответред Мегана, **Наталья Витько** (1977-2023). Такая вот невеселая книжная серия.

В общем, мне кажется, дико несправедливо, что огромный вклад крошечного издательства никто не заметил и не оценил за пределами круга любителей фантастики. Но жизнь она такая. Несправедливая. И кончается иногда слишком рано.

Василий Владимировский

Лукавый, но добродушный старик в зеленой шляпе, изображенный на картине Йозефа Мадленера – горный дух, вроде Рюбецаля из немецких и чешских преданий. Немецкий художник так и называл картину, *Der Berggeist*.

Чем она любопытна? Именно открытка с репродукцией этой картины повлияла на образ мага Гэндальфа в мире Средиземья. Стала для него отправной точкой.

Сам Дж.Р.Р. Толкин написал на конверте, в котором хранил открытку – ‘Origin of Gandalf’. То есть происхождение Гэндальфа, прямое указание на то, откуда взялся персонаж.

Причем Толкин считал, что привез открытку еще из юношеского похода по Швейцарии в 1911 году. Эту версию воспроизводит и первый биограф Толкина, Хамфри Карпентер.

Только вот Йозеф Мадленер написал своего «Горного духа» не раньше 1920-х. По крайней мере, так утверждает дочь художника.

Так что, скорее всего, в памяти Толкина переплелись события разных лет. Но старик в зеленой шляпе, ласково глядящий белую лань – точно прототип Гэндальфа (а, может, и его коллеги Радагаста Бурого, особенно любящего зверей).

Фёдор Панфилов

Смутно помню, как в мою тележную ленту пробрался **Шимун Врочек**, ведь на момент подписки, восстановить который не так и трудно, я не читала его сочинения. И, вроде как по сумме вводных решила, что вряд ли они меня зацепят (хотя зарекалась в чтении – последнее дело: удивить [меня] вообще не сложно).

Видимо, по блогу писателя щелкнуло, что мы из одной песочницы: например, его посты-истории про Фредди Меркьюри или Адриано Челентано, по понятным причинам, одни из моих любимых. А значит, мой внутренний хомяк сложил все в нору со стикером «разобраться позже».

Или вот снова полистала его ленту – наткнулась на заметку про Чака Норриса. А ведь мы буквально на днях играли с детьми в импостера, и старший к загаданному слову «Чак-чак» выдал ассоциацию «Норис», отчего я сразу исключила ассоциатора из списка самозванцев. Впрочем, к сожалению, повод для заметки о Норисе был таков, что тогда каждый второй что-то да написал.

И тем не менее.

Скока можно делать вид, что мы незнакомы, решаю я, и беру наугад один из рассказов Шимуна нашего Врочека.

А рассказ называется «Урот».

И писан Урот так, что читателей некрепких духом это сразу задевает за живое: хрестоматийный пример отзывов к «Цветам для Элджернона» еще не остыл, как говорится. Ашипка на ашипки и сами уроты вотщимта, а я дыртыньян зпалкый.

И, вроде, рассказик такой кроха, что и подавиться им трудно, да только ком в горле остается. Ну, оно и понятно: анекдот про старину Хэма, на спор выдавшего несколько слов о неношенных ботиночках как факт самого короткого рассказа, никто не отменял. То есть при желании и в паре страниц можно развернуться нешуточно: и нерв ущипнуть, и хохотнуть, и страху нагнать – в зависимости от писательских амбиций и правил игрового поля.

Так вот зачем читать про этого самого урота, учитывая, например, что заявленный среди тэгов юмор здесь вообще стоит в сторонке и смотрит на все происходящее широко раскрытыми грустными глазами?

Читать, если снова хочешь задаться вопросом, что такое человек. И человек ли нечеловек? И где грань, за которой одно отторгает другое, и что в самом деле является мерилем той суммы качеств, которыми мы наделяем настоящего, прощающего, верящего в любовь и, самое главное, – в другого Человека.

А впрочем, только для этого и стоит читать. Только это ищем. Человеку нужен человек. И никак иначе.

Пысы

Справка для общего понимания: Шимун Врочек – представитель «цветной» (шестой) волны русской фантастики, как бы эти самые авторы не отрицали такой категоризации. Но простому смертному всегда в каких-то рамках проще ориентироваться. Кто там ещё есть? Отсюда же, в цветноволновский замес попала К.А.Терина (ее книга «Все мои птицы»

сумасшедше прекрасна – напишу отдельно, как дочитаю), а одна дама, широко известная в узких фантастических кругах, отхватившая в свое время и Бронзовую улитку и РосКон, и вообще моя коллега [по биологическим изысканиям]. Так что все мы связаны одной цепью...

Юлия Евдокимовская

25 июня:

1. В трилогии Аркадия и Бориса Стругацких про Максима Каммерера всего один сквозной герой – собственно, сам Каммерер. В «Обитаемом острове» он (далее идут сплошные спойлеры, так что, если книжек не читали, но собираетесь, бросайте немедленно этот текст и беритесь за трилогию) робинзон на планете Саракш, гвардеец, террорист, каторжник и так далее, в «Жуке в муравейнике» – сотрудник Комкона-2 (контрразведка Земли), в повести «Волны гасят ветер» – высокопоставленный сотрудник Комкона-2.

Некоторые персонажи упоминаются в каждой книге, но появляются максимум в двух. Как, например, Рудольф Сикорски – в первой повести (где он, впрочем, просто Странник) главный враг и мишень Каммерера, во второй его непосредственный начальник, а в третьей – лишь предмет заочных досадливых обсуждений.

Майя Глумова во второй книге детская любовь затравленного прогрессора Льва Абалкина, а в третьей – мать бывшего прогрессора, далее инспектора Комкона-2, а потом людена Тойво Глумова, впервые появляется во Вселенной Стругацких гораздо раньше, в повести «Малыш», где из девичьего максимализма гробит масштабный проект человечества, способный вывести на контакт с таинственной сверхцивилизацией – но сами Стругацкие

признавали переброску героини авторской прихотью, никак на сюжет не влияющей.

А некоторые важные для Каммерера герои не выходят за пределы одной книги – в том числе милая Рада Гаал, влюбленности которой Максим не разделяет, но заботу о которой считает своим долгом. Последний раз Рада упоминается в конце «Обитаемого острова» в диалоге, собственно, превращающем Странника-Рудольфа (в журнальной версии вообще Павла Григорьевича) из врага в начальника Каммерера:

«– Сегодня вы отправитесь на Землю! – повысив голос, повторил Странник. – На этой планете у меня хватает забот и без вас. Забирайте свою Радугу и отправляйтесь...»

– Рада у вас? – быстро спросил Максим.

– Да. Давно у меня. Жива и здорова, не беспокойтесь.

– За Радугу – спасибо, – сказал Максим. – Большое спасибо...»

Дальнейшая судьба Радуги неизвестна – по крайней мере, в рамках книг. Киношники решили это исправить.

2. Сериал Клима Козинского «Полдень», трейлер которого стал поводом для многочисленных страданий просвещенной общественности – экранизация «Жука в муравейнике». Соответственно, он еще и продолжение двухчастевой экранизации «Обитаемого острова». Вслух об этом создатели сериала не говорят – очевидно, из нежелания распространить на свое детище так себе память о фильме Федора Бондарчука. Но даже небольшой трейлер демонстрирует единство подхода и эстетики. Брюнет Каммерер опять белокурая бестия, коммунаское ниндзюцу субакс опять выполнено в стилистике кунфу на валиуме, и даже персонаж, сыгранный

режиссером фильма, перенесен в сериал с куаферской дотошностью.

При этом Каммерера вместо Василия Степанова играет Юрий Колокольников, а Сикорски вместо Алексея Серебрякова – Леонид Ярмольник.

3. Майю Глузову играет Юлия Снегирь. Та самая, что играла Радугу Гаал.

Такое совпадение не могло быть случайностью.

Стало быть, Мак все-таки увез Радугу на Землю – а сам вернулся на Саракш спасать население Страны Отцов и внедряться в Островную империю. А Рада тем временем внедрилась в цивилизацию Земли, сорвала масштабный проект человечества, способный вывести на контакт с таинственной сверхцивилизацией, довела до самоубийственного срыва посланца этой сверхцивилизации, а потом стала одной из зачинательниц сверхцивилизации, оставившей за бортом прежнее человечество. (В эту концепцию не вписывается детская дружба Глузовой с Абалкиным, но мы многого не знаем о способностях уроженцев Саракша и российских кинематографистов.)

«– За Радугу – спасибо, – сказал Максим. – Большое спасибо...»

Шамиль Идиатуллин

Обычный сказочный сюжет: старый царь отправляет сыновей за молодильными яблоками или живой водой.

Как обычно, интересны нюансы и мелкие детали в разных вариантах. К примеру, в одном варианте царю вначале приснился игривый сон: целебная вода течет с рук и ног девицы, живущей за тридевять земель, и кто глотнет этой водицы, тот сразу на тридцать лет помолодеет.

Царь рассказал сыновьям про сон, они согласились, что сон наверняка вещий, и отправились

добывать водичку, текущую с ножек красавицы-девицы. Один разыскал девицу, воду собрал. Еще и спящую, кстати, изнасиловал. Она его потом убила, но царевич оказался настолько красив, что она пожалела о содеянном и оживила его своей целебной водой. С руки, если что.

Но вообще жаль, что Тарантино не читал эту сказку под номером 173 в собрании сказок А.Н. Афанасьева, а то наверняка получился бы неплохой фильм...

Антон Нелихов

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 117

Как-то я пропустил тот момент, когда Пелевин упоролся в сериал по Трансгуманизму. Не, про сам сериал я знал, и даже читал из него некоторые вещи. В Атомике мы с коллегами даже отсылку на него сделали, про «банкиров в банке». Но как-то не задумывался я, что все последние книги Виктора Олеговича об одном. Но, раз ввязался, надо бы доесть.

КРУТЬ. Виктор Пелевин

Так-то, конечно, мастерство не пропьешь, и даже, наверное, грибами не прожрёшь. Мало кому пришла бы в голову идея совместить тюремную субкультуру не просто с антиутопией будущего, а с космогонией, религией и противостоянием добра и зла. Пелевину пришла, и реализовал он её вполне в своём духе.

В мире будущего в тюремной иерархии правят петухи, т.к. из-за подавления мужской агрессии именно они остались самыми злыми и жёсткими. Противостоят им куры-заточницы, матриархальные накачанные тётки, этакие паханы своего времени. Автор тут разошёлся и придумал целый пласт новой субкультуры, исходя из насаждённых реальностей: всякие петушиные шпоры, нейрострапоны,

и прочие цугундеры. Намотал их на новую баночную реальность, и заставил сибирских зеков КРУТИТЬ педали велосипедов, чтобы майнить крипту для продажного тюремного начальства.

Вот это грибы у автора, скажет неискушённый читатель. И будет прав, хотя про грибы-то и разговора ещё не было. В книге нас ждёт ад, который суть царство динозавров, Иисус, который суть астероид их уничтоживший и сам дьявольский царь-петух-тираннозавр... Ахилл. Да, тот самый. Да, мужик с пяткой. Да... да откуда я знаю, чего вы прикопались?!

Всё это дело щедро сдобрено философией в пелевинском духе. Одна беда, то ли из-за ленности, то ли в духе времени, автор подаёт всю подноготную мира в духе условной Википедии. Даже специальную технологию для этого придумал. Из-за этого, на мой вкус, проседает и без того вялая динамика, и ощущение складывается, что без сносок уместился бы роман в большой рассказ. Ну, в повестушку, на крайняк.

По итогу я даже не очень понял, понравилось мне или нет. Постмодернистские игрища баночного цикла мне слегка наскучили, хотя и не скажу, что читал совсем без интереса. Финальный твист я разгадал раньше главного героя, а так, на мой взгляд, быть не должно, учитывая, что герой – след-оперативник, элита баночного сыска. Для себя маркером вывел следующее – хочется ли тебе, Олег, читать продолжение Трансгуманизма? И сам же ответил: что мы говорим богу-тираннозавру? (не ешь меня тупая курица! аАаАаа памагити! зачёркнуто) Мы говорим – не сегодня. И даже не через месяц. Не скоро короче.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

27 июня:

Синдром отката – Нил Стивенсон

«Синдром отката» какой-то невероятно раздражающий. С одной стороны, Стивенсон берет крутейшую актуальную тему, где потенциально все интересно. Это ближайшее будущее, где игнорировать потепление уже невозможно, Нидерланды и Венеция понемногу тонут, Хьюстон заливают, ураганы наносят огромный ущерб США, злобные муравьи мигрируют с юга в уютные городишки, сжирая все на своем пути, и основная проблема в том, что никто ни с кем не способен договориться.

С другой стороны, КАК он с этим работает. А работает он с этим после феерической главы про диких свиней ужасно душно и с уклоном в безжизненный и прыгающий со справки на справку текст усталого айтишника с придонным либертарианским привкусом. Это как брести по пустыне.

Сюжет, грубо говоря, такой – очередной неконтролируемый миллиардер решает просто взять и постоянно, мощно бомбардировать стратосферу серой, имитируя извержение вулкана, со своего участка в пустынном Техасе. Это должно понизить температуру, ведь с вулканами это работает. Делает он это потому, что его беспокоит, что недвижимость в Хьюстоне уходит под воду, он теряет миллиарды ежегодно. Поэтому он пытается заручиться поддержкой стран и областей под угрозой затопления. Эта геоинженерия грозит Индии и ряду других стран, т.к. влияет на муссоны и влечет за собой голод, так что Индия отправляет к нему отряд убийц и саботажников (поэтому вам всю книгу рассказывали про сикха). Но бизнесмену все нипочем, они с низложенной королевой Нидерландов и другими героями уходят в закат. Все. В книге нет внятного

развития, концовка не соответствует весу заявленных проблем.

Чтобы вы понимали – только на 40% (!!!) 800-страничной книги бизнесмен окончательно раскрывает свой план бомбардировать серой атмосферу. Стивенсон выписывает, как тот упивается звуком собственной речи. Реально, сетап занимает почти половину книги. Все остальное занимают лирические технические вставки и рауты, где Важные Люди общаются плюс, конечно, главы от лица героев, которые ни на что в конечном счете не влияют (вся свита королев). Зачем туда вставлены метания о том, кому с кем переспать, я вообще не понимаю. Видимо, Стивенсон думает, что это помогает углубить характеры (нет).

Конечно, Стивенсон не был бы собой, если бы не вбросил пару-тройку прикольных вещей вроде истории про Линию фактического контроля или проект MOSE. Граница между Китаем и Индией имеет спорные участки, и есть линия фактического контроля, по которой государства реально контролируют территорию. После индо-китайской войны линия прекращения огня и закрепилась как фактический рубеж. Там действует договоренность не применять огнестрел, чтобы не спровоцировать войну. И Стивенсон это доводит до абсурда, когда индийские и китайские добровольцы выясняют там отношения с помощью боевых искусств и дубинок, а приезжий сикх становится звездой.

Но в целом... Для климатической фантастики книга несет слишком смешанный посыл в духе «ну пусть уже хоть кто-нибудь что-нибудь сломает, а там разберемся». Стивенсон пишет, что сера поможет выиграть немного времени, но рост уровня CO2 никак не поменяет, он будет расти, океан – закисляться, а когда сера закончится, наступит «синдром отката» – и потепление вернется со всей отложенной

силой сразу, усугубив проблемы и вызвав огромное количество жертв. Для либертарианской фантастики книга слишком анемична и многословна. Для нф в целом тут не хватает перспективы. Для боевика тут мало экшна. Для неформата тут нет души.

Жанна Пояркова

Если книжка должна найтись, она найдется. Кир Булычев как-то писал о том, как наткнулся на американский НФ-журнал с нужным ему рассказом Джудит Меррил у пригородной станции – торговала этим журналом какая-то странная женщина; обычно американскими НФ-журналам там не торговали, но конкретно этот был нужен Булычеву – и он у него оказался. У меня такое было реально много раз, как, например, в том девяносто каком-то, когда у мужика на рынке, делавшего нехитрый бизнес на российской фантастике, среди Лаумеров и Ван Вогтов затесалась только что переизданная диссертация Ю. К. Щуцкого про «И Цзин», и мужик решительно не знал, что с ней делать, и продал мне за пятерку, то есть вдвое дешевле любой фантасти-

ки. Или как у другого мужика на том же рынке появилось издание «Хроник Эмбера», книги с шестой по девятую, первое издание на русском (серия «Зарубежная фантастика» кишиневского издательства «Эя», № 15/2), и мужик тоже отдал ее за бесценок, решив, что она бракованная – десятого романа-то и нет, девятый как-то обрывается на полуслове.

Ну, в общем. Я уже и не чаял найти первую трилогию Уильяма Гибсона в «Больших книгах», везде ее купили, Рига предлагала за 100 евро. Сегодня пошел забирать вторую трилогию в один книжный, а рядом другой, а в нем – стоит первая трилогия, да не в одном экземпляре. Ну и по мелочи всякое – тоже кармическое, но об этом в другой раз.

Николай Караев

Запишу для себя, чтоб не забыть. Мне всегда не давал покоя вопрос: а почему, собственно, земляне в «Жуке в муравейнике» братьев Стругацких до тяжелой obsessions боятся этих самых гипотетических прогрессоров гипотетических Странников? С чего бы? Где логика, брат? Ведь земные наблюдатели и земные прогрессоры плыли, в смысле летели на иные планеты не за рабами и пряностями, а исключительно из альтруистических соображений: чтобы помочь, спасти, дать свободу угнетенным, сделать мир лучше. Арканар, Саракш, Гиганда, Надежда, далее везде. Часто получалось ниочинь («было видно, где он шел»), но это, что называется, эксцесс исполнителя. Неужели гипотетические Странники дурнее коммунаров-землян? Завалят трупами устье Голубой Змеи? Ежели по уму, Сикорски с Каммерером должны вокруг Абалкина плясать вприсядку и ловить каждое его слово – это же персонаж, который, возможно, знает рецепт изменения человечества к лучшему, натуральный агент будущего. А не травить, отслеживать и убивать.

Объяснение вижу только одно: непомерная самовлюбленность хомо сапиенса сапиенса эпохи зрелого Полудня. Ни на чем не основанная уверенность, что человечество достигло пика прогресса и улучшать больше нечего. Может, какие-то неровности подрихтовать и протереть бархоткой до полного блеска, но что-то в корне менять – зачем?! И так прекрасно. Неприятное свойство утопического мышления, да. Мысль о том, что представители какой-то сверх-сверхцивилизации могут смотреть на этих вот умных, веселых, добрых и человеческих ребят так же, как Антон-Румата смотрит на граждан свободного Арканара, жгущих ведьм и топящих книжников в нужниках, для самолюбия невыносима. Надо это безобразие пресечь любой ценой!

Тема, кстати, получила развитие в финальной повести «полуденного» цикла, **«Волны гасят ветер»**. Помните «шок от Большого Откровения», когда внезапно выяснилось, что человек – не пуп земли, не вершина пищевой цепочки, а переходное звено на пути к чему-то большему? Казалось бы: ну, не финальная стадия эволюции, и что? Живи в своем муравейнике, паси тлю, собирай гусениц, возделывай свой сад, все дела. Ничего же не изменилось по факту, не лезут «людены» в человечьи дела, это не обезьяна с гранатой Мак Сим с динамитной пашкой. Но нет: шок, фрустрация, разочарование, потеря смысла жизни, видимо, массовый суицид. Очень тяжело переживает человечество подтверждение своего несовершенства. Невыносимый щелчок по носу.

Ну и еще один нюанс, более очевидный, у Стругацких это буквально на поверхности, не раз встречал похожую интерпретацию. Смотрите: если Лев Абалкин – прогрессор гипотетических Странников (или даже инструмент прогрессоров Странников), тезис «мы не знаем, чего он хочет» не работает. Со-

всем. Знаем мы, чего он хочет, с предельной четкостью – по аналогии. Принести прогресс на отсталую планету Земля. Улучшить жизнь людей Мира Полудня. Разрешить проблемы, которые коммунары, возможно, сами не замечают в силу своей близорукости – как не замечают свои проблемы граждане Страны Отцов. Спасти всех, функция у него такая. Методы могут быть сомнительными, цель – очевидна. И когда Сикорски стреляет во Льва, он по сути убивает Спасителя. Сын Человеческий Абалкин, зачатый, напомним, непорочно при участии высших существ, умер за наши грехи на пороге Музея внеземных культур. И тогда Майя Тойвовна Глумова, Жена-мироносица, закричала.

А теперь поспорьте еще раз, прав или не прав Нэнттий Нилат Рудольф Сикорски. Будет забавно.)))

Василий Владимировский

29 июня:

Николас Имс «Кровавая Роза»

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 8/10

«Короли Жуты» произвели на меня очень хорошее впечатление, и я с удовольствием взялся за продолжение.

Самая известная банда наёмников «Сага» ушла на покой. Причем ушла на очень впечатляющей ноте, разгромив Орду у стен Кастии. На смену «Саге» пришли новые герои: дочь Золотого Гэба, Кровавая Роза, со своей бандой «Сказ».

Действие романа происходит в довольно типичном фэнтезийном мире, за исключением того, что наёмников, убивающих монстров за деньги, превозносят, как наших рок-звёзд. Они собираются в банды, выполняют заказы, а по приезду в город устраивают представления на специальных

аренах. Горожане встречают наёмников овациями и бросают им под ноги цветы. Почти у каждого подростка на стене висит плакат с изображением любимой банды. После битвы при Кастии и поражения Листопада прошло 6 лет. За это время изменились сами банды – наёмников всё меньше интересуют реальные заказы. Гораздо проще драться на арене, где монстры зачастую ослабевшие от голода и различных ядов.

По своей сути первый и второй романы очень разные, а объединяет их лишь удалая банда в центре сюжета. Героям «Королей Жути» уже 40-50 лет, и за счёт этого повествование получилось более рассудительным. В «Кровавой Розе» мы видим новое молодое поколение наёмников, готовых побороться за своё место под солнцем. Все события мы видим глазами главной героини Тэм Хашфорд – с недавнего времени нового барда «Сказа». Она фанат наёмников, знает все банды, всегда мечтала стать одной из них, но её отец, сам бывший наёмник, был резко против. И когда Тэм выпадает шанс стать хотя бы простым бардом, она не смогла его упустить, несмотря на запреты отца.

Банду «Сказ» возглавляет легендарная Кровавая Роза – дочь ещё более легендарного Золотого Гэба. Именно её в первом романе спасали герои «Саги». «Сказ» отправляется на своё последнее, самое выгодное дело. Если им удастся его повернуть, то наёмники будут обеспечены до конца своих дней и покроют себя неувядающей славой. Все же остальные банды отправляются на эпичную битву с полчищами монстров. Однако «Сказ» на этот подвиг решительно не собирается. Для Розы заказ важнее, чем возможность проявить себя в битве с новой Ордой. Внимание читателей вновь и вновь возвращается к этому воинству монстров, и становится понятно, что «Сказу» не удастся избежать этой встречи.

Чем ближе «Сказ» подбирается к цели заказа, тем лучше становится видно, что дело это совсем не чисто. Наёмникам придётся убить кошмарную Драконоглодку. Битва получилась довольно эпичной, но основные сюрпризы начались уже после убийства монстра – заказчица оказалась совсем не так проста, как кажется. По округе давно ходили слухи о разбушевавшемся некроманте, и последнее дело «Сказа» запускает цепочку событий, которая приведёт наёмников к армии монстров, упомянутых ранее.

Тут начинается вторая половина романа. События резко ускоряют свой темп, локации сменяют друг друга, и битвам нет числа. Мы встречаем персонажей как из первой части книги, так и из «Королей Жути». В первом романе Клэй Купер и Золотой Гэб постепенно собирают команду, тем самым давая нам возможность как следует познакомиться с героями. «Сказ» же уже полностью укомплектован, и с его бойцами мы будем знакомиться через сюжет. Новый бард, Тэм Хашфорд, молода, энергична, смела, хорошо поёт, играет на лютне и стреляет из лука. Её родители когда-то были в банде, но отец ушел на покой после трагической гибели матери. Возглавляет «Сказ» суровая воительница Кровавая Роза. Она ненавидит, когда её сравнивают с отцом, и всячески старается его превзойти. Позже выясняется, что у Розы есть проблемы с храбростью, и ей сложно выйти на битву без определённого допинга. В банду также входит возлюбленный Розы – друин Вольное Облако. Это непревзойдённый воин, способный, как и все друины, видеть ближайшее будущее. К концу романа Вольное Облако так и остался самым таинственным членом банды. О его прошлом мы знаем лишь то, что он в ссоре со своим могущественным отцом. Чернильная чародейка Кьюра умеет оживлять собственные татуировки,

превращая их в смертоносных монстров. Она гармонично раскрывается по ходу сюжета. Магия Кьюры уникальна, а судьба трагична. Брюн – шаман, способный превращаться в гигантского зверя. Однако его проблема заключается в том, что в форме зверя Брюн теряет самоконтроль. Для решения этой проблемы шаману предстоит встретиться со своим отцом, который изгнал его из племени и обещал при встрече убить. Брюн должен разгадать семейную тайну и разобраться в самом себе. Посредником «Сказа» является сатир Родерик. Сатиру очень нелегко жить среди людей, поэтому он вынужден скрывать своё происхождение. Ведёт же он себя как типичный сатир: много пьёт, бегаёт за женщинами, шутит на публике и грустит в одиночестве. Этот персонаж очень важен для понимания будущего мира, созданного Николасом Имсом.

Финал романа вывернул все наши предыдущие выводы, предлагая взглянуть на них под другим углом. Автор заставляет нас задуматься над вопросом «Что же представляют собой монстры?». Через ряд эпизодов Николас Имс показывает, что у монстров всё это время была своя правда. Примирить людей и монстров очень непросто, поэтому нужен общий враг. Это, конечно же, не решит всех проблем, но хотя бы даст надежду на мирное сосуществование.

Итог: В первую очередь, роман мне понравился яркими запоминающимися героями. Плюс к этому, Николас Имс по-прежнему успешно играет с читательскими ожиданиями – весьма сложно предсказать, что будет дальше. Главный злодей прописан лучше, чем Листопад. Не понравилось, что юмора стало меньше, а сами шутки менее удачны. Ну и отдельный минус для меня – это заигрывание с западной аудиторией, а именно немалое ко-

личество героев нетрадиционной ориентации. Тем не менее с удовольствием прочитаю продолжение.

Алексей Севериан

Иногда я сама не понимаю, почему так получается. В первый раз я читала «Град обреченный» и «Хромую судьбу» братьев Стругацких подряд, в одно время, в одном возрасте. И оба романа произвели на меня очень сильное впечатление. Но почему-то «Хромую судьбу» я перечитывала потом много раз, а «Град обречённый» – ни одного».

Нет, я не знаю почему.

Надо бы, наверное, перечитать.

А ещё была в моей жизни история, немножко связанная с Борисом Стругацким. Вернее, не совсем связанная. На одном литературном конкурсе для подростков он был в жюри и я мечтала получить диплом с его подписью. Чудо произошло – диплом я получила. А другое чудо – нет. Его подписи в дипломах не было.

Екатерина Каретникова

«Репродуктор(ы)» Дмитрий Захаров

«Репродуктор(ы)», впервые опубликованные ещё в 2015 году, спустя 11 лет, и некоторое авторское переосмысление, кажется, только больше настоялись и укрепились в своей вневременности (как и большинство романов Дмитрия, да). Герои «Репродуктор(ов)» – приспособленцы, они живут в стране победившей пропаганды, где окружающий мир – это то, что в тебя вговаривают, а не то, что ты видишь собственными глазами.

Книжку предваряет прекрасная цитата из Гаричева: *мы не уехали так давно, что уже сложно вспомнить куда*. Они действительно не пытались уехать. И говорить о причинах такого выбора с каждым годом всё сложнее – Репродуктор, гигантская

система вещания, подменяет реальный мир своего слушателя информационным суррогатом из псевдоновостных сводок, выкриков тв-ведущих, истерично вдалбливающих своё мировоззрение слушателям. Репродуктор – не просто метафора токсичных СМИ, это более могущественная система, она определяет границы не только действий человека, но и даже мысли.

Способы выживания внутри режима с закрутившимися гайками – то, что олицетворяют герои «Репродуктор(ов)». Троица подобралась из довольно узнаваемых типажей: человек сомневающийся, ничего плохого (но и ничего хорошего) не делающий, человек ничего толком не понимающий, но умеющий в эмпатию, человек всё понимающий и прагматично подходящий к сотрудничеству с системой угнетения сознания.

Что важно, у Захарова нет цели описать реальность и кокетливо прикрыть это первой попавшейся метафорой. Да, Репродуктор(ы) – роман, исследующий механизмы подавления личности и психологическую адаптацию внутри тоталитарного/авторитарного/какого-то другого угнетающего сознания и волю человека, режима. При этом мир, который создал автор – не калька с какой-то существующей страны, там есть свои законы, терминология, географические объекты, которым можно не пытаться искать достоверно точный прототип. Наверное, писательство и должно отличаться от описательства, и как мне кажется, Дмитрий Захаров это понимает лучше многих.

В романе, например, есть любопытнейшая линия с медведями. Они умеют разговаривать, работать, думать (привет антропоморфному платоновскому молотобойцу) и являются полноценной частью общества. В зависимости от политического курса – подвергаются то гонениям, то наоборот –

становятся символом, которому нужно отдать уважение. Медведи – это такой вид, отношение к которому меняется по чьей-то указке. И здесь можно задуматься обо всех тех дискриминируемых группах или даже нациях, которые переживали жестокое обращение в связи со сменой политического курса. Отношение к медведю – как индикатор состояния общества в данный момент, показывает его уровень безразличия к чужой боли, степень озлобленности, и то, какой запас эмпатии ещё остался у людей, которым официально ничего нельзя. Но вот ненавидеть – это да, это сколько угодно.

Я читала книгу дважды, один раз слушала в авторском саркастичном исполнении, второй раз перечитала с бумаги – как будто с первого раза далеко не всё улеглось. Спустя время, всё больше мне кажется, что это написано не для того, чтобы подмигнуть «своему» читателю (конечно, есть там и узнаваемые фрагменты реальности, особенно в самом начале), а скорее внимательно рассмотреть механизмы выживания человека внутри угнетающего режима, которые будут актуальны в любом обществе, угодившем в такую беду как bad infinity.

Ника Юрасова

30 июня:

ГАММЕЛЬНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ

Близилось Рождество, и звери в хлеву как-то заскучали. Под нож не хотелось, а хотелось тепла и лета.

Но настоящий побег силён сообщниками, поэтому они сговорились с котом и псом.

Ну и с ослом, конечно. Осёл тоже давно чувствовал себя неуверенно – его уже несколько раз обещали сводить в гости на живодёрню.

А осёл заметил, что никто из приглашённых на живодёрню обратно не возвращается.

Так они и рванули – по снегу, до рассвета.

Когда в первый раз они остановились перевести дух, то кот спросил, есть ли у кого идеи на будущее.

Идей не было – единственное, что всех утешало (и никем не было сказано вслух): никто не собирался никого есть. Правда, бывалый петух косился на пса – ему, петуху, рассказывали, что матёрые берут с собой в побег корову, чтобы потом съесть. Но коровы среди них не было, да и у старого пса сточились все зубы.

Через несколько дней они нашли в лесу избушку, где жили разбойники.

Разбойников они быстро прогнали, да так, что те не успели забрать своё имущество.

Обнаружив среди него скрипку и барабан, осёл предложил притвориться уличными музыкантами.

– А спросят нас: «Откуда вы?» – что ответим? – засомневался кот.

– Из Бремена! – ответил петух.

– Почему из Бремена? – спросил осёл, потому что он был настоящий осёл.

– Это единственное место, в котором никто из нас не был, – ответил мудрый петух.

Вооружившись музыкальными инструментами, они двинулись в путь. Первым им встретился озябший крестьянин, который отказался слушать музыку, и пришлось отобрать у него мешок с зерном просто так.

– Это зерно маркиза Барбариса! – крикнул крестьянин, но его никто не слушал.

Так же поступили и с другими встреченными путниками. Ослу это начинало нравиться, ведь он был настоящий осёл.

Впрочем, все равнодушные к музыке путешественники кричали им вслед, что маркиз Барбарис – волшебник, и он-то с этим делом разберётся.

Так они приблизились к огромному замку, и осёл постучался в маленькую железную дверь в стене, потому что он был настоящий осёл.

Им открыли, и тут звери поняли, что они попали в замок самого маркиза Барбариса. Маркиз оказался маленьким смешным человечком с уродливым винтом на спине.

У маленького смешного человечка росла синяя борода, что делало его ещё смешнее.

Маркиз Барбарис весело посмотрел на них, да так, что петух потерял несколько перьев, пёс прижал хвост, а осёл повесил уши.

Один кот спросил жалобно:

– Нам говорили, что ты волшебник... А ты можешь превратиться в мышь?

– Могу. Только ведь ты, глупый кот, попытаешься её съесть. Но ты не знаешь, что заплатишь за это своей жизнью. Эй, кот, ты готов съесть отравленную мышь? Погибнуть, так сказать, за други своя?

Кот попятился.

– Я даже готов превратиться в сено, да только во мне столько яда, что хватит на десять ослов, – продолжил странный урод. – Но я могу предложить вам сделку.

Вы поможете мне отвести кое-кого кое-куда.

– Кого?

– Детей. Детей, милые мои. У меня полный подвал детей, и они надоели мне хуже горькой брюквы. Что я ни делал, их не убывает.

– Даже...

– Да, я и это пробовал. Поэтому вы поможете мне их доставить в одно место неподалёку. А потом можете стать музыкантами, если захотите.

– Бременскими?

– Ну, уж не бременскими, во всяком случае. Назовётесь честно, по самому близкому городу. Что у нас тут ближе, осёл?

– Гаммельн, – сказал осёл, потому что он был настоящий осёл.

– Вот-вот, – согласился маркиз Барбарис. – И сколько вам уже никуда не деться, я расскажу вам свою историю.

Давным-давно я подружился с крысами. Более того, я подружился с крысиным королём. Но за эту дружбу меня невзлюбила одна добрая фея. А вы, звери, верно, не знаете, что добрые феи куда страшнее злых. Ведь злую фею сразу видно – она сморщенная и вонючая – брызни на неё водой, и она сразу растает. А вот добрые феи все в блёстках и шуршат платьями, как конфетными обёртками.

Да только внутри они ещё хуже, чем злые.

И вот добрая фея невзлюбила меня и превратила в дурацкое существо – с пропеллером на спине, в широких штанах на лямках и широко открытым ртом, в который дети совали всё что угодно – от жевательных резинок до орехов.

Вы, звери, жевали чужие резинки? Впрочем, кого я спрашиваю?

И я прожил долгие годы в таком обличье – но фее этого было мало, она натравила на меня всех детей. И я играл на дудочке (я так люблю играть на дудочке), дети лезли ко мне, тормозили и тилибомкали.

Первыми от этого ужаса из города бежали крысы, я бросился за ними, но дети преследовали нас.

Наконец, я обессилел и отстал от своих любимых крыс. Мне пришлось спрятаться в этой чащобе, в замке какого-то барона, которого я случайно съел вместе с вареньем. Пришлось, правда, договориться с Серым волком, чтобы он подъедал случайно напавших на мой след детей.

Но дети сами поймали Серого волка и расправились с ним. Теперь они живут у меня в замке, хоть и несколько притомились. Праздник непослушания всегда приедается.

На следующий день перед замком появился бродячий цирк. Осёл прят ушами возле телеги, на которой кот показывал фокусы, пёс плясал, а маркиз Барбарис летал над ними, как настоящий акробат под куполом.

Представление всё длилось и длилось, но никак не могло закончиться. И когда телега медленно двинулась по дороге, дети зачарованно пошли за ней.

Мелодия была так себе, да и фокусы были неважные, но развлечений в замке было так мало, что все безропотно шли за телегой.

Маркиз летел впереди, показывая дорогу.

Наконец, они пришли в Гаммельн.

Маркиз долго что-то искал, заглядывал в подвальные окна, пока, наконец, из одной дыры не выглянула молодая крыса. Она огляделась, пошевелила усами и вдруг поцеловала маркиза Барбариса в нос.

Тут у маркиза отвалился пропеллер-крестовина, и он стал как-то выше ростом.

Дурацкие штаны на лямках превратились в прекрасный серый камзол, а на голове у маркиза Барбариса теперь была треуголка.

Он обернулся к непоротым и некормленным детям:

– Дети мои, – сказал он, – Я привёл вас в Гаммельн. Наши странствия окончены – вы дома.

Он, не выпуская из рук крысы, устроился на повозке, в которую по-прежнему был впряжён осёл. Ослу всё это нравилось – потому что он был настоящий осёл.

Дети угрюмо молчали. Домой им не хотелось.

Наконец, самый маленький из них, совсем малыш, вышел вперёд:

– А ты обещаешь вернуться?
– Да не вопрос, – ответил маленький человек. – Но сначала пусть к вам вернутся крысы.

Владимир Березин

Авторы, нынче творящие в жанре фэнтези, в целом делятся на два вида (исключения из них есть, но они только подтверждают правило) – на тех, кто пишет цикл среднего размера (от трех до шести романов среднего объема), и на тех, кто пишет бесконечные циклы (10+ романов, и если перерыв между книгами был долгим, то хрен вспомнишь о чем там было дело, а перечитывать, как правило, неохота).

Я стараюсь дожидаться окончания цикла у авторов первого вида и тогда приступать к чтению (естественно мне прекрасно известен тезис «если не купить первую книгу цикла, то второй может и не быть») – целиком как-то удобнее, можно подряд читать, а не ждать пару лет следующего тома (см. выше про бесконечные циклы).

Но буквально недавно я решил изменить своему принципу (ведь нет правил без исключений) и начал читать цикл **Алексея Пехова «Птицы и солнцесветы»** не то, что, не дожидаясь конца цикла, а вообще слабо представляя, сколько там вообще романов задумано (пока написано два романа, и автор упоминал что-то про третий к концу этого года). И, знаете ли, не пожалел.

Автор снова придумал интересный мир (по развитию технологий – начало нового времени с паровозами и пистолетами) с любопытной системой магии (она основана на рунах, но это совсем не то, что вы думаете). Собственно, это даже не один мир, а два – в одном живут люди, а второй («Ил») больше всего похож на зону отчуждения, куда лезут только по важному делу или отмороженные (ну и главный герой, естественно). Мир людей когда-то завоевали

Птицы (только в конце второго романа про них становится хоть что-то ясно), потом люди освоили магию, сбросили птичье иго, и пошли осваивать оный Ил. И дальше понеслось.

Читается живо, герои интересные, мир продуман очень неплохо, приключений хватает (местами было скучновато, но таких мест мало), а сюжетный твист в конце второго романа меня приятно удивил. Так что я точно буду ждать продолжение цикла и надеяться, что все кончится трилогией (или на край – тетралогией).

Владимир Обручев

Смена пола? В народных сказках? Шутите?!

Нет. А в русской традиции еще и церковь замешана.

Русская сказка, собственно, начинается с ошибки священника, который перепутал пол ребенка, и вместо женского имени дал мужское.

Родители не стали спорить, решили, что это судьба. Растили дочку как сына, а затем еще и женить его ее догадались.

После свадьбы, наконец, наступила кульминация. «Сын» понял, что он не мальчик, а девочка. Открытие настолько выбило его из колеи, что с горя он решил утопиться. Но появился чудесный помощник и поменял ему пол на мужской.

В итоге получилось, что правы родители и священник, а сказанное в стенах церкви действительно судьба. И если для утверждения такой судьбы надо поменять пол, ничего страшного. Так – можно (*Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск. 1982. С. 292*).

Еще интереснее сказки народов Кавказа. Там герои пол меняют легко, непринужденно и даже, кажется, не без удовольствия.

Например, дагестанская сказка. Старый охотник заметил, как заяц опустил перебитые лапы в озеро и выздоровел. Обрадовался старик, прыгнул в воду и вынырнул пятнадцатилетней красавицей. Мимо проезжал хан и спросил пенсионера девушку, откуда она.

Догадался старичок, что может наконец устроить жизнь, и заявил, что сирота и некому ее содержать.

«Увел ее хан [к себе] и стал содержать, как жену. Охотник забеременел от хана и родил мальчика».

Дальше веселее. Когда бывший старичок перестал кормить молоком сына, то понял, что соскучился по охоте и старости, решил вернуть себе прежний облик. Побежал к озеру, нырнул и вынырнул... черной кобылой.

Хан тем временем отправился искать жену-красавицу, заметил бесхозную кобылу, забрал во дворец. Чтобы ей было нескучно, решил познакомить с красавцем-жеребцом. Последствия понятны:

«Кобыла принесла черного-пречерного жеребенка-самца».

Но как только превратившийся из девушки в кобылу старик перестал кормить жеребенка молоком, немедленно убежал и, совершенно ничему не наученный горьким опытом, нырнул в волшебное озеро.

«И вышел из него, превратившись в красную-красную телку».

Вездесущий хан телку нашел и решил случить с быком. Телка родила. Покормила. Сбежала. В этом месте сюжета слушателю уже закрадывается невольная мысль, что шаловливому старичку просто нравился процесс превращения и случки. Потому что при первой возможности он опять отправился на озеро. Окунулся...

«И вышел из него белой-пребелой борзой».

Дальше вы знаете. Хан нашел собаку, запустил к ней породистого кобеля, она родила щенка, а когда перестала кормить молоком – бегом купаться.

Впрочем, сказка уже получила от старичка все, что ей нужно по сюжету, и наконец вернула ему пенсионное удостоверение облик пожилого охотника. Поспешил дедушка домой, а то вдруг хану еще какая-либо прихоть по разведению пришла бы в голову. Может, он и пенсионеров разводить любит...

И знаете, мне эта сказка прям очень нравится. Потому что она не столько про волшебные превращения, которые просто декорация и антураж. Она про то, что даже в старости могут начаться самые захватывающие, самые невероятные и головокружительные приключения (*Сказка об охотнике, который, войдя в озеро, превратился в девушку // Свод памятников фольклора народов Дагестана. Т. 2. Волшебные сказки. М. 2011*).

Даже если ты пожилой одинокий охотник и не вылезашь из своей глубинки, то – как знать? – не станешь ли ты завтра любимой девушкой хана? Очень жизнеутверждающая и позитивная сказка.

Антон Нелихов

В городе моего детства на здании Центральной библиотеки, как кокарда на фуражке, был закреплен портрет молодого военного времен Крымской кампании. Его же белый профиль был высечен на черной гранитной плите — памятном знаке на знаменитом 4-м бастионе. И многие из нас, местных, испытывали замешательство, когда однажды оказывалось, что дедуля в крестьянской льняной рубаше из учебников и франтоватый 26-летний подпоручик артиллерии — один и тот же Лев Николаевич Толстой. К графу у меня, наверное, с тех пор отношение своеобразное: истории и анекдоты о нем я люблю едва ли не больше, чем собственно тексты.

А недавно Татьяна Дыбовская пошалопутничала и добавила к двум моим Толстым третьего — предположительно агента под прикрытием. Или даже француза. Но по порядку.

Заходят как-то в метаиронический бар Иван Тургенев и Гюстав Флобер. Слово за слово, трубкой по столу и решили — в силу тонких идеологических обстоятельств — запустить чрезвычайно дерзкий проект, попутно доказывая, что писательство феномен не столько онтологический, сколько функциональный. Говоря проще: вывезти из душной царской России зеркало русской революции, чтобы оно начало отражать новые идеи, не столь взрывоопасные. Прекраснодушными прожектерами не обошлось, в игру вступил Третий отдел. Так, в результате рокировки в Ясной Поляне поселяется неизвестный помещик и на серьезных щах играет роль будущего классика (прокалываясь в мелочах вроде местоположения ключа от письменного стола), а на небосвод французской литературы возносится новая звезда (специфического толка, чего скрывать) под именем Эмиль Золя и живет, что говорится, жизнь.

По параллельным рельсам этой альтернативной вселенной мчит жизнь современной учительницы, которая могла бы в постразводном сплине подсесть на алкоголь, но вместо этого заводит аккаунт в сервисе с безыскусным названием «Мутная полянка». Поначалу кажется, что там резвятся безумные толстовцы (как виртуальный Блумсдэй, только без бархоппинга и бутербродов с горгонзолой, зато с конспирологической дичью). Но постепенно, сперва не слишком охотно, затем с нарастающим азартом, Ольга втягивается в охоту за ценнейшим артефактом — письмом, в котором есть Все Объяснения тому, что описано в абзаце выше (письмо, правда, Достоевскому, с которым Толстой не общался, как

мы знаем, но теперь ни в чем не уверены). И рычаг этот способен перевернуть историю доброй сотни литературных лет. Впрочем, первое время сам рычаг Ольге не так интересен, как интрижка с романтическим предводителем конспирологов и попытки отбиться от бывшего мужа, недвусмысленно перекликающегося с лоханкинской пятистопной тоской.

Интертекст в романе отвечает за серьезную сторону, когда как детали бытования чаще за ироническую. Строго говоря, все это может показаться метафорой заигрывания с ноосферой, а может — литературной мистификацией ради авантюрного удовольствия. Впрочем, необязательно помнить золотой фонд цитат из школьной классики, чтобы считать отсылки. Дыбовская все равно занята тем, что разбирает на суставы сакральные в литературоцентричной среде образы и заполняет прорехи их прагматическими интенциями. Все ее персонажи вынуждены делать выбор в условиях, которые они, в свою очередь, не выбирали, отчего представляются сильно больше людьми, чем официальные словесные портреты. Татьяна сознательно разламывает миф о литературной подлинности: «Жерминаль» в итоге пишет не француз, «Воскресение» — не гений. Автор как совокупность навыков и душевных порывов здесь мертв чуть более чем полностью, а текст — и процесс, и результат — нарочито отделен от персоналии, при этом густо заселен личностями. Здесь-то, кажется, и таится главный кунштюк: «Проект “Борода”» (Альпина.Проза, Вимбо) развлекает читателя и остраивает пространство, рассказывая анекдот с бородой, но не тот, о котором многие подумали.

Ну и для тех, кто любит читать ушами, аудиоверсия в исполнении Александры Урсуляк и Алексея Багдасарова уже в Яндекс Книгах.

Анастасия Шевченко

Лонгриды:

Лео: отчет за двадцать лет

О книге Леонида Каганова «Моя космонавтика и другие истории»

Леонид Каганов. Моя космонавтика и другие истории: повести, рассказы. СПб.: Азбука, 2026.

Леонид Каганов, он же LLeo – человек-мем, причем с незапамятных доинтернетных времен. Среднерусскую возвышенность еще топтали волосатые слоны с большими зубами, а LLeo уже модерировал эху (то есть группу) ОВЕС.РАСТЕТ в сети FIDO, забытой ныне всеми, кроме конченных олдфагов, тусил с писателями, сценаристами, музыкантами – и, разумеется, сочинял сам: стихи, фантастические рассказы, пьесы, даже, если не изменяет память, эстрадные монологи. Тексты, которые тут же тараканами разбегались по страницам газет и журналов, часто без указания имени автора, как «народное творчество». Ну в самом деле, разве можно не украсть, если текст хороший и выложен в сети? Рука сама тянется к Ctrl+C – Ctrl+V.

С годами Каганов не то чтобы остепенился, но приобрел устойчивую репутацию за пределами Всемирной Паутины. Собрал весомую коллекцию премиального «золота» (в основном жанровые премии за фантастические рассказы: пять «Интерпресконов», четыре «Бронзовых Роскона», два «Странника», «Бронзовую улитку» Бориса Стругацкого, «Еврокон» и так далее), работал телесценаристом, копирайтером и автором скетчей, выпустил несколько сборников «малой прозы» и даже несколько романов, сольно и в соавторстве, – крупные

тексты, впрочем, не вызвали заметного отклика у читателей и критиков. Но, разумеется, продолжал развлекаться и в Сети, участвовать в онлайн-конкурсах вроде «Рваной грелки», публиковать эксклюзив на своей персональной страничке.

«Моя космонавтика и другие истории» – первый прозаический авторский сборник Каганова с 2007 года, то есть за двадцать лет без малого. В пухлый том объемом почти 1000 страниц вошло несколько общеизвестных «золотых хитов» («Хомка», «Эпос хищника», собственно «Моя космонавтика»), но основу этого сборника составляют повести и рассказы, до сих пор печатавшиеся только в журналах и антологиях – и, конечно, тексты, выходящие на бумаге впервые. Что ж, отчет за двадцать лет получился солидным. И искренним: в этой книге автор без стеснения показывает, как принято выражаться, разные грани таланта, свои сильные стороны – и, что скрывать, стороны слабые.

Сначала о сильных. Многие читатели из фэндома 1990-х до сих пор воспринимают Каганова как юмориста, комика, чуть ли не эстрадного сатирика «от фантастики». И некоторые основания для этого он дает: достаточно вспомнить его плодотворное сотрудничество с «О.С.П.-студией» или иронические куплеты для газеты «F5». Репутация в целом заслуженная: для того, чтобы вызвать нервный смех, автору не нужно даже шутить, достаточно зачитать с нужной интонацией ленту текущих новостей:

«В Кемерово неизвестные угнали тепловоз. Епископ брызнул в лицо журналистке расплавленным оловом. В Москве проезд по улице Обручева с сентября станет платным... Иран объявил войну Египту и Венгрии...»

(Это из рассказа 2014 года «Когда меня отпустит» – который, кстати, на проверку оказывается

совсем не фантастическим.) Но в сборнике «Моя космонавтика» ЛЛео предстает писателем куда более многоликим, порой лиричным до сентиментальности – а когда какой-то функциональный стиль автору не дается, ничто не мешает ему сымитировать или спародировать нужную тональность. Как, например, в утешительно-оптимистическом финальном монологе главной героини рассказа «Вера и мёд».

В целом Каганов демонстрирует завидный диапазон и разнообразие тем: от юморесок на остроактуальные темы вроде нейросетей и интернет-мошенничества в особо крупных размерах с последующей конфискацией («Опасити») и затянутых, но не бородатых анекдотов («Страшная месть» или рассказ с нечитаемым названием «■■■ ■■■ ■■■» – эти квадраты и прямоугольники скрывают вовсе не то, что первым делом приходит в голову, а всего лишь звуки божественной речи, недоступные простым смертным) до историй, которые уместнее смотрелись бы на страницах антологии хоррора (например, «Небесные колокола», где человечество ведет неравный бой с инсектоидами, пожирающими людей изнутри, и очевидно проигрывает).

Неплохо справляется Каганов и с классической социальной фантастикой. Суровая повесть «Лимонная планета» о стратегиях неокOLONиализма на межзвездных просторах с сомнительным хэппи-эндом от «недоверенного рассказчика» четко выдержана в традиции прогрессивной НФ 1960–1970-х, Роберта Сильверберга, Урсулы Ле Гуин, Джеймса Типтри-младшего и т. д. Кстати, иллюстрация Сергея Шикина к этому произведению, вынесенная на обложку книги – тоже своего рода пародия, надо только угадать оригинал.

Но любимый конек ЛЛео, его главная фишка, благодаря которой Каганов выгодно выделяется на фоне приличных и хороших, но не хватающих звезд с неба отечественных фантастов, это мысленные эксперименты в области психологии. Каким видит мир человек, который внезапно начинает слышать не слова собеседника, а подлинное сообщение, за этими словами скрывающееся («Диалоги рептильного мозга»)? Как отреагирует на внезапную искусственную депрессию бизнесмен «старой школы», строивший всю жизнь и карьеру в невероятно тяжелых, располагающих к клинической депрессии условиях («Депрессант»)? Что мотивирует людей объединиться против общего врага, даже если они знают, что часть из них неизбежно будет убита в бою («Пикалка»)? Возможно, у профессиональных психологов ответы Каганова вызовут некоторый скепсис, но читателю-дилетанту они представляются вполне убедительными. Возможно, потому, что автор старательно избегает прямолинейности и дидактики, не поучает с табуреточки, а дает нам пищу для размышления. Ну, а прямые наставления у него раздают как раз персонажи не самые симпатичные:

«Веди себя гордо, спину выпрями. Говори мало, слушай много. Всех называй вежливо по имени-отчеству. Но таким тоном, будто мысленно добавляешь „сука ты такая“. У нас так принято. Понял?..»

Умение правдоподобно описывать психологические состояния героев без упрощения и схематизма в комбинации с иронией, доходящей до сарказма, – сочетание редкое, для условной «жанровой прозы» XXI века почти уникальное. У нас обычно одно из двух: или сатира, или психологизм, и вместе им не сойтись, как Востоку и Западу у Киплинга.

Однако и на старуху бывает проруха, не обходится без факапов и ЛЛео. Обычно Каганов шутит тонко, остроумно, изобретательно, но иногда на него что-то находит и автор переключается в режим юного (или наоборот, отчаянно молодящегося) обитателя «нижнего интернета»: «Меньшинства? Мизогиния? Гы, во ржака!». И пошло-поехало:

«Мне кажется, вы меня боитесь... Это приносит вам вред, поэтому я обязан дать пояснения, хотя вы запретили мне давать вам пояснения. Но я должен уверить: меня не следует бояться! Ведь я подчиняюсь трем законам робототехники в редакции от 2207 года. Первое. Робот не может причинить вред женщине или своим бездействием допустить, чтобы женщине был причинен вред. Второе. Робот должен повиноваться всем приказам женщины, кроме случаев, когда приказы противоречат пункту первому. Третье. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит предыдущим...».

Так себе юморок, если честно, что-то то ли из позднего Виктора Пелевина, то ли из древней программы «Аншлаг».

Стоило ли включать в эту подборку тексты сомнительного остроумия – вопрос спорный. Зависит от того, какие задачи ставил перед собой составитель. Если целью было отобрать лучшие сочинения Каганова, представить читателям «the best of», то без рассказов «Антимизогинный двигатель», «Далекая гейпарадуга» и т. п. сборник бы ничего не потерял – разве что стал чуть энергичнее, суше и мускулистее. С другой стороны, если составитель планировал показать, чем же занимался писатель Леонид Каганов на протяжении этих двадцати лет в перерывах между комическими куплетами и заполнением онлайн-дневника, во всей, так сказать,

неприглядной наготе, тогда, конечно, никуда не денешься.

Как ни крути, все эти рассказы, даже не самые удачные – уже история.

Та самая, которая ни слова, ни полслова не соврет.

Василий Владимировский

<https://gorky.media/reviews/lleo-otchet-za-dvadtsat-let>

«Объект» – межзвёздный странник и субъективное время

«Объект» Джошуа Т. Калверта оставляет двойное впечатление.

Роман хочет быть историей о первом контакте, однако автор ради правдоподобности закапывается в нюансы подготовки к миссии и самого полёта, выделив на увлекательные события внутри межзвёздного гостя так мало страниц.

Как так получилось и чего ждать от книги – давайте разбираться.

Астрофизик Мелоди Адамс из НАСА регистрирует загадочный объект у Плутона. Доктор Адамс, вопреки осторожной позиции и даже скепсису коллег, делает смелое заявление: все данные указывают на то, в Солнечную систему прибыл корабль из далёкого космоса.

Подобные заявления приводят к отрицательному карьерному росту Мелоди. Она покидает НАСА и становится автором бестселлера о межзвёздном госте и популярным лектором.

Однако через пару лет в НАСА признают правоту доктора Адамс: всё, что они с тех пор узнали, подтверждает её гипотезу, а объект, названный Серенити, действительно может быть кораблём. Чтобы убедиться окончательно, к Серенити решено направить группу землян.

Весомую часть книги занимают дистанционное изучение объекта, подготовка и, собственно, сам полёт, с обилием бытовых описаний. Из-за этого роман в большей степени ощущается как производственный. В какой-то момент может показаться, что даже загадка Серенити отходит на второй план.

Калверт старается удерживать пришельца в фокусе внимания персонажей, но перекося ощущается.

Если бы цель автора была в том, чтобы визуализировать технологические и научные достижения, благодаря которым в ближайшем будущем можно было бы повернуть такую неординарную миссию, сделать этакий «срез», то он справился. Однако, на мой вкус, куда интереснее получилась финальная треть с проникновением на Серенити, в жутковатые внутренности объекта, и их изучение.

Часть истории, посвящённая бионике Серенити, таинственным сновидениям, будоражащим экипаж «Пангеи», а также размышлениям о различии в восприятии времени – лучшее в «Объекте».

Однако, как я написал выше, значительную часть книги Калверт посвятил миссии, подготовке и полёту. На мой взгляд, из-за того, что тема субъективности восприятия времени поднимается лишь в конце и занимает так мало места в романе, создаётся впечатление, будто писателя куда больше привлекает именно это.

Хотя в послесловии и в интервью Калверт вспоминает подёнок – короткоживущих насекомых, вдохновивших его на написание «Объекта». То есть на проблему восприятия времени как ключевую в романе указывает сам автор.

Как мне кажется, он просто увлёкся, пытаясь соблюсти научную достоверность в описании экспедиции к Серенити. Отсюда и композиционный перекося в сторону событий и деталей, лишь предваряющих то, ради чего книга писалась. Это стоит иметь в виду: книга очень долго разгоняется, а основная тема может показаться толком нераскрытой.

К счастью, об астрофизике и космонавтике Калверт пишет так же легко и увлекательно. Но не могу не отметить пару моментов.

Например, про привлечение в экипаж тайконавтов с демонстративным пренебрежением российскими космонавтами. Дело в том, что взаимодействие между НАСА и «Роскосмосом» не прекращалось даже в кризисные моменты, идёт совместная работа (перекрёстные полёты, поддержка МКС), налажена научная и техническая коммуникация.

Китай же осваивает космос подчёркнуто независимо: свои ракеты и корабли, своя спутниковая система, своя космическая станция «Тяньгун» и проч. А учитывая затрагивающийся в романе тайваньский вопрос, внезапное изменение политики международного сотрудничества без дополнительных объяснений кажется не меньшим фантастическим допущением, чем межзвёздный объект.

Ну и по мелочи. В одной из сцен астронавты играют в баре в викторину на знание научной и технической информации – выглядит надуманно, и я очень удивлюсь, если у этой сцены есть исторические предпосылки. Ещё смутило использование на Серенити водоструйной пилы для вскрытия космического гостя: такой инструмент, предполагающий солидный расход воды, кажется не самым рациональным выбором – где ж они её столько возьмут?

«Объект» отсылает к такой классике, как «Свидание с Рамой» Артура Кларка (разве что с упором на приготовления к полёту, а не на экспедицию внутрь межзвёздного гостя).

Также вспоминается «Контакт» Карла Сагана, в котором женщина-радиоастроном принимает

сигнал из другой звёздной системы. У Калверта тоже есть намёки на осложнение общественно-политической ситуации на Земле на фоне открытия и полёта к Серенити. Правда, связаны эти кризисы не с миссией как таковой, а обусловлены другими проблемами, но также сказывающимися на ходе миссии.

Финальная часть «Объекта», местами мрачная и жутковатая, напоминает уже космохоррор Дэвида Веллингтона «Последний астронавт», в котором группа исследователей также пробирается на прибывший в Солнечную систему межзвёздный объект.

К слову, ещё на стадии анонса «Объекта» я обратил внимание на имя писателя, Джошуа Т. Калверта. Дело в том, что так же (кроме Т.) зовут одного из основных персонажей «Пришествия Ночи» – масштабной космооперы Питера Гамильтона. Казалось бы, забавное совпадение, не более.

Однако одна из немногих явных научно-фантастических отсылок в «Объекте» касается именно «Пришествия Ночи»: Мелоди вспоминает о книгах Гамильтона, размышляя о космических кораблях с «живой» начинкой. При этом книги Гамильтона и Калверта совсем разные по настроению, сюжету и по форме. Да и Мелоди подчёркивает отличия.

Сам же Калверт в относительно недавнем интервью называет Гамильтона в числе авторов, повлиявших на его творчество. В связи с этим возникает вопрос о псевдониме, однако я такой информации не нашёл. Возможно, и правда – интересное совпадение.

При этом Калверт считает «Объект» одной из своих лучших и наиболее зрелых историй. И несмотря

на вышесказанное, «Объект» воспринимается всё же как твёрдая НФ ближнего прицела, в которой вопросы контакта и субъективности ощущения времени соседствуют с подробными описаниями работы всамделишных учёных и астронавтов.

Оттолкнуть могут невыразительные персонажи и неровный темп повествования, а также избыточная детализация, когда значительное место в книге занимают порой действительно второстепенные подробности. Книга как будто распадается на две части: производственный роман с кучей необязательных деталей и остросюжетная фантастика о первом контакте.

«Объекту», на мой вкус, не хватает целостности. При этом книга всё равно увлекательная, просто разные её части увлекают по-разному.

Полагаю, если бы «Объект» стал фильмом, композицию переработали бы, уместив всю подготовку и полёт в первую треть, выделив побольше хронометража на самое интересное. Сама книга так и просится на экран.

Павел Сидоров

<https://dzen.ru/a/ahSGTwwDZhw3ArVu>

© Источники:

RocketMan: https://t.me/RocketMan_kosmodrom

TheNewYorkerRu: <https://t.me/thenewyorkerru>

Александр Лукашин: mail

Александра Прохорова: Винишко под книжку, <https://t.me/culturehedonism>

Алексей Андреев: Alex Andreev Art, <https://t.me/alexandreevarts>

Алексей «Лёлик» Иванов: Полпарсека до парсека, <https://t.me/polparseka>

Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs

Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair

Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, <https://t.me/UmiGame>

Антон Нелихов: Минутка этнографии, https://t.me/minutka_entnography

БВИ: Братия по Разуму: <https://t.me/bratrзум>

Василий Владимирский: speculative_fiction, <https://t.me/SpeculativeFiction>

Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, <https://t.me/horrorfantastcom>

Вика Рипа: Еврейка у микрофона, <https://t.me/urfavjewishgirl>

Виктор Язневич: mail

Владимир Березин: березин, <https://t.me/berezin>

Владимир Обручев: Книги лучше..., https://t.me/bigboss_books

Григорий Копейкин: Записки Копейкина, https://t.me/g_kopeikin

Дарья Бобылёва: Ход грибной королевы, <https://t.me/inomirj>

Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet

Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, <https://t.me/denosavor>

Дэвид Лангфорд: Ansible, <https://news.ansible.uk/>

Екатерина Каретникова: #прокнижное, <https://t.me/karetni>

Жанна Пояркова: Heresy Hub, https://t.me/heresy_hub

Инар Искендинова: Так говорил Лем, <https://t.me/lemtalking>

К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k

Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn

Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru

Наталия Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre

Ника Юрасова: Nika's Tsundoku Club, <https://t.me/nikatsundokuclub>

Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, <https://t.me/starlighthousekeeping>

Николай Подосокорский: Подосокорский, <https://t.me/podosokorsky>

Олег Кожин: Шкаф с кошмарами, <https://t.me/kozhinoleg>

Павел Сидоров: Сай-фай ревью, <https://t.me/scifireview>

Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, <https://t.me/theworldisnoteasy>

Танда Луговская: Tanda_v_Telegrame, https://t.me/tanda_v_telegrame

Ульяна Скибина: Сказки лесной ведьмы, https://t.me/Fairy_tales_of_the_forest_witch

Фёдор Панфилов: Panfilov FM: <https://t.me/panfilovfm>

Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, <https://t.me/idiatullin>

Юлия Евдокимовская: Заквашен на книгах, https://t.me/we_and_books